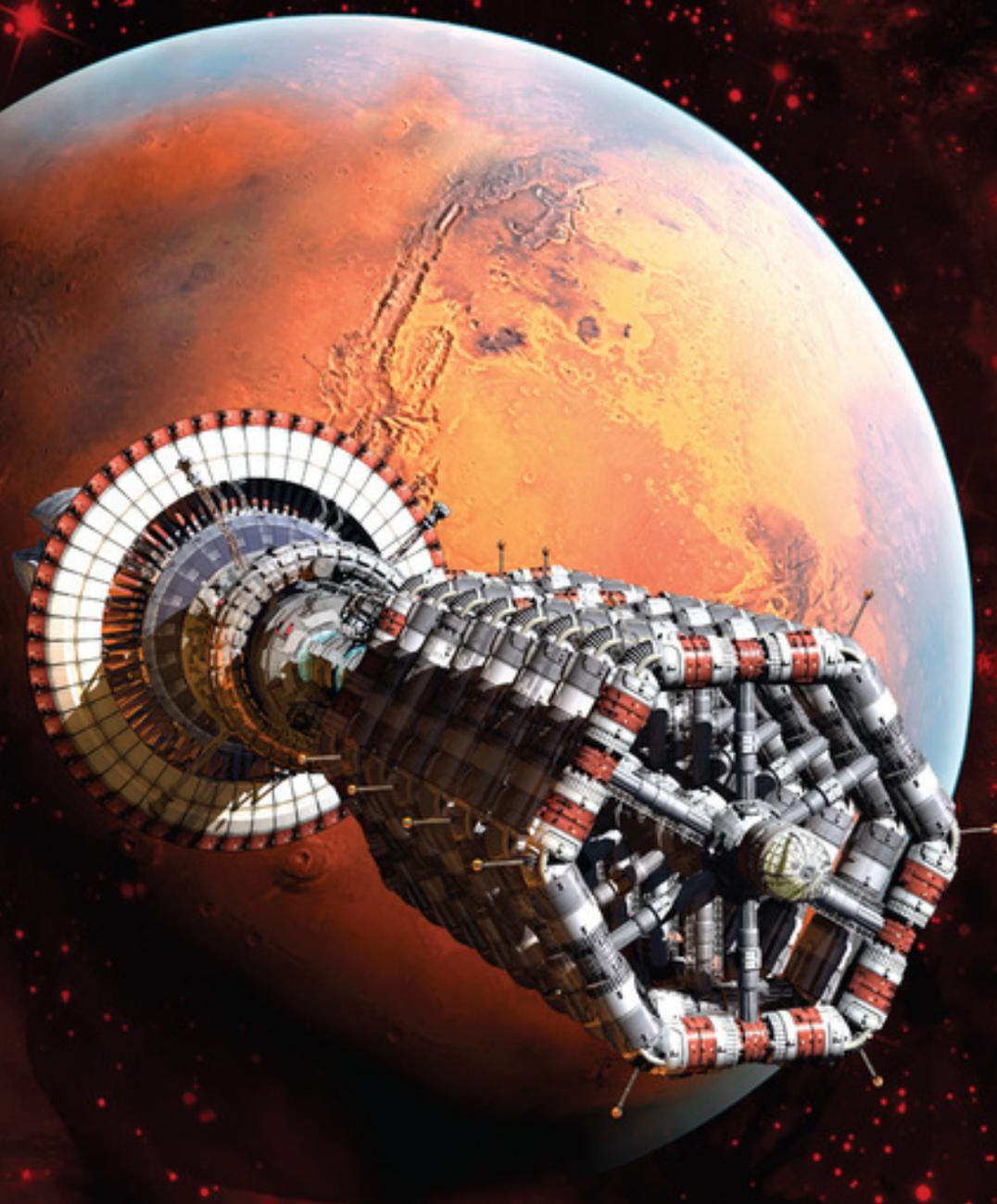

КРАСНЫЙ МАРС

КИМ СТЭНЛИ РОБИНСОН

ПОТРЕСАЮЩАЯ КНИГА!
ЛУЧШИЙ РОМАН О КОЛОНИЗАЦИИ МАРСА
ИЗ КОГДА-ЛИБО НАПИСАННЫХ.
АРТУР КЛАРК

fanzon

Марс

Ким Робинсон
Красный Марс

«ЭКСМО»

1993

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Робинсон К. С.

Красный Марс / К. С. Робинсон — «Эксмо»,
1993 — (Марс)

ISBN 978-5-699-89463-5

Марс был пуст, пока на нем не появились мы. В 2026 году первые колонисты с Земли отправляются на Красную планету. Их миссия – создание благоприятных условий для жизни на Марсе, на поверхности которого первопроходцев уже ждут разнообразные устройства и механизмы, заброшенные сюда грузовыми кораблями. Будущие марсиане планируют растопить полярные шапки, поднять температуру атмосферы и заселить поверхность планеты бактериями... Но среди колонистов есть те, кто не согласен изменять первозданный облик Красной планеты, те, кто желает объявить Марс независимым от Земли государством, и они готовы сражаться за свои убеждения до последнего!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-89463-5

© Робинсон К. С., 1993
© Эксмо, 1993

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	21
Часть третья	63
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Ким Стэнли Робинсон Красный Марс

Kim Stanley Robinson

Red Mars

Copyright © 1993 by Kim Stanley Robinson

Разработка серии А. Саукова, Н. Плутахина.

© Агеев А. И., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Лизе

Часть первая Праздничная ночь

Марс был пуст, пока на нем не появились мы. Но не то чтобы там никогда ничего не происходило. Планета нарастала, плавилась, бурлила и остывала, отчего ее поверхность испещрили огромные геологические образования – кратеры, каньоны, вулканы. Только все это происходило в ископаемой бессознательности и никем не наблюдалось. Тому не было свидетелей – не считая нас, наблюдающих с соседней планеты, и то лишь в последнее мгновение ее долгой истории. Мы – единственный сознательный взгляд, который когда-либо обращался к Марсу.

Теперь история Марса в человеческом понимании известна каждому: как во все доисторические поколения он был одним из главенствующих светил благодаря своей красноте и переменчивой яркости, как иногда останавливался в своем странствии среди звезд и менял направление движения на противоположное. Казалось, он пытался что-то этим сказать. Вероятно, поэтому все древнейшие названия Марса звучат так причудливо – Ниргал, Мангала, Окакух, Хармахис, – так, будто они еще старше тех архаичных языков, в которых мы их находим, будто это ископаемые слова из ледникового периода или предыдущих эпох. Да, Марс тысячи лет был священной силой для деяний людских, его цвет сделал эту силу опасной, олицетворяющей кровь, ярость, войну и мужественность.

Затем первые телескопы позволили нам взглянуть поближе, и мы увидели маленький оранжевый диск с белыми полюсами и темными пятнами, которые расширялись и уменьшались с течением долгих периодов. Ни одно из последующих усовершенствований этих телескопов не дало нам большего, но на лучших изображениях, сделанных с Земли, оказалось достаточно клякс, чтобы вдохновить Лоуэлла на известную всем нам историю об увядающем мире и героическом народе, в отчаянии сооружающем каналы, пытаясь сдержать последнее наступление пустыни.

Это была замечательная история. Но затем «Маринер» и «Викинг» прислали свои фотографии, и все изменилось. Наши знания о Марсе на порядок возросли, мы узнали об этой планете буквально в миллионы раз больше, чем знали до этого. И тогда перед нами развернулся новый мир, – мир, о котором мы не подозревали.

И все же этот мир был безжизненным. Люди искали признаки того, что на Марсе была или есть жизнь, – хоть что-то от микробов до обреченных каналостроителей и даже инопланетных пришельцев. Как вы знаете, таких свидетельств до сих пор не обнаружено. Тогда, чтобы заполнить пробел, стали прямо-таки расцветать истории – равно как во времена Лоуэлла или Гомера, как в пещерах или в саваннах – истории о микроокаменелостях, разрушенных нашими биоорганизмами, или о руинах, найденных в пыльных бурях и затем безвозвратно потерянных, о Большом человеке и его приключениях, об ускользающих красных человечках, которых можно уловить лишь краем глаза. Все это было придумано в попытках наделить Марс жизнью, как-то оживить его. Ведь мы – все те же животные, которые, пережив ледниковый период и зачарованно глядя на ночное небо, рассказывали свои истории. И Марс никогда не переставал быть для нас тем, чем был с самого начала, – великим знаком, великим символом, великой силой.

И вот мы здесь. Он был силой, но теперь стал местом.

– И вот мы здесь. Только они себе не представляли, что к тому времени, как мы окажемся на Марсе, путешествие изменит нас и ничего из того, что они нам рассказывали, не будет иметь никакого значения. Это не было похоже ни на погружение на подводной лодке, ни на освоение Дикого Запада – это был совершенно новый опыт, и, когда «Арес» старто-

вал, Земля наконец стала такой далекой, что превратилась в обыкновенную голубую звезду, одну из многих, а ее голоса доходили с таким опозданием, что казалось, будто они доносятся из прошлого века. Теперь мы были сами по себе, а значит, мы стали *принципиально иными существами*.

«Вранье», – с раздражением подумал Фрэнк Чалмерс. Он сидел среди высокопоставленных лиц и смотрел, как его старый друг Джон Бун произносит свою привычную Вдохновляющую Речь. Она наводила на Чалмерса скуку. На самом деле полет на Марс по ощущениям был равносителен длительному путешествию на поезде. И они не только не стали принципиально иными существами, а наоборот, стали собой еще больше, чем когда-либо, освободившись от прежних порядков и оставшись лишь с исходным материалом самих себя. Но Джон стоял, размахивая указательным пальцем перед толпой, и изрекал:

– Мы прибыли сюда, чтобы сотворить нечто новое, и теперь все наши земные разногласия отпали как неприменимые к новому миру!

Да, все это он имел в виду буквально. Марс для него был линзой, искажавшей все, что он видел, – чем-то вроде религии. Этот же вздор он изливал и в частных разговорах – как бы выразительно его собеседник ни закатывал глаза.

Фрэнк перестал его слушать и перевел взгляд на новый город. Его собирались назвать Никосией. Это первый город, построенный на марсианской поверхности; все его строения находились под тем, что было, по сути, громадным прозрачным шатром, который держался на почти невидимом каркасе. Он располагался на куполе Фарсида, к западу от Лабиринта Ночи, и благодаря этому отсюда открывался потрясающий вид: далекий горизонт на западе прерывался плоской вершиной горы Павлина. Ветеранам Марса в этой толпе такое зрелище кружило головы: они наконец оказались на поверхности, выбравшись из впадин и кратеров, и теперь могли бесконечно смотреть вперед! Ура!

Смех публики вернул внимание Фрэнка к давнему другу. Джон Бун говорил хрипловатым голосом с приятным среднезападным акцентом и поочередно (а иногда и одновременно) становился расслабленным, напряженным, искренним, самоироничным, скромным, уверенным, серьезным и смешным. Короче говоря, он был идеальным оратором. Публика внимала с восхищением: для них он был Первым Человеком на Марсе, и они смотрели на него, будто на Иисуса, готовящего им ужин из хлеба и рыбы. На самом деле Джон почти заслуживал их обожание за то, что сотворил схожее чудо в несколько другой области, превратив их дни, проводимые в консервной банке, в удивительное духовное странствие.

– Марс – величественное, экзотическое и опасное место, – возвестил Джон, говоря о замороженном шаре из окисленного камня, который подвергался излучению примерно пятнадцать бэр в год. – И мы приложим усилия и построим новый общественный строй, совершив следующий шаг в истории человека! – То есть последнего вида доминирующих приматов.

Этой напыщенной фразой Джон завершил свою речь, и, разумеется, за ней последовал гром аплодисментов. Затем на подиум поднялась Майя Тойтовна, чтобы объявить Фрэнка Чалмерса. Он посмотрел на нее, давая понять, что не хотел бы выслушивать ее шутки. Она это заметила и все же произнесла:

– Следующий выступающий был топливом в нашем ракетном корабле. – Кто-то издал смешок. – Именно его замыслу и энергии мы, в первую очередь, благодарны за то, что оказались на Марсе, так что забудьте о всяких претензиях, которые имеее к нашему следующему выступающему, моему давнему другу Фрэнку Чалмерсу.

Поднявшись на подиум, он поразился тому, насколько крупным оказался город, протянувшийся вдаль вытянутым треугольником. Первые марсиане собрались в наивысшей его точке – в парке на западной вершине. Семь дорожек расходились, чтобы превратиться в широкие травянистые бульвары, обсаженные деревьями. Между ними стояли невысокие

трапецидальные строения – фасад каждого отделан полированным камнем определенного цвета. Размерами зданий и архитектурой это место слегка напоминало Париж, каким его видели пьяные фовисты по весне, с тротуарными кафе и всем остальным. Через четыре или пять километров вниз по склону граница города была отмечена тремя стройными небоскребами, за которыми простиралась низкорослая зелень фермы. Небоскребы служили частью каркаса шатра, представлявшего собой куполовидную сеть из небесного цвета линий. Сама его ткань была почти незаметной – она, казалось, висела в воздухе. Это настоящее чудо! Никосии предстояло стать популярным городом.

Так Чалмерс и заявил толпе, и люди с воодушевлением согласились. Публика, при всей своей переменчивости, слушала его с той же чуткостью, что и Джона. Тучный и темноволосый Чалмерс понимал: у него мало общего с Джоном, миловидным блондином. Но он понимал и то, что имеет свою грубоватую харизму, и, разогреваясь, извлекал ее наружу и начинал метать в слушателей отборные фразы собственного сочинения.

Меж облаков прорвался луч солнечного света, попал на лица в толпе, и Чалмерс ощутил, что у него странно сжался живот. Столько *незнакомцев*! Скопление людей пугало его, пугали и незнакомые лица – все эти влажные неживые чужие глаза, окруженные розовыми пятнами, обращенные к нему... Обычно, выступая перед публикой, он выбирал несколько лиц, и остальные становились видимым фоном, но сейчас свет, падавший из-за его спины, озарил толпу – все разом попали в его поле зрения, и их оказалось слишком много. Пять тысяч человек в одном-единственном марсианском городке! После пяти лет в Андерхилле это было тяжело осознать.

Он попытался сказать публике что-то в этом роде:

– Оглядываясь... – произнес он, – оглядываясь вокруг... замечаешь необычность нашего присутствия здесь... эта необычность становится акцентированной, вызывающей.

Он терял их внимание. Как это сказать? Как сказать, что они со своими горящими, словно небесные фонарики, лицами одни в этом скалистом мире? Как сказать, что, даже если бы живые существа были лишь носителями генов беспощадности, это все равно лучше пустого неорганического небытия?

Конечно, он никогда не смог бы этого сказать. Ни сейчас, ни когда-либо еще и уж точно не перед публикой. Он взял себя в руки.

– В этом марсианском запустении, – продолжил он, – присутствие человека является воистину значительным. – «Они будут относиться друг к другу заботливее, чем когда-либо», – язвительно повторял голос у него в голове. – Эта планета сама по себе – лишь мертвый холодный кошмар... – «И потому экзотична и величественна». – А поскольку она предоставлена нам, мы должны провести процесс... некоторого ее преобразования... – «Или создания нового общественного строя».

И тут – да, да, да! – он понял, что произносит ту же ложь, которую только что слышал от Джона!

То есть нес тот же вздор. Но люди хотели именно этого, такова уж была политика. В конце речи его так же наградили громом аплодисментов. Раздраженный, он объявил, что пора приступать к еде, лишив Майю возможности произнести заключительное слово. Хотя она наверняка знала, что он это сделает, и не готовилась говорить что-либо еще. Фрэнк Чамберс любил, когда последнее слово оставалось за ним.

Люди сгрудились на временной платформе, смешавшись с важными особами. Стольких человек из первой сотни редко удавалось собрать вместе, и теперь Джон с Майей, Саманта Хойл, Сакс Расселл и Чамберс оказались окружены толпой.

Фрэнк посмотрел поверх голов на Джона и Майю; он не узнавал никого из обступивших его землян, что удивило его. Он пошел по платформе и заметил, как Майя и Джон переглянулись.

– Нет причин, по которым обычные законы нельзя было бы применять здесь, – говорил им один из землян.

– Разве гора Олимп, по-вашему, похожа на Мауна-Лоа?¹ – возразила ему Майя.

– Конечно, – сказал мужчина. – Все щитовые вулканы похожи друг на друга.

Фрэнк пристально смотрел на Майю поверх головы этого болвана. Она не подавала виду, что замечает его взгляд. Джон притворялся, что не видит Фрэнка. Саманта Хойл вполголоса объясняла что-то другому мужчине, тот кивнул и случайно взглянул на Фрэнка. Саманта продолжала стоять к нему спиной. Но для него был важен только Джон. Важны Джон и Майя. И они оба притворялись, будто все хорошо; но тема беседы с подошедшими людьми уже была ими забыта.

Чалмерс сошел с платформы. Толпа все еще спускалась по парку, к столам, расставленным в верхних оконечностях семи бульваров. Чалмерс следовал за ними под сенью пересаженных молодых платанов, чьи листья цвета хаки окрашивали послеполуденный свет, делая парк похожим на дно аквариума.

Строители пили водку за банкетными столами, голося все громче и смутно осознавая, что строительство закончилось, а с ним и героическая эпоха Никосии. Как, пожалуй, и всего Марса в целом.

Звучащие повсюду разговоры перекрывали друг друга. Фрэнк утонул в турбулентности, пока пробирался к северной границе города. Он остановился перед бетонным парапетом по пояс высотой – здесь была городская стена. Из металла, выступавшего в верхней ее части, возвышалась прозрачная пластмасса в четыре слоя. Швейцарец, указывая на нее с довольным видом, объяснял группе посетителей:

– Внешняя мембрана из пьезоэлектрического пластика генерирует электроэнергию из энергии ветра. Следующие два листа содержат изоляционный слой из аэрогеля. А внутренний слой – это поглощающая радиацию мембрана, и когда он становится фиолетовым, это означает, что он подлежит замене. И все это прозрачнее обычного окна, да?

Посетители согласились. Фрэнк протянул руку и надавил на внутреннюю мембрану. Та натянулась до такой степени, что пальцы вошли в нее до костяшек. Внутри оказалось слегка прохладно. На пластике был еле заметен мелкий печатный текст: «Полимеры равнины Исиды». Оглянувшись через плечо, он все еще мог разглядеть сквозь платаны платформу на вершине. Джон и Майя вместе с группой своих земных почитателей по-прежнему находились там и оживленно разговаривали. Дирижировали делами планет. Решали судьбу Марса.

Он перестал дышать. Почувствовал, как у него стиснулись зубы. Ткнул пальцем в стену шатра так сильно, что выдавил наружную мембрану, – теперь часть его гнева сохранилась, превратившись в электричество в городской сети. Поливинилидендифторид в этом отношении был особым полимером: атомы углерода соединялись с водородом и фтором, создавая вещество даже более пьезоэлектрическое, чем кварц. Но стоило изменить хоть один элемент из трех, и все становилось по-другому – если, например, заменить фтор на хлор, получалась пищевая пленка.

Фрэнк посмотрел на свою скрытую в мембране руку, затем вновь на два остальных элемента, все еще соединенных друг с другом.

Ведь без него они были никем!

¹ Вулкан на острове Гавайи. – *Здесь и далее прим. пер.*

Чувствуя гнев, он двинулся по узким улочкам города.

Люди, столпившиеся на площади, будто мидии на скале, оказались группой арабов, которые пили кофе. Арабы прибыли на Марс всего десять лет назад, но уже стали силой, с которой приходилось считаться. У них было много денег, и они начали сотрудничать со швейцарцами, чтобы построить несколько городов, включая этот. На Марсе им нравилось. Саудовцы говорили, что он напоминает прохладные дни в Пустой четверти². Сходство было таким, что арабские слова быстро приживались в английском, поскольку в арабском было больше слов для такой местности: «акаба» – крутые склоны вокруг вулканов, «бадя» – огромные песчаные холмы, «нефудс» – глубокозалегающие пески, «сейл» – русла рек, высохшие миллиарды лет назад... Некоторые говорили, что было бы проще полностью перейти на арабский, и дело с концом.

Фрэнк не так давно провел немало приятного времени с арабами, и люди на площади ему обрадовались.

– Салам алейкум! – поздоровались они.

– Мархабба! – ответил он.

Из-под черных усов сверкнули белые зубы. Как обычно, присутствовали только мужчины. Несколько молодых арабов провели его к центральному столу, где сидели старики, среди которых был его друг Зейк.

– Мы хотим назвать эту площадь Хаджр-аль-кра-Мешаб, – сообщил Зейк. – «Открытое место из красного гранита».

Он указал на плиты ржавого цвета.

Фрэнк кивнул и спросил, что это за камень. Он выговорил это по-арабски, но, несмотря на свое старание, получил в ответ лишь дружественные усмешки. Затем сел за центральный стол и расслабился, ощутив, будто сидит на улице в Дамаске или Каире, мирно обвеваемый запахами дорогих арабских одеколонов.

Он изучал лица говорящих. Несомненно, это была чужая культура. Они не могли измениться лишь потому, что оказались на Марсе, опровергая замысел Джона. Их мышление в корне расходилось с западным. Например, считая разделение церкви и государства неверным, они не могли согласиться с западным пониманием самой сути государства. Их уклад настолько патриархален, что некоторые их женщины были неграмотными – на Марсе! А это знак. И в самом деле, у этих мужчин был тот опасный взгляд, который Фрэнк связывал с мужским шовинизмом, – взгляд мужчин, угнетающих своих женщин настолько безжалостно, что те, естественно, отыгрываются где только могут – терроризируют своих сыновей, которые затем терроризируют жен, те – опять сыновей и так далее, в бесконечной смертельной спирали извращенной любви и половой вражды. В этом смысле они все были безумцами.

Что было одной из причин, по которой они ему нравились. И они определенно могли быть ему полезны как новое средоточие силы. Защити слабого нового соседа и ослабь сильных старых, как сказал Макиавелли. И он пил кофе, а они постепенно, вежливо перешли на английский, и, перейдя вместе с ними, Фрэнк признал их языковое преимущество, но зато теперь ему стало легче управлять беседой.

– Как вам выступление? – спросил он, глядя в черное дно своей чашки.

– Джон Бун такой же, как всегда, – ответил старик Зейк. Другие зло рассмеялись. – Когда он говорит, что мы создадим самобытную марсианскую культуру, он имеет в виду лишь то, что одни земные культуры будут развивать, а другие изживут. Те, которые сочтут регрессивными, уничтожат. Это же форма ататюркизма.

² Прозвище пустыни Руб-эль-Хали в южной части Аравийского полуострова. Одна из самых крупных, жарких и сухих пустынь на Земле.

– Он думает, что все на Марсе должны *стать* американцами, – заметил мужчина по имени Неджм.

– А почему бы и нет? – с улыбкой сказал Зейк. – На Земле это уже случилось.

– Нет, – возразил Фрэнк. – Вы неправильно понимаете Буна. Говорят, он сосредоточен на себе, но...

– Он и в самом деле сосредоточен на себе! – воскликнул Неджм. – Он живет в зеркальной галерее! Думает, мы прибыли на Марс, чтобы создать старую добрую американскую суперкультуру, и что все согласятся с этим только потому, что таков План Джона Буна.

– Он не понимает, что у других людей тоже есть мнения, – добавил Зейк.

– Это не так, – сказал Фрэнк. – Просто он считает, что их мнения менее важны, чем его собственное.

В ответ они рассмеялись, но в улюлюканьях молодых людей чувствовалась горечь. Все они полагали, что перед их прибытием Бун втайне препятствовал тому, чтобы ООН одобрила создание арабских колоний. Фрэнк подкреплял их веру, и это было почти правдой – Джон не выносил любые идеологии, что могли встать у него на пути. Он хотел, чтобы каждый новопривывший был чист, насколько это возможно.

Арабы, однако, считали, что Джон не выносил именно их. Молодой Селим аль-Хаиль раскрыл было рот, готовясь заговорить, но Фрэнк метнул в него быстрый предупреждающий взгляд. Селим замер, а затем сердито сомкнул губы.

– Ладно, он не настолько плох, – сказал Фрэнк. – Хотя, сказать по правде, мне доводилось слышать его слова о том, что было бы лучше, если бы американцы и русские могли заявить свои права на планету, когда только прибыли сюда, как исследователи в старые времена.

Они коротко и мрачно усмехнулись. Селим недовольно сгорбился. Фрэнк пожал плечами и, улыбнувшись, развел руками.

– Но в этом нет смысла! Ну что он сможет сделать?

Старик Зейк поднял брови:

– На этот счет мнения расходятся.

Чалмерс поднялся, чтобы двинуться дальше, на мгновение встретившись с настойчивым взглядом Селима. Затем вышел на поперечную улицу, одну из узких дорожек, соединявших семь главных бульваров города. Большинство из них вымощены булыжником или поросли травой, но эта была залита неровным светлым бетоном. Фрэнк замедлил шаг перед расположенной в глубине улицы дверью, заглянул в окно закрытой обувной фабрики. В паре больших прогулочных ботинок возникло его слабое отражение.

На этот счет мнения расходятся. Да, многие недооценивали Джона Буна – Чалмерс сам так ошибался множество раз. Ему в голову пришел образ: Джон в Белом доме, порозовевший от увещаний, с непослушными, отчаянно колышущимися светлыми волосами, солнечный свет струится в окна Овального кабинета и освещает Джона, машущего руками, расхаживающего по комнате и безудержно тараторящего, тогда как президент кивает, а советники внимательно наблюдают за Буном, думая, как бы выгоднее использовать эту искрящуюся харизму. О, они были так пылки в те дни, Чалмерс и Бун: Фрэнк полон идей, а Джон солировал, и их было не остановить. Для этого пришлось бы сбросить их мчащийся экспресс задора и напора с уже накатанных рельсов, не меньше.

Между ботинками возникло отражение Селима аль-Хаиля.

– Это правда? – требовательно спросил он.

– Что правда? – раздраженно произнес Фрэнк.

– Что Бун против арабов.

– А ты как думаешь?

– Это он приложил руку к тому, чтобы на Фобосе запретили строить мечеть?

– Он влиятельный человек.

Молодой саудовец скривился.

– Самый влиятельный человек на Марсе – и ему все мало! Он хочет быть королем!

Селим сжал кулак и ударил им о вторую руку. Он был стройнее других арабов. С маленьким подбородком, усы скрывали небольшой рот, он немного походил на кролика с заметно острыми зубами.

– Договор скоро продлят, – сказал Фрэнк. – И коалиция Буна меня в упор не видит. – Он заскрежетал зубами. – Не знаю, что они собираются делать, но сегодня я это выясню. Хотя ты и так можешь себе представить, что у них на уме. Конечно, это все западные предрассудки. Он может препятствовать продлению договора, если в нем не окажется гарантии, что все поселения будут основывать только те, кто подписал его изначально. – Селим содрогнулся, а Фрэнк продолжил давить: – Именно этого он хочет, и, вероятно, ему по силам этого добиться, потому что благодаря своей новой коалиции он стал влиятельнее, чем когда-либо. Это может означать, что поселения неподписантов будет положен конец. Вы станете приглашенными учеными. Или же вас отправят обратно.

Лицо Селима, отраженное в окне, походило на маску, изображающую ярость.

– Батгал, батгал, – бормотал он.

Его руки извивались, будто вышли из-под контроля, и он бубнил то о Коране или Камю, то о Персеполисе или Павлиньем троне – знакомые слова были лихорадочно разбросаны среди бессмыслицы. Пустой лепет.

– Разговоры ничего не значат, – строго сказал Чалмерс. – Когда доходит до дела, играют роль только сами действия.

В ответ на это молодой араб умолк.

– Я не могу быть уверен, – наконец произнес он.

Фрэнк ткнул его в предплечье, заметив, что Селима охватила нервная дрожь.

– Мы говорим о твоём народе. Мы говорим об этой планете.

Рот Селима исчез под усами. Чуть погодя, он сказал:

– Действительно так.

Фрэнк ничего не ответил. Они вместе смотрели в окна, будто оценивая ботинки.

Наконец Фрэнк поднял руку.

– Я еще раз поговорю с Буном, – тихо сказал он. – Сегодня. Завтра он отбывает. Я постараюсь поговорить с ним, вразумить его. Хотя и сомневаюсь, что это поможет. Еще ни разу не помогало. Но я попробую. После этого... нам надо будет встретиться.

– Хорошо.

– Значит, в парке, на самой южной тропе. Около одиннадцати.

Селим кивнул.

Чалмерс пронзил его взглядом.

– Разговоры ничего не значат, – отрывисто бросил он и зашагал прочь.

На следующем бульваре Чалмерс набрел на людей, толпившихся снаружи баров и палаток, где продавались кускус³ и братвурст⁴. Арабы и швейцарцы. Казалось, это было странное сочетание, но они хорошо ладили между собой.

Этим вечером некоторые швейцарцы раздавали маски у дверей своих заведений. Судя по всему, они отмечали *stadtfest*, что-то вроде Марди Гра⁵, или, как они его называли,

³ Пшеничная каша, национальное блюдо в странах Северной Африки.

⁴ Сосиски из свинины или телятины.

⁵ Вторник перед началом католического Великого поста. Также последний день карнавала, отмечаемого в основном во франкоговорящих странах и регионах.

Fassnacht, с масками, музыкой и всевозможными перевоплощениями – прямо как в дикие февральские ночи в Базеле, Цюрихе или Люцерне... Фрэнк невольно присоединился к очереди.

– Всякий глубокий ум нуждается в маске⁶, – заметил он двум девушкам, которые стояли перед ним.

Те вежливо кивнули и продолжили свою беседу на гортанном швейцарском диалекте, который никогда не был как следует описан, но играл роль шифра, непонятного даже для немцев. Швейцарцы представляли собой еще одну непостижимую культуру – которая кое в чем была даже похлеще арабской. «Так вот в чем дело, – подумал Фрэнк, – они так хорошо уживались, потому что и те и другие были настолько замкнуты, что никогда не имели настоящих контактов». Он рассмеялся в голос, когда ему выдали маску – черное лицо, усеянное красными самоцветами. Он надел ее.

Вниз по бульвару вилась цепочка ряженных гуляк – пьяных, развязных, едва владевших собой. На перекрестке располагалась небольшая площадь, где фонтан струился солнечного цвета водами. Рядом музыканты выстукивали на стальных барабанах мелодию в стиле калипсо⁷. Люди собирались вокруг, танцевали или прыгали в такт низкого бонга или бас-барабана. В ста метрах над ними сквозь отверстие в шатре на площадь вливался студеной воздух – в нем попадались даже мелкие снежные хлопья, сверкавшие на свету, будто стружка или слюда. Под самым шатром взрывались фейерверки, и хлопья перемешивались с яркими искрами.

Закат всегда казался ему тем временем дня, когда становится наиболее заметно, что они на чужой планете. Что-то в этом косом красном свете было решительно неверным, переворачивало ожидания, заложенные в разум миллионы лет назад. Сегодняшний вечер явил собой особенно броский и тревожный пример данного феномена. Фрэнк бродил в этом закатном свете, возвращаясь к городской стене. Ровный юг города загромаждало истинно марсианское обилие камней, за каждым из которых тянулась длинная черная тень. Дойдя до бетонной арки южных ворот, он остановился. Никого. На время подобных праздников ворота запирали, чтобы пьяные не выходили и не калечились. Но Фрэнк получил утром в пожарной охране экстренный код и теперь, убедившись, что никто за ним не следит, набрал его и поспешил открыть замок. Надев прогулочный костюм, ботинки и скафандр, вышел через среднюю, а затем и внешнюю дверь.

Снаружи, как всегда, стоял жуткий холод, и ромбовидный узор подогревателя его костюма чуть ли не обжигал сквозь одежду. Он с хрустом ступал сначала по бетону, потом по твердой корке. Рыхлый песок уносило ветром на восток.

Он хмуро огляделся вокруг. Повсюду одни скалы. Будто планете довелось вынести миллиарды ударов кувалдой. А метеориты все падали. Однажды какой-нибудь город примет удар на себя. Оглянувшись, он посмотрел назад. Казалось, там в сумерках сиял аквариум. Не будет никакого предупреждения, но все вдруг рассыплется на части – стены, машины, деревья, тела. Ацтеки верили, что конец света настанет по одной из четырех причин: землетрясение, пожар, наводнение или ягуары, падающие с неба. Пожара здесь не могло случиться. «Как и землетрясения или наводнения», – подумал он. Оставались только «ягуары».

Сумеречное небо над горой Павлина приняло темно-розовый цвет. К востоку простиралась никосийская ферма – протяженная невысокая теплица, тянувшаяся вниз по склону от города. Отсюда было видно, что ферма размерами превосходила сам город и вся была

⁶ Цитата из произведения «По ту сторону добра и зла» Фридриха Ницше. Перевод Николая Полилова.

⁷ Стиль народной карибской музыки.

засажена кормовыми культурами. Фрэнк прошагал к одному из наружных замков и ступил вовнутрь.

Внутри фермы было жарко – на целых шестьдесят градусов теплее, чем снаружи, и на пятнадцать – по сравнению с городом. Снимать скафандр нельзя: здешний воздух, приспособленный для растений, содержал слишком много углекислого газа и мало кислорода. Он остановился у рабочей станции, заглянул в ящички, где хранились мелкие инструменты, образцы пестицидов, перчатки и сумки. Выбрал три крошечных образца, положил их в полиэтиленовый пакет и осторожно сунул в карман своего костюма. Это были образцы «умных» пестицидов – биодобавок, разработанных, чтобы обеспечивать растения систематической защитой; он читал о них и знал, в каком сочетании они становятся смертельными для организма.

В другой карман он положил пару ножниц. Меж длинных гряд ячменя и пшеницы назад в город поднималась узкая гравийная дорожка. Вернувшись к замку, он снял скафандр, затем ботинки и костюм, переложил содержимое карманов в пальто. Затем вновь пересек нижнюю границу города.

Здесь находилась медина⁸. Ее построили арабы, настоявшие на том, что подобный район важен для благосостояния города. Бульвары сужались, а между ними сплетались тропы, взятые с карт Туниса или Алжира или проложенные как придется. Отсюда не было видно ни один из бульваров, а небо открывалось лишь в виде фиолетовых полос между склонившимися друг к другу зданиями.

Большинство троп сейчас пусты – гулянья проходили в верхней части города. Между строениями тайком пробирались две кошки, изучавшие свой новый дом. Фрэнк достал из кармана ножницы и нацарапал на паре пластиковых окон арабскими буквами: *Еврей, еврей, еврей, еврей, еврей, еврей*. И ушел, насвистывая сквозь зубы. Кафе на углу казались маленькими светящимися пещерками. Бутылки звенели, будто молотки старателей. На невысокой черной колонке сидел араб и играл на электрогитаре.

Он отыскал центральный бульвар и двинулся по нему вверх. Парни под ветвями лип и платанов голосили песни на швейцарском диалекте. Но одна была на английском:

«Джон Бун
На Луну махнул.
И без быстрых машин
Он на Марс упорхнул!»

Среди неуклонно растущей толпы бродили мелкие неслаженные музыкальные группы. Несколько усатых мужчин, одетых, как американские заводилы из группы поддержки, со знающим видом выполняли сложные движения канкана. Ребятишки стучали в пластиковые барабанчики. Было очень шумно, даже несмотря на то, что шатер поглощал звук, не позволяя эху разноситься под куполом.

В том месте бульвара, где начинался платановый парк, стоял Джон собственной персоной. Его окружала небольшая толпа. Увидев, что Чалмерс подходит к нему, он помахал рукой. Он узнал его, несмотря на маску, – настолько в первой сотне все были близки друг другу.

– Эй, Фрэнк, – сказал он. – Похоже, ты неплохо проводишь время.

– Да уж, – ответил Фрэнк сквозь маску. – Люблю такие города, а ты? Смешанная паства. Здесь заметно, насколько разнообразные культуры собрались на Марсе.

⁸ Старая часть города в арабских странах Северной Африки.

На лице Джона сияла непринужденная улыбка. Он бегающим взглядом окидывал лежащий внизу бульвар.

– Такое разнообразие мешает твоему плану, да? – резко спросил Фрэнк.

Взгляд Буна вернулся к нему. Окружающие его люди быстро ушли, почувствовав враждебность их перепалки.

– У меня нет плана, – ответил ему Бун.

– Да брось! А как же твоя речь?

Бун пожал плечами.

– Ее Майя писала.

Двойная ложь: что ее написала Майя и что Джон в это не верил. Наверное, ложь. Даже спустя все эти годы он будто разговаривал с незнакомцем. С действующим политиком.

– Ладно тебе, Джон, – выпалил Фрэнк, – ты во все это веришь и сам знаешь об этом. Но что ты собираешься делать со всеми этими народами? С их этнической враждой, с религиозными бзиками? Твоя коалиция не может подобрать их под ногу. Ты не можешь оставить Марс себе, Джон, это больше не научная станция, и ты не получишь договор, который позволит тебе это сделать.

– Мы и не пытаемся.

– Тогда почему ты хочешь вытеснить меня из сборищ, ведущих обсуждения?

– Да не хочу я! – Джон выглядел оскорбленным. – Успокойся, Фрэнк. Мы выкуем все вместе, как делали это всегда. Успокойся.

Фрэнк оторопело уставился на своего старого друга. Чему он должен верить? Он никогда не знал, что думать о Джоне, – вроде бы тот использовал Фрэнка как трамплин, но каким дружелюбным был раньше... Разве они не начинали союзниками, друзьями?

Он вдруг понял, что Джон искал Майю.

– Так где она?

– Где-то неподалеку, – коротко ответил Джон.

Они уже несколько лет не могли разговаривать о Майе. Сейчас Джон бросил на него колючий взгляд, будто говоря, что это не его дело. Как и все, что стало важным для Буна за эти годы, теперь не было делом Чалмерса.

Фрэнк ушел, не сказав ни слова.

Небо стало темно-фиолетовым, его испещрили перистые облака. Фрэнк прошел мимо двух фигур в белых керамических полумасках, воплощавших старинные образы Комедии и Трагедии и прикованных друг к другу наручниками. Городские улицы потемнели, и осветились окна, в которых виднелись празднующие силуэты. Большие глаза «нового лица» Фрэнка впивались в каждую расплывчатую маску, ища источник напряжения, висевшего в воздухе. От текущей рядом толпы исходил низкий тяжелый гул.

Не стоило ему удивляться, ох не стоило. Он знал Джона так хорошо, как только можно знать другого человека; но это было не его дело. Фрэнк пробрался к деревьям, росшим в парке, под сень платанов, чьи листья были размером с руку. Когда что-то было иначе? Все время, что они провели вместе, все годы их дружбы – и ничто теперь не имело значения. Дипломатия иными средствами⁹.

Он взглянул на часы. Около одиннадцати. У него была назначена встреча с Селимом, потом еще одна встреча. Его дни делились на пятнадцатиминутки, когда он бежал от одной встречи к другой, менял маски, улаживал один кризис за другим, управлял, регулировал,

⁹ Отсылка к известному выражению военного теоретика Карла фон Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными средствами».

решал задачи в нескончаемой лихорадочной спешке – а теперь шел праздник, Марди Гра, *Fassnacht*, и он по-прежнему этим занимался. Он не помнил, когда было иначе.

Он вышел на стройку, где стоял скелетообразный магниевый каркас, окруженный грудами кирпичей, песка и брусчатки, – рабочие оставили все это без присмотра, что непредусмотрительно. Он набил карманы пальто обломками кирпичей, достаточно крупными, чтобы их было удобно держать в руке. А выпрямившись, заметил, что кто-то следил за ним с другого края стройки, – невысокий человек с худым лицом и черными остроконечными дредами пристально на него смотрел. Что-то в этом взгляде будило тревогу, словно незнакомец видел сквозь все его маски и наблюдал так внимательно потому, что был осведомлен обо всех его мыслях и намерениях.

Испуганный, Чалмерс поспешил отступить к нижней оконечности парка. Убедившись, что он оторвался и за ним больше никто не следит, он принялся бросать камни и кирпичи в нижнюю часть города, стараясь запускать их как можно дальше. А заодно и в того незнакомца, прямо в лицо! Каркас шатра казался снизу лишь тусклым узором скрытых звезд, как будто висевших в прохладном ночном воздухе. Циркуляция воздуха в этот вечер, несомненно, была высока. Разбитые стекла, возгласы. Крик. Поднялся настоящий шум, люди сходили с ума. Последний булжжик полетел в большое освещенное панорамное окно за лужайкой, но не попал в цель. Фрэнк проскользнул в гущу деревьев.

У южной стены он увидел, как кто-то перемещается под платаном – это был Селим, который беспокойно ходил взад-вперед.

– Селим, – тихо позвал Фрэнк, заливаясь потом.

Он осторожно нащупал в кармане куртки пакет и вытащил три образца. Эффект от их взаимодействия мог оказаться очень мощным – будь то к добру или к худу. Он прошел вперед и небрежно обнял молодого араба. Образцы достигли цели, пропитав легкую хлопчатобумажную рубашку Селима. Фрэнк отступил.

Теперь Селиму оставалось около шести часов.

– Вы поговорили с Буном? – спросил он.

– Пытался, – ответил Чалмерс. – Он не послушал. Он солгал мне, – притворяться страдающим было легко. – После двадцати пяти лет дружбы он мне солгал! – Он ударил ладонью по стволу дерева, и образцы выпали во тьму. Он держал себя в руках. – Его коалиция собирается рекомендовать, чтобы все марсианские поселения основывались странами, подписавшими первый договор. – Это было невозможно, но определенно походило на правду.

– Он нас ненавидит! – вскричал Селим.

– Он ненавидит все, что встает у него на пути. А еще понимает, что ислам по-прежнему представляет собой реальную силу. Он определяет мышление людей, а Бун не может этого допустить.

Селим содрогнулся. Белки его глаз сверкали в темноте.

– Его нужно остановить.

Фрэнк отвернулся и прислонился к дереву.

– Я... не знаю.

– Вы сами сказали. Разговоры ничего не значат.

Фрэнк обошел дерево кругом, у него плыло перед глазами. Дурак ты, думал он, разговоры значат все. Мы – ничто, кроме обмена информацией, разговоры – это все, что у нас есть!

Он снова подошел к Селиму и спросил:

– Как?

– На планете. Так и сделаем.

– Городские ворота сегодня закрыты.

Это остановило его. Селим развел руками.

– Но ворота на ферму еще открыты, – добавил Фрэнк.

– Только наружные ворота будут заперты.
Фрэнк пожал плечами, позволяя ему додуматься самому.
И достаточно быстро Селим, сощурившись, воскликнул:
– Ах!
И ушел.

Фрэнк сидел на земле между деревьями. Эта песчаная сырая коричневая почва была крупным достижением инженеров. Ничто в городе не было натуральным – ничто.

Через некоторое время он поднялся на ноги. Прошел по парку, глядя на людей. «Если я найду один хороший город, то я пощажу человека»¹⁰. Но на открытом участке люди в масках собирались вступить в схватку и драться; их окружали наблюдатели, чужавшие кровь. Фрэнк вернулся на стройку, чтобы набрать еще кирпичей. Когда метнул их, несколько человек заметили его, и ему пришлось убежать. Снова скрыться в деревьях, в этих маленьких крытых дебрях, убежать от хищников, обезумевших от адреналина, величайшего наркотика из всех существующих. Он дико рассмеялся.

Вдруг его взгляд уловил Майю, стоящую у временной платформы на вершине. На ней была белая полумаска, но это определенно была она: в пропорциях фигуры, волосах, самой позе безошибочно угадывалась Майя Тойтовна. Первая сотня, небольшая группа – лишь они были для него по-настоящему живыми, остальные – призраки. Фрэнк поспешил в ее сторону, спотыкаясь на неровной земле. Он сжал камень, лежавший в глубине кармана пальто, думая: «Давай, сука! Скажи что-нибудь, чтобы его спасти. Скажи что-нибудь, что заставит меня пробежать через весь город, чтобы спасти его!»

Она услышала, как он приближался, и повернулась. Ее прозрачную белую полумаску украшали голубые металлические блестки. Разглядеть за ней глаза было невозможно.

– Привет, Фрэнк, – сказала она, будто никакой маски на нем не было. Ему захотелось развернуться и убежать. Она его узнала – этого достаточно для бегства.

Но он остался на месте.

– Привет, Майя, – сказал он. – Прекрасный сегодня был закат, да?

– Впечатляющий. У природы нет вкуса. Это всего-навсего открытие города, но походило оно, пожалуй, на Судный день.

– Да.

Они стояли в свете уличного фонаря, наступив на тени друг друга.

– Тебе понравился вечер? – спросила она.

– Очень. А тебе?

– Он становится немного бурным.

– Но на это есть причины, не находишь? Мы выбрались из нор, Майя, и наконец вышли на поверхность! И что это за поверхность! Чего стоят только эти виды на Фарсиду!

– Здесь хорошее месторасположение, – согласилась она.

– И будет отличный город, – предсказал Фрэнк. – Но где ты сейчас живешь, Майя?

– В Андерхилле, Фрэнк, как всегда. Ты и так это знаешь.

– Но тебя там никогда не бывает, разве нет? Я не видел тебя год, а то и больше.

– Неужели уже столько прошло? Ну, я была в Элладе. Ты же наверняка слышал?

– А кто бы мне сказал?

Она потрясла головой, сверкнув голубыми блестками.

– Фрэнк...

Она отвернулась, будто хотела уйти от расспросов.

Фрэнк сердито обошел ее и встал у нее на пути.

¹⁰ Переиначена строка из Ветхого Завета: «Господь сказал: если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие» (Бытие, 18:26).

– Тогда, на «Аресе»... – сказал он. Его голос звучал сдавленно, и он подвигал шеей, чтобы освободить горло и стало легче говорить. – Что случилось, Майя? Что случилось?

Она пожала плечами и не ответила на его взгляд. Она долго молчала. А затем посмотрела на него.

– Спонтанность, – ответила она.

А затем пробило полночь, и они попали в марсианский временной сброс – промежуток в тридцать девять с половиной минут между 12:00:00 и 12:00:01, когда все часы отключались или останавливались. Так первая сотня решила сладить с тем, что сутки на Марсе длились чуть дольше двадцати четырех часов, и это решение, как ни странно, всех удовлетворило. Каждую ночь нужно было ненадолго забывать о сменяющихся цифрах, о беспрестанном движении секундной стрелки...

И в эту ночь с наступлением полуночи весь город сошел с ума. Почти сорок минут вне времени должны были стать пиком праздника – все подсознательно это понимали. Разрывались фейерверки, люди ликовали. А когда воздух пронзили сирены, ликование удвоилось. Фрэнк и Майя любовались салютом и прислушивались к шуму.

Затем этот шум изменился: теперь в криках появились страх и отчаяние.

– Что это? – спросила Майя.

– Драка, – ответил Фрэнк, вслушиваясь. – Кажется, что-то было сделано спонтанно. – Она пристально на него посмотрела, и он добавил: – Пожалуй, нам стоит сходить посмотреть.

Крики усилились. Где-то случилась беда. Они начали спускаться через парк, и шаги их удлинялись, пока они не перешли на марсианский бег вприпрыжку. Фрэнку стало казаться, будто парк вырос в размерах, и он на мгновение испугался.

Центральный бульвар был усыпан мусором. Люди, словно сбившись в хищные стаи, пронеслись сквозь тьму. Раздался режущий нервы вой сирен и сигнал тревоги, сообщавший о пробое в шатре. По всему бульвару разбивались окна. На траве навзничь лежал человек, на траве вокруг него виднелись черные полосы. Чалмерс схватил за руку женщину, склонившуюся над ним.

– Что случилось? – крикнул он.

Она рыдала.

– Они подрались! И до сих пор дерутся!

– Кто? Швейцарцы, арабы?

– Незнакомцы, – сказала она. – *Ausländer*¹¹, – она слепым взглядом смотрела на Фрэнка. – Приведите помощь!

Фрэнк вернулся к Майе, которая разговаривала с другими людьми, собравшимися вокруг еще одного павшего.

– Что, черт возьми, происходит? – спросил он у нее, когда они двинулись к городской больнице.

– Это восстание, – сказала она. – Не понимаю, против чего.

Ее рот превратился в ровную черточку на коже, побелевшей настолько, что теперь лицо было не отличить от полумаски, все еще скрывавшей глаза.

Фрэнк снял свою маску и отбросил прочь. По всей улице валялись битые стекла. К ним подлетел мужчина:

– Фрэнк! Майя!

Это был Сакс Расселл – Фрэнк никогда не видел этого коротышку таким взволнованным.

¹¹ Иностранец (нем.).

– Джон... на него напали!

– Что?! – воскликнули оба.

– Он пытался разнять драку, но трое или четверо набросились на него. Они сбили его с ног и утащили с собой!

– И ты их не остановил? – вскричала Майя.

– Мы пытались... несколько наших погнались за ними. Но они оторвались в медине.

Майя взглянула на Фрэнка.

– Что же это происходит?! – воскликнул он. – Зачем вообще кому-то его куда-то увозить?

– Ворота, – сказала она.

– Но они же этой ночью закрыты?

– Может быть, не для всех.

Они проследовали за ней в медину. Уличные фонари были разбиты, под ногами хрустели стекла. Они отыскивали начальника пожарной охраны и пошли к Турецким воротам. Он отпер их, и несколько человек поспешили пройти, с аварийной скоростью натягивая прогулочные костюмы. Затем вышли в ночь и начали поиски, освещенные огнями города. От ночного холода у Фрэнка болели лодыжки, и он буквально ощущал точные очертания своих легких, будто ему в грудь вставили два ледяных шара, чтобы остудить бешено бьющееся сердце.

Снаружи – ничего. Вернулись внутрь. Прошли к северной стене, до Сирийских ворот – и снова под свет звезд. Ничего.

Прежде чем вспомнили о ферме, прошло немало времени. К тому моменту в прогулочниках было уже около тридцати человек, и они ринулись вниз, открыли замок и заполнили весь проход, после чего рассредоточились и забегали между растениями.

Они нашли его в редьке. Его куртка с аварийным запасом воздуха была натянута на лицо; должно быть, он сделал это бессознательно, потому что, когда они осторожно перевернули его набок, то увидели, что у него за ухом выросла шишка.

– Занесите его внутрь, – сказала Майя голосом, больше походившим на резкий хрип. – Поскорее, возьмите его.

Четверо подняли Джона. Чалмерс поддерживал голову, и его пальцы переплелись с пальцами Майи. Они поспешили вверх по ступенькам. Немного задержавшись у ворот фермы, они вернулись в город. Один из швейцарцев показал им короткий путь к врачебному пункту. Тот и без того был переполнен несчастными людьми. Джона положили на свободную лавку. Он был без сознания, его лицо выглядело измученным, но хранило решительное выражение. Фрэнк сорвал с него скафандр и, воспользовавшись своим положением, прорвался в приемное отделение и накричал на врачей и медсестер. Те сначала не обращали на него внимания, но вскоре одна из докторов отозвалась:

– Замолчите. Я иду.

Она вышла в коридор и с помощью медсестры подключила Джона к монитору, после чего осмотрела его тем отвлеченным, отсутствующим взглядом, что присущ врачам за работой, – ощупала шею, лицо, голову, грудь, взяла стетоскоп...

Майя рассказала ей все, что им было известно. Врач сняла со стены кислородный прибор, посмотрела на монитор. Ее рот сжался в маленький недовольный узелок. Майя села на край скамьи, ее лицо внезапно приняло безутешное выражение. Полумаски на ней уже давно не было.

Фрэнк склонился над ней.

– Мы можем попытаться еще, – сказала врач, – но боюсь, его уже не вернуть. Он слишком долго пробыл без кислорода, сами понимаете.

– Пытайтесь еще, – ответила Майя.

Разумеется, они попытались. Позже прибыли другие медики и увезли его в реанимацию. Фрэнк, Майя, Сакс, Саманта и горстка местных сидели в коридоре снаружи. Врачи входили и выходили. Их лица были пусты, будто они ощущали присутствие смерти, – защитные маски. Один вышел и скорбно покачал головой:

– Он мертв. Слишком долго находился там.

Фрэнк прислонил голову к стене.

Когда Райнхольд Месснер вернулся после первого одиночного восхождения на Эверест, он был значительно обезвожен и предельно истощен. Он падал в конце спуска и, изнемогши на леднике Ронгбук, полз на четвереньках, когда женщина, составлявшая всю его группу поддержки, добралась до него. Тогда он посмотрел на нее в бреду и спросил: «Где все мои друзья?».

Стояла тишина. Не раздавалось ни звука – лишь низкое гудение и свист, которые никогда не стихали на Марсе.

Майя положила руку Фрэнку на плечо, и он едва не одернул ее; в горле у него встал ком, ему было по-настоящему больно.

– Мне жаль, – попытался вымолвить он.

Она отмахнулась от его слов и нахмурила брови. В ее облике было нечто общее с медиками.

– Ладно, – произнесла она, – тебе он все равно никогда особенно не нравился.

– Это правда, – ответил он, думая, что с его стороны было бы политически правильно быть честным с ней в эту минуту. Но затем содрогнулся и горько добавил: – Да что ты знаешь о том, что мне нравится, а что нет?

Он смахнул ее руку, с трудом поднялся на ноги. Она не знала, и никто не знал. Он двинулся было в реанимацию, но передумал. Для этого будет достаточно времени на похоронах. Он почувствовал себя опустошенным, и вдруг ему показалось, будто все хорошее теперь осталось в прошлом.

Он вышел из врачебного пункта. В такие минуты невозможно было не замечать нахлынувших чувств. Он прошелся по удивительно тихому темному городу, в Землю Нод. Улицы сверкали так, словно на брусчатку попадали звезды. Люди стояли горстками, безмолвные, пораженные новостью. Фрэнк Чалмерс прошел к ним, ощущая на себе их взгляды, и бездумно проследовал к платформе в высшей точке города, говоря себе: «А теперь посмотрим, что я смогу сделать с этой планетой».

Часть вторая Путешествие

– Раз уж они все равно сойдут с ума, почему бы просто не отправить первыми сумасшедших, чтобы избавить их от мучений? – предложил Мишель Дюваль.

В этом была лишь доля шутки. Он всегда считал критерии отбора умопомрачительным скоплением противоречий.

Его коллеги-психиатры пристально на него посмотрели.

– Вы можете назвать какие-либо конкретные изменения? – спросил председатель, Чарльз Йорк.

– Пожалуй, нам всем стоит отправиться с ними в Антарктику и понаблюдать за ними первое время. Это многому нас научит.

– Но тогда наше присутствие будет их стеснять. Полагаю, там хватит и одного из нас.

И они отправили Мишеля Дюваля. Он присоединился к ста пятидесяти с лишним финалистам на станции Мак-Мердо. Первая их встреча походила на любую другую международную научную конференцию, которую каждому из них приходилось посещать по своим дисциплинам. Но имелось и отличие: встреча была продолжением процесса отбора, который уже длился годами и должен был длиться дальше. А потом избранным предстояло полететь на Марс.

И они жили в Антарктике больше года, познавая самих себя в таких жилищах, с таким оборудованием, какие уже переправлялись на Марс подвижными роботами; познавая себя на местности, которая была почти такой же холодной и суровой, как и сам Марс; познавая себя среди других. Они жили среди поселений в долине Райта, крупнейшей из сухих долин Антарктиды. Они запустили биосферную ферму, а затем заняли жилища темной южной зимой, стали обучаться вторым, третьим профессиям и прогоняли симуляции различных испытаний, которые им предстояло выполнять на корабле «Арес» и, позднее, уже на самой красной планете; при этом они всегда, всегда осознавали, что за ними наблюдают, что их оценивают, судят.

Далеко не все они астронавты и космонавты, хотя среди них было по дюжине и тех и других – и еще много больше к северу оттуда, горланивших, требовавших, чтобы их тоже включили в экспедицию. Но основное для большинства колонистов – быть сведущими в сферах, которые имели важное значение после высадки на Марсе: в медицине, компьютерах, робототехнике, системном проектировании, архитектуре, геологии, создании биосферы, генной инженерии, биологии, а также во всех других инженерных областях, в частности в различных областях строительства. В Антарктику же отправилась внушительная группа специалистов в важных науках и профессиях, и они хорошо провели время за взаимным обучением, чтобы стать столь же внушительными специалистами в новых для себя областях.

И все их занятия проходили под постоянным давлением наблюдения, анализа, оценивания. Это неизбежная процедура, которая создавала напряжение, но и была частью теста. Мишель Дюваль чувствовал, что процедура ошибочна, поскольку может посеять в душах колонистов зерна недоверия и скрытности, воспрепятствовав их сплочению, которого, предположительно, желал добиться отборочный комитет. На самом деле это было одним из многочисленных противоречий. Сами кандидаты молчали насчет положения вещей, и он их не винил; лучшей стратегии попросту не существовало, и в этом тоже было противоречие, ведь она породила молчание. Они не могли позволить себе кого-либо оскорблять

или слишком много жаловаться; они не могли рисковать, уходя слишком далеко, не могли наживать врагов.

Поэтому они решили стать достаточно квалифицированными и великолепными, чтобы выдержать, но и достаточно нормальными, чтобы поладить друг с другом. Они были достаточно зрелыми, чтобы многому научиться, но и достаточно юными, чтобы выносить физические нагрузки от работы. Достаточно целеустремленными, чтобы добиваться успехов, но достаточно уравновешенными, чтобы жить в обществе. Достаточно безумными, чтобы хотеть навсегда покинуть Землю, но и достаточно вменяемыми, чтобы скрыть это безумие, по сути, выдав его за чистый рационализм, научную любознательность или что-то в этом роде – что казалось единственной приемлемой причиной желания улететь. И естественно, они претендовали на право называться самыми любознательными людьми в истории! Но этого, конечно, было мало. Они должны стать достаточно отчужденными, одинокими, чтобы не беспокоиться из-за возможности навсегда бросить всех, кого они знали, – но при этом остаться достаточно социальными и общительными, чтобы поладить с новыми знакомыми в долине Райта, с каждым жителем маленькой деревушки, в которую предстояло превратиться их колонии. О, этим противоречиям не было конца! Нужно было стать выдающимися и заурядными одновременно. Невыполнимая задача, но все же она лежала на пути к их величайшей мечте, делая ее делом тревоги, страха, неприязни, ярости. Преодоления всех этих стрессов...

Но и это было частью теста. Мишель наблюдал с величайшим интересом – иначе он не мог. Некоторые не выдерживали, так или иначе ломались. Американский инженер по теплотехнике стал все дальше отходить, уничтожил несколько их вездеходов и в итоге был насильно задержан и удален. Двое русских вступили в любовные отношения, а потом поссорились так сильно, что не могли выносить вида друг друга, и обоих пришлось убрать. Их мелодрама показала опасность ситуации, когда романтика терпит крах, и остальные стали вести себя осторожнее на этот счет. Отношения продолжали развиваться, и ко времени, когда они покинули Антарктику, у них свершилось три брака, и эти шестеро счастливых в некотором смысле могли считать себя «в безопасности». Однако большая часть людей так сосредоточилась на том, чтобы попасть на Марс, что решила отложить эту сторону жизни, и, если что-либо предполагало ненавязчивую дружбу, в одних случаях это скрывалось почти от всех, а в других – просто не попадалось в поле зрения отборочному комитету.

И Мишель понимал, что видел лишь вершушку айсберга. Понимал, что критические вещи, происходившие в Антарктике, оставались недоступны его взору. Отношения всегда с чего-то начинались, и иногда их начало определяло, какими они будут в дальнейшем. В короткие светлые часы один из них мог покинуть лагерь и уйти в пункт наблюдения, а другой последовать за ним, и то, что случалось там, могло оставить свой след навсегда. Но Мишель никогда бы об этом не узнал.

А затем они покинули Антарктику, и команда сформировалась. Их было пятьдесят мужчин и пятьдесят женщин: тридцать пять американцев, тридцать пять русских, тридцать представителей других стран – по пятнадцать приглашенных каждым из двух основных партнеров. Соблюсти такую идеальную симметрию было непросто, но отборочный комитет ее добился.

Счастливики отправились на мыс Канаверал или на Байконур, чтобы оттуда выйти на орбиту. На тот момент они знали друг друга очень хорошо и не знали совсем. Они были командой, считал Мишель, с устоявшимися дружескими отношениями и множеством коллективных церемоний, ритуалов, обычаев и склонностей – и среди этих склонностей был инстинкт скрываться, играть роли и не показывать свое истинное лицо. Может быть, этим определялась жизнь в деревне, в обществе. Но Мишелю казалось, такая жизнь была

еще хуже. Никому прежде еще не доводилось так тяжело бороться за право оказаться в деревне, и получившееся в итоге резкое разделение между общественной и частной жизнью представлялось новым и странным. Теперь в них укоренилась четкая соревновательная тенденция, едва уловимое, но постоянное ощущение того, что они одни, что в случае беды они будут брошены и изгнаны из группы.

Тем самым отборочный комитет сам создал проблемы, которых надеялся избежать. Некоторые из членов комитета поняли это и, естественно, позаботились о том, чтобы включить в число колонистов наиболее квалифицированных психиатров, которых только смогли найти.

И отправили Мишеля Дюваля.

Сначала это походило на сильный толчок в грудь. Затем их отбросило на спинки кресел, и на протяжении секунды давление показалось очень знакомым – один «жэ», гравитация, при которой им уже не придется жить. «Арес» двигался по земной орбите со скоростью 28 000 километров в час. В следующие несколько минут они ускорились, тяга ракетных двигателей набрала такую силу, что у них помутилось в глазах, когда роговицы приняли плоскую форму и стало тяжело вдыхать воздух. При 40 000 километров в час горение закончилось, и они, освободившись от земного притяжения, вышли на орбиту Солнца.

Колонисты сидели в креслах «дельта-в» и шурились. Кровь прилиwała к их лицам, сердца стучали. Майя Катарина Тойтовна, руководитель российского контингента, смотрела по сторонам. Все выглядели ошеломленными. Когда одержимые получают свой объект желаний, что они чувствуют? Выразить это в самом деле тяжело. В некотором смысле их жизни обрывались, и наконец начиналось нечто иное, некая другая жизнь... Переполненные эмоциями, они не могли не растеряться; это был интерференционный узор: одни чувства пропали, другие – укрепились. Отстегнувшись от своего сиденья, Майя почувствовала, как ее лицо скривилось в ухмылке, а затем увидела лица окружающих – на каждом из них сияла такая же беспомощная ухмылка. Один только Сакс Расселл, невозмутимый, как филин, шурился, просматривая данные на мониторах.

Они парили в невесомости. Было 21 декабря 2026 года, и они двигались так быстро, как никто прежде. Они шли к своей цели. Это было началом девятимесячного путешествия – или путешествия, которому было суждено продлиться весь остаток их жизни. Они были сами по себе.

Те, кто отвечал за управление «Аресом», подплыли к пультам и отдали команды запуска ракетных двигателей поперечного регулирования. «Арес» начал вращаться, пока не стабилизировался на скорости четырех оборотов в минуту. Колонисты припали к полу, и псевдогравитация опустилась до 0,38 g, очень близкой к той, что им предстояло ощутить на Марсе. Многие человекогоды испытаний показали, что такое g будет достаточно благоприятным для жизни – гораздо более благоприятным, чем невесомость, благодаря чему даже вращение корабля сочли оправданным. А еще, думала Майя, такая гравитация давала отличные ощущения. Притяжения хватало на то, чтобы относительно легко сохранять баланс, но при этом не создавалось ни ощущения давления, ни сопротивления. Оно полностью соответствовало их настроению, когда они неуверенным шагом, шатающиеся и оживленные, ликующие от счастья, одолевали коридоры в направлении большой столовой торуса D.

Там они отмечали свое отбытие чем-то вроде коктейльной вечеринки. Майя бродила по столовой, потихоньку потягивая из чашки шампанское, чувствуя легкую нереальность происходящего и безмерное счастье – сочетание, вызвавшее в памяти вечеринку по случаю ее свадьбы много лет назад. Теперь ей хотелось надеяться, что этот союз окажется лучше предыдущего, потому что ему предстояло длиться вечно. В зале было шумно от разговоров.

– Эта симметрия не столько социологическая, сколько математическая. Вроде эстетического баланса.

– Мы надеемся сохранить ее и при миллиардном масштабе, хоть это будет нелегко.

Майя отказалась, когда ей предложили снова наполнить чашку, – у нее и так кружилась голова. К тому же ей надо было работать. Она была, если можно так выразиться, одним из мэров этой деревни и отвечала за динамику групп, которая, несомненно, должна быть сложной. Антарктические привычки проявлялись даже теперь, в минуту триумфа, и она слушала и смотрела, как антрополог – или как шпион.

– Мозгоправы дело говорят. Мы придем к тому, что превратимся в пятьдесят счастливых парочек.

– А они уже знают, кто кому достанется.

Она наблюдала, как они смеются. Умные, здоровые, исключительно образованные – неужели они наконец создали то самое рациональное общество, заточенную под науку общину, мечту Просвещения? Но среди них оказались Аркадий, Надя, Влад, Ивана. Она знала российскую группу слишком хорошо, чтобы давать волю иллюзиям на этот счет. Было больше похоже, что они попали в студенческое общежитие технического университета с его странными розыгрышами и страстными интрижками. Разве что они выглядели старовато для подобных занятий: некоторые мужчины начали лысеть, кое у кого в волосах уже показывалась седина. Им предстояло тяжелое испытание, а средний возраст экипажа составлял сорок шесть лет и варьировался от тридцати трех (Хироко Ай, японское чудо создания биосферы) до пятидесяти восьми (Влад Танеев, обладатель Нобелевской премии по медицине).

Сейчас, однако, на лицах каждого из них проступал юношеский румянец. Аркадий Богданов походил на портрет в красных тонах – волосы, борода, кожа. И среди этой красноты – его глаза, безумные, взволнованные, голубые, радостно вытаращенные, а сам он восклицал: «Наконец свободны! Наконец свободны! Все наши дети наконец свободны!». Видеокамеры были выключены – после того как Джанет Блайлевен записала серию интервью для телевизионных станций. У них не было связи с Землей, и они сидели в своей столовой – Аркадий пел, а окружающие пили под его песню. Майя остановилась, чтобы через пару минут присоединиться к ним. Наконец свободна! В это было трудно поверить, но они действительно летели на Марс! Люди, собравшись в кучки, болтали между собой. Многие из них имели мировые имена в своих областях: Ивана получила Нобелевскую премию по химии, Влад был одним из известнейших специалистов по биологической медицине, Сакс входил в пантеон величайших вкладчиков в субатомную теорию, Хироко не имела равных в разработке жизнеспособных замкнутых биосистем и так далее – блестящая компания!

И Майя – один из их руководителей. Это слегка обескураживало. Ее навыки в инженерном деле и космонавтике были весьма скромны – на борт она попала, вероятно, благодаря своим дипломатическим способностям. Ее выбрали руководить разрозненной, своенравной командой из русских и представителей других стран – ладно, это еще ничего. Это интересная работа, и она к ней привыкла, ее навыки вполне могли оказаться в числе важнейших на борту. Но летевшим на Марс полагалось ладить между собой, поэтому от их руководителей требовались коварство, хитрость и воля. Нужно было заставлять людей выполнять приказы! Взглянув на скопление горящих лиц, она рассмеялась. Все, кто находились на борту, были хороши в своем деле, но некоторые были куда более одаренными. Ей предстояло вычислить таких людей и развить их способности. От этого зависело ее лидерство, хотя ей казалось, что рано или поздно они непременно установят что-то вроде свободной научной меритократии¹². А в таком обществе исключительно одаренные люди представляли реальную силу. В

¹² Общественная система, в основе которой лежит принцип управления государством людьми, обладающими выдающимися способностями, независимо от их происхождения или социального положения.

крайнем случае они могли стать истинными лидерами колонии – либо они, либо те, кто имел на них влияние.

Она огляделась, высматривая Фрэнка Чалмерса. В Антарктике ей не удалось узнать его как следует. Высокий, крупный брюнет. Весьма болтливый, невероятно энергичный, но и довольно непроницаемый. Она находила его привлекательным. Видел ли он все так же, как она? Она никогда не могла этого сказать. Сейчас он болтал в компании в другом конце помещения, слушал в своей острой, непостижимой манере, склонив голову набок, готовый вставить едкое замечание. Она решила побольше о нем разузнать. Более того, она собиралась с ним поладить.

Майя пересекла столовую и остановилась возле него так, чтобы их плечи почти соприкасались друг с другом. Склонила голову в его сторону и кивнула на его товарищей:

– Будет весело, как думаешь?

Чалмерс взглянул на нее:

– Если все пойдет хорошо, – ответил он.

После праздничного ужина Майя не могла уснуть и бродила по «Аресу». Все они раньше бывали в космосе, но никогда не попадали на столь внушительные корабли, каким был «Арес». Спереди на нем находилось нечто вроде пентхауса – однокамерный отсек, похожий на бушприт, который вращался в сторону, противоположную той, в какую вращался сам корабль, тем самым сохраняя внутри равновесие. В этом отсеке располагались солнечные часы, радиоантенны и остальное оборудование, которое работало лишь в состоянии покоя, а на самой его верхушке располагался купол-пузырь из прозрачного пластика, где царила невесомость. Пузырь открывал невращающийся вид на звезды и на некоторые части огромного корабля.

Майя подплыла к прозрачной стене этого купола и с любопытством оглянулась назад, на корабль. Конструкторы снабдили его внешними топливными резервуарами: примерно на рубеже столетий НАСА и Главкосмос начали крепить небольшие ракеты-носители к резервуарам и запускали их по орбите. Всего таким образом были запущены десятки резервуаров. Затем их переместили на место строительства и использовали по назначению – соорудили две крупные космические станции, станцию L5, станцию на окололунной орбите, первый пилотируемый аппарат для полета на Марс и десятки грузовых транспортных кораблей, отправленных на Марс без людей на борту. Таким образом, ко времени, когда два агентства договорились строить «Арес», использование резервуаров вошло в порядок вещей – уже существовали стандартные парные единицы, внутренние элементы, винтомоторные системы и прочее. На создание огромного корабля не ушло и двух лет.

Его внешний вид наводил на мысль, будто его собрали из детского конструктора: цилиндры крепились друг к другу основаниями, создавая более сложные формы – в данном случае это были восемь шестигранников из соединенных между собой цилиндров, которые назывались торусами. Шестигранники выстроили в один ряд и пронизали посередине центральным валом, состоящим из пучка пяти других цилиндров. Торусы крепились к валу тонкими спицами. В целом весь объект походил на какой-нибудь элемент сельскохозяйственной машины вроде жатки комбайна или на передвижную дождевальную машину. «Или на восемь бугристых пончиков, насаженных на палочку, – подумала Майя. – Такое оценил бы любой ребенок».

Восемь торусов были изготовлены из американских отсеков, а пять цилиндров центрального вала сделали русские. И те, и другие имели примерно по пятьдесят метров в длину и десять в диаметре. Майя бесцельно плыла по отсекам центрального вала – на это требовалось немало времени, но спешить было некуда. Она спустилась в торус G. Там располагались комнаты всех форм и размеров, вплоть до самых больших, занимающих целые отсеки. В

одной из комнат пол находился под самой половинной отметкой, и изнутри она представляла собой длинный куонсетский ангар. Но большинство отсеков делились на меньшие помещения. Она слышала, что всего их было более пятисот – то есть все внутреннее пространство, грубо говоря, примерно соответствовало размерам крупной гостиницы.

Но было ли этого достаточно?

Пожалуй, было. После Антарктики жизнь на «Аресе» казалась роскошной, многообразной, просторной. Каждое утро около шести часов темнота в жилых торусах постепенно переходила в серый рассвет, а примерно в полседьмого резкая вспышка света обозначала восход. Майя в этот момент просыпалась, будто это привычка всей ее жизни. Приведя себя в порядок, шла на кухню торуса D, грела себе завтрак и несла его в столовую. Там она усаживалась за стол в окружении лаймовых деревьев. Колибри, вьюрки, танагры, воробьи и лори что-то клевали под ногами и метались над головой, уворачиваясь от ползучих стеблей, свисавших с потолка, выкрашенного в серо-голубой цвет, который напоминал ей о зимнем небе Санкт-Петербурга. Она ела не спеша, наблюдая за птицами, расслабившись в кресле, слушая разговоры вокруг. Неторопливый завтрак! Ей, проведшей всю жизнь за тяжелой работой, сначала было так неудобно от этого, даже тревожно, будто она украла какой-то предмет роскоши. Будто каждый день у нее воскресное утро, как говорила Надя. Но у Майи воскресные утра никогда не проходили так беззаботно. В детстве это было время уборки однокомнатной квартиры, где она жила с матерью. Та работала врачом и, как большинству женщин ее поколения, ей приходилось работать не покладая рук, чтобы сводить концы с концами, покупать еду, воспитывать ребенка, заниматься карьерой. Это было слишком тяжело для одного человека, и она присоединилась к числу женщин, яростно требовавших лучшей участи, чем та, которую получали женщины в советские времена, работая за несправедливо маленькую зарплату да еще и выполняя домашние дела. Больше нельзя было ни ждать, ни молча терпеть – нужно было пользоваться сложившейся нестабильной обстановкой. «Все на столе, – кричала мать Майи, готовя скудный ужин, – все, кроме еды!»

И, пожалуй, они воспользовались своим случаем. В советское время женщины научились помогать друг другу, создав почти самодостаточный мир матерей, сестер, дочерей, бабушек, подруг, коллег по работе. Потом этот мир укрепил свои преимущества и еще глубже проник во власть, в тесную мужскую олигархию российского правительства.

В значительной степени это коснулось и космической программы. Мать Майи, в некоторой степени вовлеченная в медицинские исследования, связанные с космосом, всегда клялась, что космонавтике понадобится много женщин – хотя бы для того, чтобы получить от них данные медицинских экспериментов. «Они не смогут вечно ссылаться на одну лишь Валентину Терешкову!» – восклицала мать. И оказалась права: став авиационным инженером по окончании московского университета, Майя начала работать в одной из проектных организаций Байконура, где хорошо себя проявила и была направлена на «Новый мир». Там она перерабатывала интерьеры, улучшая их эргономику, а позднее целый год руководила станцией – и за этот год выполнила пару аварийных починок, тем самым отлично зарекомендовав себя. Далее последовали административные назначения на Байконуре и в Москве, а спустя некоторое время ей удалось попасть в политбюро Главкосмоса, где она изящнейшим образом натравила мужчин друг на друга, вышла за одного из них замуж, развелась, став независимым лицом в Главкосмосе, и, наконец, вошла в самый узкий круг – двойной триумvirат.

И вот она сидела здесь и неторопливо завтракала. «Вот так цивилизация!» – усмехнулась бы Надя. Она была лучшей подругой Майи на «Аресе» – низенькая женщина, круглая, как валун, с квадратным лицом, обрамленным короткими волосами с заметной проседью. В общении прямая, насколько это было возможно. Миловидная Майя, которая знала об этом своем качестве и не раз им пользовалась, любила в Наде ее прямоту, которая неким образом

подчеркивала профессионализм женщины. Надя работала инженером и обладала обширной практикой в строительстве при холодном климате. Они познакомились на Байконуре двадцатью годами ранее и когда-то прожили вместе несколько месяцев на «Новом мире». За эти годы они стали друг другу как сестры, хоть и не были похожи. Пусть они не всегда ладили, но все равно были близки.

Сейчас Надя, осмотревшись, заметила:

– Поселить русских и американцев в разных торусах было глупостью. Мы работаем с ними днями напролет, но бо́льшую часть времени видим одни и те же лица. Это только отдаляет нас друг от друга.

– Может, предложить им поменяться половиной комнат?

Аркадий, уплетая маленькие булочки с изюмом, наклонился к ним из-за соседнего столика:

– Этого недостаточно, – произнес он, будто с самого начала участвовал в их разговоре. В его рыжей бороде, которая с каждым днем казалась все более растрепанной, виднелись крошки. – Нужно объявить воскресенье днем переездов, чтобы все в произвольном порядке менялись квартирами. Тогда все получше узнают друг друга, и узких компаний станет меньше. А понятие владения комнатами вообще исчезнет.

– Но мне нравится владеть комнатой, – возразила Надя.

Аркадий, засунув в рот очередную булочку, начал ее пережевывать и лишь усмехнулся, взглянув на собеседниц. То, что комитет пропустил его, казалось настоящим чудом.

Но Майя все же подняла этот вопрос перед американцами, и, хотя план Аркадия никому не понравился, одноразовый обмен половиной комнат они восприняли положительно. Посоветовавшись и все обсудив, они договорились переехать. Они проделали все в воскресенье утром, после чего завтрак стал несколько более космополитичным. По утрам в столовой торуса D теперь бывали Фрэнк Чалмерс и Джон Бун, а также Сакс Расселл, Мэри Данкел, Джанет Блайлевен, Риа Хименес, Мишель Дюваль и Урсула Кол.

Джон Бун оказался ранней пташкой и приходил в столовую даже раньше Майи.

– Эта комната такая просторная и свободная, что здесь кажется, будто мы сидим на открытом воздухе, – заметил он из-за своего стола, когда Майя вошла. – Гораздо лучше, чем в торусе В.

– Штука в том, что мы убрали весь хром и белый пластик, – ответила Майя. Ее английский был достаточно хорош и быстро становился все лучше. – А потом покрасили потолок, чтобы он был похож на настоящее небо.

– Значит, это не просто голубой?

– Да.

Ей он казался типичным американцем: простым, открытым, прямолинейным, раскованным. И все же он один из известнейших людей. Осознание этого факта могло подавлять людей, но Бун словно выскользнул из собственного ореола, бросая его на пол и оставляя лежать у ног. Сосредотачиваясь на вкусе булочки или новостей на настольном экране, он никогда не упоминал о своей предыдущей экспедиции, а если кто-нибудь поднимал эту тему, он говорил так, будто та экспедиция ничем не отличалась от других полетов, в которых он бывал. Все знали истину, но напрочь забывали ее, околдованные его непринужденностью, когда он каждое утро за одним и тем же столом смеялся над избитыми шутками Нади, внося свою лепту в разговор. Спустя некоторое время вокруг него уже сложно было разглядеть какую-то особую ауру.

А вот Фрэнк Чалмерс казался более интересным. Он всегда приходил поздно, садился один и уделял внимание лишь кофе и настольному экрану. После пары чашек начинал общаться с теми, кто сидел поблизости, на исковерканном, но понятном русском. Большинство же беседующих за завтраком в торусе D теперь переключилось на английский, чтобы

вовлечь в разговор американцев. Языковая ситуация на корабле походила на набор матрешек: английским владели все сто человек, среди них были те, кто владел русским, среди тех – кто владел другими языками народов содружества, а еще были международники. Восемь человек на борту – идионосители языков – по мнению Майи, печальным образом осиротели, и ей казалось, что они больше остальных привязаны к Земле, поэтому часто общались с домом. Несколько странно было иметь среди них своего психиатра: хотя он владел двумя языками, но был сильно привязан к Франции.

И все же английский для них был лингва франка¹³, и Майя поначалу считала, будто это давало американцам преимущество. Но потом заметила, что те, когда общались, не могли ничего скрыть, тогда как остальные, если хотели, могли переходить на свои языки.

Фрэнк Чалмерс, однако, был исключением. Он говорил на пяти языках – столько не знал никто из присутствующих на борту. И он не боялся переходить на русский, несмотря на то, что говорил на нем весьма плохо. Он будто вытесывал вопросы из камня и слушал ответы с поистине пронзительным вниманием и быстрым странным смешком. Майя полагала, что он во многом отличался от обычных американцев. Поначалу казалось, Чалмерс обладал всеми признаками своих соотечественников: был крупным, громким, поразительно энергичным, самоуверенным, непоседливым, а после чашки кофе – общительным и довольно дружелюбным. Не сразу можно было заметить, как он включал и выключал свою дружелюбность и как мало раскрывался во время разговоров. Например, Майя так ничего и не разузнала о его прошлом, хотя не раз осторожно пыталась его разговорить. Такие качества пробуждали в ней любопытство. У Фрэнка были темные волосы, смуглое лицо, светло-карие глаза – красивые, как у «крутого» парня. Улыбки его непродолжительны, а смех хотелось назвать острым – такой же у матери Майи. Взгляд тоже был острым, особенно когда он смотрел на Майю, – так он оценивал коллегу-руководителя, полагала она. С ней он вел себя так, будто они давно были знакомы и хорошо понимали друг друга, что смущало ее, учитывая, как мало они общались в Антарктике. Она привыкла считать женщин своими союзницами, а мужчин – несущими притягательные, но опасные проблемы. Поэтому мужчину, возмнившего себя ее союзником, она считала еще более проблемным. И опасным. И... кое-каким еще.

Она припоминала лишь один случай, когда ей удалось заглянуть в него глубже, чем обычно, – это было еще в Антарктике. После того как инженер по теплотехнике не выдержал и был сослан на север, до них дошли новости о его замене. Все были удивлены и возбуждены, узнав, что это будет сам Джон Бун, пусть даже он получил недопустимую дозу радиации во время своей предыдущей экспедиции. Когда в вечерней комнате обсуждали эту новость, туда вошел Чалмерс. Майя видела, как ему сообщили об этом и он резко мотнул головой в сторону собеседника, а в следующую долю секунды она заметила вспышку гнева – быструю и почти неуловимую.

С тех пор она стала к нему присматриваться. У них с Джоном Буном, несомненно, были странные отношения. Чалмерсу, конечно, приходилось туго: он являлся официальным руководителем американцев и его даже называли Капитаном, но Бун, симпатичный блондин с необычайным обаянием и манерами, имел определенно больший авторитет. Бун казался настоящим американским лидером, а Фрэнк Чалмерс – кем-то вроде гиперактивного ответственного руководителя, выполняющего немые приказы Буна. Мириться с таким было трудно.

Когда Майя спросила Фрэнка о Джоне, тот ответил, что они были старыми друзьями. Но сама она видела мало подтверждений этому – при том, что наблюдала достаточно внимательно. Они редко общались на людях и едва ли виделись с глазу на глаз. А когда оказывались рядом, Майя наблюдала за ними особенно внимательно, даже не осознавая, для

¹³ Язык, используемый для межнационального общения.

чего, – это казалось логичным исходя из самой ситуации. Находишься они в Главкосмосе, был бы стратегический смысл вбить между ними клин, но на «Аресе» она об этом не думала. Майя о многом не задумывалась – осознанно.

Но все же наблюдала. А однажды утром Джанет Блайлевен явилась в своих видеоочках на завтрак в столовую тора D. Она была главным репортером американского телевидения и часто бродила по кораблю в очках, глядя по сторонам и комментируя, собирая истории и передавая их домой, где они могли быть, как говорил Аркадий, «переварены и изрыгнуты для этих птенчиков-зрителей».

Конечно, в этом не было ничего необычного. Внимание медиа знакомо каждому астронавту, а во время отбора их разглядывали так пристально, как никогда прежде. Теперь же они стали материалом для программ, превосходивших по популярности все предыдущие космические программы. Миллионы следили за ними, как за величайшей мыльной оперой, и некоторых на борту это беспокоило. Поэтому, когда Джанет устроилась в конце стола в своих стильных очках с оптическими волокнами в оправе, раздалось несколько недовольных стонов. А на другом конце того же стола, не обращая внимания на окружающих, спорили Энн Клейборн и Сакс Расселл.

– Понадобятся годы, чтобы узнать, что там есть, Сакс. Даже десятилетия. На Марсе столько же суши, сколько на Земле, у него уникальная геология и химия. Поверхность планеты нужно тщательно изучить, прежде чем начинать изменять ее.

– Мы изменим ее уже тем, что окажемся на ней, – Расселл отмахнулся от возражений Энн, будто от паутины, упавшей ему на лицо. – Решение отправиться на Марс было лишь первой фразой в предложении, а все предложение звучит, как...

– Veni, vidi, vici¹⁴.

Расселл пожал плечами.

– Можно и так сказать.

– Ты сволочь, Сакс, – заявила Энн, раздраженно приподняв губу. Широкоплечая женщина с непослушными каштановыми волосами, она была геологом и имела твердое мнение, из-за чего с ней было трудно спорить. – Видишь ли, Марс принадлежит *сам себе*. Ты можешь играть в свое изменение климата – на Земле, если хочешь, там такая помощь понадобится. Или попробуй на Венере. Но ты не можешь вымести прочь поверхность планеты, которая формировалась три миллиарда лет.

– Ни одно из подобных решений не будет принято без нашего участия, – резко вставил Аркадий.

Джанет перевела взгляд с одного собеседника на другого, чтобы в кадр попали все. Энн начинала заводиться, она подняла голос. Осмотревшись, Майя заметила, что Фрэнку такая ситуация не нравилась. Но если бы он попытался все уладить, миллионы зрителей поняли бы, что он был против того, чтобы колонисты спорили у всех на виду. Вместо этого он посмотрел через весь стол и поймал взгляд Буна. Они обменялись взглядами так быстро, что Майя не успела моргнуть.

Бун произнес:

– Когда я был там раньше, у меня сложилось впечатление, что он похож на Землю.

– Только там было двести по Кельвину, – заметил Расселл.

– Конечно, но он выглядел, как Мохаве¹⁵ или сухие долины Антарктиды. Когда я впервые там осмотрелся, я поймал себя на том, что пытаюсь различить тюленей, которых мы видели в сухих долинах...

¹⁴ Пришел, увидел, победил (*лат.*).

¹⁵ Пустыня на юго-западе США.

И так далее. Джанет повернулась к нему, а Энн с явным презрением взяла свой кофе и вышла.

Позднее Майя пыталась вспомнить взгляды, которыми обменялись Бун и Чалмерс. Они напоминали то ли некий код, то ли особый язык, который могли придумать для себя двое близнецов.

Проходили недели, а дни все так же начинались с неторопливого завтрака. Зато после завтрака стало куда больше суеты. Каждый жил по своему расписанию, и у некоторых оно оказалось плотнее, чем у остальных. У Фрэнка дел – полным-полно, и ему нравилась их безумная гуща. Но обязательная каждодневная работа была не настолько прекрасной: им приходилось поддерживать свою форму, управлять кораблем и готовиться к высадке на Марс. Обслуживание судна включало как сложность программирования или ремонта, так и простоту перемещения запасов из хранилища или выброса мусора. Команда специалистов по биосфере проводила много времени на ферме, занимавшей значительную часть торусов С, Е и F; у всех остальных также были обязанности на ферме. Большинству эта работа нравилась, а некоторые даже возвращались к ней в свое свободное время. По велению докторов все должны были проводить по три часа в день на беговых дорожках, эскалаторах, беличьих колесах или силовых тренажерах. В зависимости от нравов эти часы воспринимались с удовольствием, терпением или отвращением, но даже те, кто открыто презирал подобные занятия, завершали их в заметно лучшем настроении.

– Бета-эндорфины – лучшее лекарство, – говорил Мишель Дюваль.

– Какое счастье, ведь других у нас нет, – отвечал Джон Бун.

– Ну, есть еще кофеин...

– От него клонит в сон.

– Алкоголь...

– Болит голова...

– Прокаин, давон, морфин...

– Морфин?

– В медицинских препаратах. Не для общего применения.

Аркадий улыбнулся:

– Может, мне лучше заболеть?

Инженеры – и Майя в том числе – по утрам занимались на учебных симуляторах. Проходили эти занятия на резервном мостике в торусе В, где установлены новейшие синтезаторы изображения. Симуляции оказались так сложно устроенными, что заметить визуальную разницу между ними и реальным действием было непросто. Но это не означало, что занятия проходили с интересом: стандартное выведение на орбиту, которое они прогоняли раз в неделю, прозвали «мантрой», и оно набило оскомину всем возможным составам экипажа.

Но даже скука иногда оказывалась меньшим злом. Аркадий, который был у них специалистом по обучению, обладал извращенным талантом придумывать настолько сложные нештатные ситуации, что они часто всех «убивали». Эти ситуации приносили удивительно неприятные ощущения, отчего сам Аркадий не пользовался большой популярностью среди «своих жертв». Он в случайном порядке совмещал «мантру» с нештатными ситуациями, причем последним уделял внимание все чаще. Они «сближались с Марсом», но загорались красные огоньки, иногда включались сирены, и они снова оказывались в беде. Однажды они столкнулись с пятнадцатиграммовой планетарной массой, отчего в тепловом щите образовалась крупная трещина. Сакс Расселл рассчитал, что их вероятность врезаться во что-либо более тяжелое, чем один грамм, составляла примерно один раз за семь тысяч лет путешествия, но это с ними случилось. Авария! Адреналин зашкаливал! Не успели они осознать

саму возможность этого, как бросились за скафандрами, вышли в открытый космос, чтобы заделать пробой, прежде чем войдут в атмосферу Марса и сгорят, как чипсы. Когда они были на полпути наружу, по внутренней связи раздался голос Аркадия: «Недостаточно быстро! Мы все уже мертвы».

Но это еще простое задание! Другие же... Так, корабль управлялся электродистанционной системой – то есть пилоты вбивали инструкции в бортовые компьютеры, а те их обрабатывали и передавали приборам наиболее оптимальные команды для достижения желаемого результата. Потому что при сближении с такой скоростью с гравитационной массой размеров Марса человек мог просто не почувствовать, как должны работать двигатели. Поэтому никто из них не был таким же пилотом, как, например, те, что управляли самолетами. Тем не менее Аркадий частенько отключал резервную систему, когда они подходили к критическому моменту (по расчету Расселла вероятность такого сбоя составляла один случай из десяти миллиардов), и им приходилось принимать управление и следить за мониторами, где их тяготило изображение Марса, оранжевое на черном, и они могли либо, двигаясь медленно, улететь в открытый космос и долго там умирать, либо быстро врезаться в планету и погибнуть мгновенно. И в последнем случае им приходилось наблюдать за этим вплоть до финального столкновения на скорости сто двадцать километров в секунду.

Или у них могла случиться механическая поломка: главных или стабилизационных ракетных двигателей, компьютерного оборудования, программных средств, системы развертывания теплового щита – во время сближения все это должно работать идеально. И сбой этих систем был наиболее вероятным среди прочих – как указал Сакс (хотя некоторые оспаривали его методику расчета рисков), в пределах одного из десяти тысяч сближений. И они проделывали это снова, и опять загорались красные огни, и они вздыхали и молили об очередной «мантре», хотя им даже немного нравилось принимать новые вызовы. Когда им удавалось выжить при механических поломках, это безумно им льстило и иногда вообще становилось событием недели. Однажды Джон Бун вручную произвел аэродинамическое торможение с единственным функционирующим главным ракетным двигателем, попав в нужную миллисекунду на единственной допустимой скорости. «Слепая удача», – объяснил он, широко улыбаясь, когда это обсуждалось за ужином.

Большинство же нештатных ситуаций Аркадия оканчивалось неудачами – то есть все в них погибали. Неважно, симуляция или нет, трудно было приходить в себя после таких неудач, кроме того, раздражал Аркадий, который все это выдумывал. Однажды они, едва починив мониторы на мостике, увидели, что экраны зафиксировали столкновение с небольшим астероидом, который врезался в центральный вал корабля и убил их всех. В другой раз Аркадий как член группы, осуществлявшей навигацию, сделал «ошибку» и дал компьютерам команду увеличивать вращение корабля вместо того, чтобы сокращать его.

– Нас прижало к полу шестью g ! – завопил он в поддельном ужасе, и им пришлось полчаса ползать по полу, пытаясь исправить ошибку, – при этом каждый из них весил по полтонны. Когда ошибку удалось исправить, Аркадий вскочил на ноги и принялся отталкивать их от контрольного монитора.

– Что ты, черт возьми, вытворяешь?! – вскричала Майя.

– Да он с ума сошел, – сказала Джанет.

– Он *симулирует* то, что сошел с ума, – поправила ее Надя. – Нам нужно придумать... – она обходила Аркадия вокруг, – как справиться, если кто-то на мостике свихнется!

Несомненно, задумка состояла именно в этом. Но они видели белки глаз Аркадия, и в его взгляде не было ни малейшего признака того, что он узнавал товарищей, когда, ничего не говоря, на них набрасывался. Им пришлось вязать его в пятером, при этом Джанет и Филлис Бойл досталось от его острых локтей.

– Ну что? – спросил он потом за ужином, осторожно ухмыляясь с распухшей губой. – Что, если это произойдет? Мы здесь и так под давлением, а при сближении будет еще хуже. Что, если кто-то не выдержит? – Он повернулся к Расселлу, и его ухмылка стала еще шире: – Каковы здесь шансы, а? – И он начал петь ямайскую песню со славянско-карибским акцентом: – «Давление падает, о, давление падает, о-о, давление падает на тебя-я-я!»¹⁶

И они продолжали попытки, стараясь справляться с нештатными ситуациями со всей серьезностью, на какую были способны, – даже с атакой коренных марсиан, расстыковкой турса Н, вызванной «взрывными болтами, ошибочно установленными при строительстве корабля», и отклонением Фобоса от своей орбиты в последнюю минуту. Такие невероятные сценарии отдавали черным юмором, и, когда Аркадий в свободное время после ужина показывал свои видеозаписи, некоторые от смеха отрывались от пола.

Но вероятные нештатные ситуации... Они появлялись снова и снова, каждое утро. И вопреки их решениям, вопреки протоколам поиска этих решений, они все равно видели это, раз за разом: красная планета приближается к ним с невообразимой скоростью в 40 000 километров в час, пока не заполняет экран, а потом тот становится белым и на нем всплывают черные буквы: *Столкновение*.

Они летели на Марс по Гомановскому эллипсу второго типа, по медленной, но четкой траектории, выбранной среди альтернативных вариантов главным образом потому, что обе планеты находились в подходящей для этого позиции в тот момент, когда корабль наконец подготовили к старту, – Марс был примерно в сорока пяти градусах впереди Земли в плоскости эклиптики. Им предстояло чуть более половины пути двигаться вокруг Солнца и примерно через триста дней выйти на рандеву с Марсом. Таков их зародышевый период, как выразилась Хироко.

На Земле психологи решили, что время от времени на «Аресе» необходимо менять обстановку, и предложили устроить чередование времен года. Для этого стали переключать продолжительность дней и ночей, погоду и окружающие астронавтов цвета. Одни придерживались мнения, что примарсение должно прийти на раннюю осень, время сбора урожая, другие – что оно должно стать новой весной. После непродолжительных споров голосованием самих путешественников было решено начать перелет ранней весной. Таким образом, путь пришелся на лето, а не на зиму, а при приближении к цели корабль должен был окраситься в осенние тона самого Марса, а не в синие и зеленые оттенки, которые к тому времени останутся у них далеко позади.

И в первые месяцы, когда они завершали свои утренние дела и покидали кто ферму, кто мостик, а кто и едва выползал после садистских симуляций Аркадия, они попадали в весну. Стены были увешаны бледно-зелеными панелями или фотоплакатами азалий, палисандров или декоративных вишен. В больших помещениях фермы желтым с новыми оттенками сияли ячмень и горчица, а лесной биом вместе с семью парковыми помещениями корабля зарос деревьями и кустарником. Майя любила эту весеннюю зелень, и после утренних занятий посвящала какое-то время прогулкам по лесному биому, с его холмистым полом и такому густо заросшему, что с одного конца комнаты нельзя было увидеть другой. Здесь она часто встречала Фрэнка Чалмерса, который проводил в этом месте свои короткие перерывы. Он говорил, что любит весеннюю листву, хотя, казалось, он никогда даже не смотрел на ветви деревьев. Они прогуливались вместе, то беседуя, то молча, в зависимости от случая. Если говорили, то никогда не касались каких-либо важных тем: Фрэнк не стремился обсуждать с ней работу, как обычно обсуждали между собой разные рабочие вопросы руководители экспедиций. Майя находила эту его черту странной, но никогда не заявляла о таком

¹⁶ Песня «Pressure Drop» впервые была исполнена ямайской группой «The Maytals» в 1969 году.

своем мнении вслух. К тому же в пользу его нерасположенности к беседам на тему работы говорило то, что они выполняли разные обязанности. Майя относилась к этому без формальностей – все российские космонавты во все времена были более-менее равноправны по традиции, тянущейся еще со времен Королёва. Участники американской программы больше придерживались военных традиций, что прослеживалось даже в их званиях: если Майя – просто координатор Российского контингента, то Фрэнк – капитан Чалмерс, причем в этом предположительно заключался еще и намек на старые военно-морские силы.

Становилась ли его работа легче или сложнее от этой власти, он не говорил. Иногда он обсуждал биом, незначительные технические проблемы или новости из дома – но чаще всего казалось, будто ему просто нравилось гулять с ней. Поэтому – безмолвные прогулки, вверх и вниз по узким тропам, сквозь густые чащи сосен, осин и берез. И непереносимое ощущение близости, будто они были старыми друзьями или как если бы он очень застенчиво (или тонко) ухаживал за ней.

Как-то раз поразмыслив над этим, Майя поняла, что запуск «Ареса» весной мог доставить хлопот. Теперь они оказались в своем мезокосмосе, бродили посреди весны, все вокруг излучало зелень и плодородие, воздух благоухал цветами и обвевался ветром, дни становились длиннее и теплее, все ходили в футболках и шортах, сотня здоровых животных в тесноте, они ели, занимались упражнениями, принимали душ, спали. Конечно, здесь не могло обойтись без секса.

Ну, ничего нового в этом не было. У Майи и самой когда-то случался фантастический секс в космосе, особенно во время ее второго пребывания на «Новом мире», когда они с Георгием, Ильей и Ириной испытали все возможные позы в невесомости – а их оказалось в самом деле много. Но сейчас всё иначе. Они были старше и застряли друг с другом надолго: «В замкнутой системе все по-другому», – как сказала однажды Хироко, пусть и в ином контексте. В НАСА придерживались идеи, что у них у всех должны быть братские отношения: из 1348 страниц тома, который НАСА озаглавило «Человеческие отношения при перелете на Марс», теме секса была отведена лишь одна страница, и на этой странице рекомендовалось от него воздерживаться. Исходя из рекомендаций, можно было представить: они – что-то вроде племени с явным табу на внутриплеменные скрещивания. Русские потешались над этим; американцы в самом деле были такими щепетильными. «Мы не племя, – говорил Аркадий. – Мы – целый мир».

Но стояла весна. На борту находилось несколько супружеских пар, некоторые из пар не особо скрывали свою любовь от окружающих. В торусе Е имелся бассейн, сауна и вихревая ванна. При смешанных компаниях их посещали в купальных костюмах – опять же из-за американцев. Но уже не помогали и купальные костюмы. Естественно, это начало происходить. Она слышала от Нади и Иваны, что купол-пузырь стали использовать для ночных свиданий: оказалось, многим космонавтам и астронавтам невесомость пришлась по душе. А для тех, у кого было мало опыта с невесомостью, убежищем служили укромные местечки в парках и лесном биоме – ведь они создавались как раз для того, чтобы люди чувствовали себя там сбежавшими ото всех. И у каждого из них имелась собственная звукоизолированная комната. Учитывая все это, парочка, желавшая начать отношения и не желавшая давать тему для сплетен, имела достаточно возможностей остаться незамеченной. Майя не сомневалась, что впереди их ждало больше, чем один человек сумел бы постичь.

Она чувствовала это. И другие, конечно, тоже. Негромкие беседы парочек, обмены местами в столовой, быстрые взгляды, слабые улыбки, руки, на ходу касающиеся плеч или локтей... О да, это происходило. В воздухе возникало некое напряжение, и оно было приятным лишь отчасти. Снова разыграли антарктические страхи – к тому же теперь число потенциальных партнеров было невелико, и отношения походили на игру в музыкальные стулья.

Но для Майи проблемы на этом не заканчивались. Она была даже более осмотрительной, чем большинство русских мужчин, которые опасались спать с начальницей. Она была насторожена на этот счет, потому что знала, каково это, потому что раньше занималась этим сама. К тому же никто из них... ну, ее привлекал Аркадий, но ему она не нравилась, и казалось, он вообще не питал интереса на сей счет. Илью она знала давно, и он был просто другом; Дмитрий ее не интересовал; Влад был старше, Юрий – не ее типа, Алекс – сторонником Аркадия... и далее в том же духе.

А что касалось американцев и международных – ну здесь была проблема иного толка. Скрещивание культур – кто знал, к чему оно приведет? И она оставалась одна. Но думала об этом. И изредка, когда она просыпалась утром или после физических упражнений, ее уносило волнами желаний и выбрасывало на берег кровати или душевой кабинки, оставляя с чувством одиночества.

И однажды, поздним утром, после особенно нервной нештатной ситуации, с которой они почти было справились, но в конце все равно провалили, она столкнулась в лесном биоме с Фрэнком Чалмерсом. Она ответила на его приветствие, а потом они углубились в лес метров на десять и там остановились. Она была в шортах и майке с бретельками, потная и покрасневшая после безумной симуляции. Он – в шортах и футболке, босой, потный и запыленный от прогулки по ферме. Вдруг он издал свой резкий смешок и кончиками пальцев коснулся ее предплечья.

– Что-то у тебя сегодня очень довольный вид, – он улыбнулся.

Лидеры двух половинок экспедиции. Ровня друг другу. Она подняла руку, чтобы коснуться его руки, и больше ничего не потребовалось.

Они ушли с тропы и залезли в густые сосновые заросли. Остановились, чтобы поцеловаться – она уже давно не испытывала при этом столь странных ощущений, как теперь. Споткнувшись о корень, Фрэнк усмехнулся, не прекращая поцелуя, тем быстрым скрытным смешком, от которого Майя ощутила дрожь – едва ли не страх. Они уселись на сосновые иголки и перекатились, будто студенты, обжимающиеся по лесам. Она рассмеялась, ей всегда нравился быстрый подход к делу – в этом случае она могла бы вовремя сбить мужчину с ног, то есть защититься, если бы захотела того.

И они занялись любовью – и на какое-то время страсть унесла ее прочь. Когда все закончилось, она расслабилась, наслаждаясь остатками тлеющего пламени. Но затем ей отчего-то стало немного неловко, она не знала, что и сказать. Что-то в нем все же осталось скрытым, будто он затаился, даже занимаясь любовью. Но что было еще хуже, она ощущала, будто он испытывает нечто вроде триумфа – будто он выиграл, а она проиграла. Эта пуриганская жилка в американцах, это чувство, что секс – это плохо, это что-то такое, во что мужчинам приходилось заманивать женщин. Она слегка прикрылась, раздраженная скрытой ухмылкой, промелькнувшей на его лице. Победил-проиграл, что за ребячество.

И все же они были, так сказать, соруководителями. Так что если они были так уж равны...

Они немного поболтали, довольно оживленно, а перед уходом даже занялись любовью еще раз. Но это было уже не так, как в первый раз – теперь она чувствовала смятение. В сексе слишком многое находилось за пределами рационального анализа. Майя всегда чувствовала в своих партнерах нечто такое, чего не могла ни понять, ни даже выразить словами. И, увидев лицо Фрэнка Чалмерса после их первого раза, она уверилась: что-то не так. От этого ей сделалось неуютно.

Но она была любезна, нежна. Не могла она отстраниться в такую минуту, это было бы непроситительно. Они встали, оделись и двинулись обратно в торус D, где отужинали за одним столом вместе с остальными – вот где имело смысл держаться друг от друга на рас-

стоянии. Но через несколько дней после их встречи она сама недовольно удивилась, осознав, что слегка его избегает, всякий раз находя отговорки, чтобы не оставаться с ним наедине. От этого ей было неловко. Раз-другой после этого они уединялись снова и по его инициативе занимались этим снова, а она чувствовала, что сделала ошибку. Или отчего-то была в плохом настроении? Но всегда выходило одинаково: всегда появлялась эта незаметная триумфальная ухмылка, говорящая: «Я тебя добился», которую она так ненавидела, потому что ощущала ее как моралистическую, пуританскую двуличную низость.

И она стала избегать его еще сильнее, не попадая в положение, когда это могло снова начаться, и он довольно быстро это понял. Как-то раз в обед он попросил ее прогуляться с ним в биом, и, когда она отказала, сославшись на усталость, в его взгляде коротко отразилось удивление, но затем он скрыл его, будто надев маску. Ей стало нехорошо, хотя она даже не могла объяснить почему.

Пытаясь уладить отношения, нарушенные ее безрассудным поведением, она вела себя с ним дружелюбно и откровенно, если обстановка была безопасной. А раз или два намекнула, что для нее их свидания были не более чем способом укрепить дружбу, будто она поступала так же и с другими. Все это следовало «прочитать между строк», но, возможно, он ее неправильно понял. После первого такого пояснения он казался просто озадаченным. Однажды, покидая группу еще перед тем, как все начали расходиться, она заметила его острый взгляд. После этого – только скрытность и общение на расстоянии. Но он никогда не выглядел по-настоящему опечаленным и никогда не давил на нее, не приходил к ней и не заговаривал об этом. И все же это было лишь частью проблемы, не так ли? Он словно *не хотел* говорить с ней об этом.

Ну, пожалуй, у него были интрижки с другими женщинами, с какими-нибудь американками, трудно сказать наверняка. Он действительно не оставался один. Но все же было... неловко.

Майя решила положить конец этим вороватым соблазнам – неважно, каких переживаний это будет ей стоить. Широко права: в замкнутой системе все по-другому. Для Фрэнка это было очень плохо (если это действительно его заботило), поскольку в этом отношении она училась у него. В итоге она решила помириться с ним, став хорошим другом. Она очень старалась, пытаясь однажды это сделать, почти месяц спустя, но просчиталась и зашла слишком далеко – до того, что он подумал, будто она вновь его соблазняет. Они сидели в компании, и она сидела рядом с ним, все заговорились допоздна, и затем он, явно неверно истолковав ее поведение, ушел с ней в ванную торуса D, обворожительно и обходительно беседуя по пути. Майя сердилась на саму себя; она не хотела показаться такой непостоянной, хотя в тот момент, если бы она ушла, то выглядела именно таковой. И она поддалась, потому что так было проще и часть ее все же хотела заняться любовью. И она занялась, разозлившись на себя и решив, что это последний раз, нечто вроде последнего подарка, который, хотела она надеяться, оставит у него хорошие воспоминания от всей этой истории. Она осознала, что была даже более пылкой, чем когда-либо прежде, что в самом деле желала доставить ему удовольствие. И затем, перед самым оргазмом, она взглянула в его лицо – и это был словно взгляд в окна пустого дома.

Это был последний раз.

Δv – скорость, дельта – изменение. В космосе это мера изменения скорости, необходимой, чтобы переместиться из одного места в другое, – то есть мера энергии, необходимой, чтобы это сделать.

Все уже движется. Но чтобы перенести что-то с (движущейся) поверхности Земли на ее орбиту, Δv должно составлять не менее десяти километров в секунду; чтобы покинуть земную орбиту и устремиться к Марсу – требуется Δv в 3,6 километра в секунду, а

чтобы зайти на орбиту Марса и сесть на его поверхность – Δv должно равняться примерно одному километру в секунду. Сложнее всего – оставить Землю позади, и виной тому – глубочайший гравитационный колодец. Взбирание по кривой пространства-времени требует невероятных усилий, поскольку направление огромной инерции то и дело меняется.

У истории тоже есть инерция. Частицы (или события) имеют направленность в четырех измерениях пространства-времени. Математики, пытаясь выразить ее, рисуют на графиках так называемые мировые линии. В истории человечества мировые линии образуют густой клубок, вьющийся из тьмы доистории и уходящий сквозь время, – кабель диаметром с саму Землю, двигающуюся по спирали вокруг Солнца по длинной кривой. Кабель из спутанных мировых линий – это и есть история. Если увидать, где он был, станет ясно, куда он тянется, – это простая экстраполяция. Какое Δv потребуется, чтобы сбежать из истории, сбежать от той мощной инерции и прочертить новую траекторию?

Сложнее всего – оставить Землю позади.

Форма «Ареса» отображала собой структуру реальности: вакуум между Землей и Марсом начал казаться Майе длинным рядом цилиндров, расходящихся от стыков под углом в сорок пять градусов. У них был беговой маршрут – что-то вроде бега с препятствиями – вокруг торауса С, где она замедлялась возле каждого стыка и напрягала мышцы ног при повышенном давлении из-за двух 22,5-градусных изгибов – отсюда ей внезапно открывалась вся длина следующего цилиндра. И мир начинал казаться совсем узким.

По-видимому, чтобы возместить это, люди, находившиеся внутри, становились более открытыми. Они продолжали сбрасывать свои антарктические маски, и каждый раз проявлялась новая, прежде неизвестная черта, которая позволяла всем, кто замечал ее, чувствовать себя гораздо свободнее, и это чувство открывало еще больше скрытых особенностей.

Однажды воскресным утром группа христиан, человек десять, отмечала Пасху в куполе-пузыре. На Земле был апрель, на «Аресе» – середина лета. После службы они отправились в столовую, в тораус D, на второй завтрак. Среди них были Юрий, Риа, Эдвард и Мэри. За столом уже сидели, попивая кофе и чай, Майя, Фрэнк, Джон, Аркадий и Сакс. Их разговоры тесно переплетались с разговорами, доносящимися от других столов, и то, что рассказывала Филлис Бойл, геолог, проводившая пасхальную службу, поначалу слышали только Майя и Фрэнк.

– Я могу понять предположение, что вселенная – это сверхсущество, а вся ее энергия – мысли этого существа. Это красивая идея. Но история Христа... – Джон затряс головой.

– Ты в самом деле знаешь эту историю? – спросила Филлис.

– Я вырос в лютеранской семье в Миннесоте, – ответил Джон. – Ходил в школу конфирмантов, все это мне вдолбили в голову.

«Потому-то он и решил вступить в дискуссию», – подумала Майя.

Его лицо приняло недовольное выражение, какого ей еще не приходилось у него видеть, и она слегка наклонилась вперед, вдруг сосредоточившись. Она бегло посмотрела на Фрэнка: тот вглядывался в свой кофе, словно в забытые, но, несомненно, он внимательно слушал.

– Вы должны знать, – произнес Джон, – что Евангелие было написано спустя десятилетия после его событий. Написано людьми, которые Христа в глаза не видели. И что были и другие описания, раскрывавшие другого Христа, но их исключили из Библии после политического процесса в третьем веке. То есть он, по сути, как бы литературный персонаж, поэтический образ. О нем как о человеке мы ничего не знаем.

Филлис покачала головой.

– Это неправда.

– Но это так, – возразил Джон. Сакс и Аркадий внимательно смотрели на него из-за соседнего стола. – Ну, у всего этого есть история. Монотеизм – это система верований, как вы

знаете, возникшая в ранних пастушьих обществах. Чем сильнее они зависели от разведения овец, тем сильнее укреплялась их вера в бога-пастыря. Это простая связь – сами можете за ней проследить. А бог – всегда мужчина, потому что эти общества были патриархальными. В этом есть что-то от археологии и антропологии – то есть религиозной социологии, благодаря которой все становится совершенно понятным: откуда она взялась, какие роли выполняла.

Филлис удостоила его слабой улыбкой.

– Не знаю, чем и ответить на это, Джон. Это же не вопрос истории. Это вопрос веры.

– Ты веришь в чудеса Христовы?

– Чудеса тут тоже ни при чем. Как и церковь, как и ее учение. Дело в Христе.

– Но он просто литературный образ, – упрямо повторил Джон. – Вроде Шерлока Холмса или Одинокого рейнджера.

Филлис передернуло.

– Я считаю, что само существование вселенной – это чудо. Вселенной и всего, что в ней содержится. Разве ты можешь это отрицать?

– Разумеется, – ответил Джон. – Вселенная просто существует. Я называю чудом лишь действие, которое явно нарушает известные законы физики.

– Как путешествия на другие планеты?

– Нет, как восстание из мертвых.

– Доктора проделывают это каждый день.

– Докторам этого еще ни разу не удавалось.

Филлис растерялась.

– Не знаю, что ответить тебе, Джон. Я несколько удивлена. Мы не знаем всего, а когда делаем вид, будто это не так, просто ведем себя высокомерно. Сотворение мира – это загадка. Назвать что-то «большим взрывом» и думать, что у нас есть объяснение, – это плохая логика, плохое мышление. За пределами твоего рационального научного мышления существует огромная область сознания, которая более важна, чем наука. Вера в Бога тоже входит в эту область. И полагаю, у тебя она либо есть, либо нет. – Она поднялась. – Надеюсь, она к тебе придет. – И она вышла из зала.

После некоторого молчания Джон вздохнул:

– Простите, ребята, иногда это меня до сих пор задевает.

– Когда ученый заявляет, что он христианин, – заметил Сакс, – я воспринимаю это как эстетство.

– Церковь типа «разве не мило думать, что это так», – произнес Фрэнк, по-прежнему не отрывая взгляда от своей чашки.

– Они считают, – сказал Сакс, – что нам не хватает духовного измерения, которое было в более ранних поколениях, и пытаются вернуть его теми же средствами. – Он моргнул по-совиному, будто проблема должна была решиться лишь оттого, что ее выяснили.

– Но это же порождает столько нелепостей! – вспыхнул Джон.

– Просто у тебя нет веры, – насмешливо заметил Фрэнк, провоцируя его на отстаивание позиции атеиста.

Джон не обратил на него внимания.

– Люди, которые работают в лабораториях, практичны, как никто другой, – вы же видите, как Филлис хватается за умозаключения, от которых ее коллеги давно отказались! А потом они внезапно начинают использовать всевозможные хитрости для победы в споре – виляния, отговорки, всякие туманные намеки. Будто они изменились до неузнаваемости.

– Просто у тебя нет веры, – повторил Фрэнк.

– Ну, надеюсь, у меня ее никогда и не будет! Для этого меня придется стукнуть молотком по голове!

Джон встал и вышел со своим подносом на кухню. Остальные молча смотрели друг на друга. «Должно быть, у него была действительно плохая школа конфирмантов», – подумала Майя. Никто из присутствовавших явно ничего не знал об этой стороне их беспечного героя. Кто мог предвидеть, что они узнают о нем или о каком-нибудь другом члене экипажа в следующий раз?

Новость о споре между Джоном и Филлис разошлась по кораблю. Майя не знала, кто все рассказал – ни Джон, ни Филлис, очевидно, не желали об этом упоминать. Затем она увидела Фрэнка с Хироко – та рассмеялась, когда он что-то ей сообщил. Подойдя поближе, она услышала ответ Хироко: «Стоит признать, в этом Филлис права: мы не понимаем, почему все происходит».

Значит, Фрэнк. Сеет раздор между Филлис и Джоном (нетривиальной точкой зрения). Христианство по-прежнему оставалось основной силой в Америке – да и везде. Если бы на Земле прознали, что Джон Бун – противник христианства, это доставило бы ему хлопот. И не стало бы огорчением для Фрэнка. На Земле они все были актерами популярного шоу, но те, кто формировал и смотрел новости, понимали, что некоторые роли важнее других, и позволяли их исполнителям оказывать большее влияние на общество. В эту группу входили Влад и Урсула (которые теперь были не просто друзьями, как подозревала Майя), Фрэнк, Сакс... Все астронавты, хорошо известные публике до отбора, – но никто из них и близко не стоял рядом с Джоном по степени известности. Любая тень, павшая на кого-нибудь из них в глазах землян, могла отразиться соответствующим образом на их статусе на борту «Ареса». Как бы то ни было, именно этими соображениями, судя по всему, руководствовался Фрэнк.

По ощущениям, они словно заперты в гостинице, в которой нет ни выходов, ни даже балконов. Уныние от такой гостиничной жизни становилось все сильнее. Они пробыли там уже четыре долгих месяца, но до сих пор не проделали и половины пути. И ни тщательно продуманное физическое окружение, ни повседневные рутинные дела не могли ускорить их путешествие.

Однажды утром, когда второй экипаж трудился над очередной нештатной ситуацией Аркадия, на нескольких экранах одновременно загорелись красные огни.

– Система слежения за Солнцем зафиксировала вспышку, – сообщила Риа.

Аркадий вскочил.

– Это не я! – воскликнул он и склонился к ближайшему к нему экрану. Поднял взгляд, встретился со скептическими взглядами коллег и усмехнулся: – Прошу прощения, друзья, но этот волк настоящий.

Экстренное сообщение из Хьюстона подтвердило его слова. Ему было по силам подделать и такое сообщение, но он отвечал за связь с Землей, поэтому проверить подлинность подтверждения путешественники не могли. Подделка или нет, они вынуждены подчиниться.

Вообще они прогоняли возникновение крупной вспышки на Солнце множество раз. Каждый должен был выполнить свою часть работы, причем некоторые – в очень сжатый срок. И они забегали по торусам, проклиная свою удачу и стараясь не попадаться друг другу на пути. Работы предстояло много: заdraивание люков было сложным и не совсем автоматизированным процессом. Когда они переносили лотки для растений в убежище, Джанет закричала:

– Это что, опять Аркадий придумал?

– Говорит, что нет.

– Черт!

Они покинули Землю в низшей точке одиннадцатилетнего цикла солнечной активности – специально для того, чтобы снизить вероятность подобных вспышек. Но это все равно

случилось. У них было около получаса до того, как до них дойдет первая доза радиации, а не более чем через час после этого им пришлось бы совсем туго.

Чрезвычайные происшествия в космосе могут быть очевидными, как взрывы, или неосознаваемыми, как соблюдение баланса, но в их случае очевидность ничего не говорила о том, в насколько опасном положении они оказались. Органы чувств членов экипажа совершенно не воспринимали тот субатомный ветер, что приближался к ним, но именно встреча с этим ветром была одним из худших событий, которые могли с ними произойти. И все это понимали. Они носились по торусам, внося свою лепту в процесс задривания люков. Растения следовало накрыть или перенести в защищенные сектора. Кур, свиней, карликовых коров и остальных животных – загнать в их специальные убежища. Семена и замороженные эмбрионы – собрать и перенести. Чувствительные электродетали – сложить в ящики или тоже перенести. Покончив с наиболее срочными задачами, они со всей скоростью, на какую только были способны, ринулись к центральному валу и спустились по туннелю в штормовое убежище, которое находилось прямо у конца туннеля.

Последними прибыли Хироко и ее биосферная команда. Закрыв за собой люк через двадцать семь минут после первоначального сигнала, они влетели в невесомое пространство, раскрасневшиеся и запыхавшиеся.

– Не началось еще?

– Пока нет.

Они сорвали индивидуальные дозиметры со стеллажа с липучками и прикололи их к одежде. Остальные уже плавали по полуцилиндрическому помещению, тяжело дыша и обрабатывая ушибы и растяжения. Майя приказала рассчитаться и, когда выяснилось, что все сто человек на месте, испытала облегчение.

Комната, казалось, была заполнена до предела. Они не собирались в полном составе в одном месте много недель – для этого даже самые просторные комнаты будто были малы. А это помещение занимало отсек в среднем звене центрального вала. Четыре соседних резервуара заполнены водой, а их отсек был разделен вдоль – на первый полуцилиндр, где находились они, и второй, в котором хранились тяжелые металлы. Плоская сторона их полуцилиндра служила им «полом» – установленная внутри цилиндра на кольцевых путях, она оборачивалась, нивелируя вращение корабля и сохраняя бак с водой между экипажем и Солнцем.

Они парили в неподвижном пространстве, тогда как изогнутая крыша отсека вращалась над ними со своей привычной частотой в четыре оборота в минуту. От этого странного зрелища, а также от невесомости некоторые начинали ощущать тошноту. Эти бедняги собирались в конце убежища, где располагались туалеты, а остальные, чтобы помочь им зрительно, подплывали ближе к полу. Из-за этого радиация поднималась по их ногам, но большая часть гамма-лучей рассеивалась благодаря тяжелым металлам. Майя почувствовала желание свести колени вместе. Люди парили в пространстве либо обували туфли на липучках, чтобы ходить по полу. Они негромко переговаривались, инстинктивно находя своих соседей по комнатам, коллег по работе, друзей. Беседы вели сдержанно, будто на коктейльной вечеринке пустили слух, что закуска испортилась.

Джон Бун прорвался к компьютерным терминалам в передней части комнаты, где Аркадий с Алексом следили за состоянием корабля, которое отображалось на мониторах. Он ввел команду, и на самом большом экране помещения внезапно высветились данные об уровне радиации снаружи.

– Посмотрим, сколько там бьет по кораблю, – оживленно произнес он.

Раздались стоны.

– А это надо? – воскликнула Урсула.

– Мы должны знать, – ответил Джон. – И я хочу увидеть, насколько хорошо устроено это убежище. То, которое было на «Ржавом орле», было примерно таким же надежным, как слюнявчик, который вы надеваете в кабинете стоматолога.

Майя улыбнулась. Джон редко напоминал о том, что получил гораздо больше радиации, чем кто-либо из них. Около 160 бэр за все время, как он однажды признался, когда его спросили. На Земле люди получали по 1/5 биологического эквивалента рентгена в год, а на ее орбите, под защитой земной магнитосферы, – около тридцати пяти в год. То есть Джон был сильно облучен, и теперь это каким-то образом давало ему право вывести на экран данные, если ему этого хотелось.

Те, кому было интересно, – человек шестьдесят – сгрудились перед ним, чтобы наблюдать за экраном. Остальные переместились в дальний конец отсека к страдающим от укачивания – те также явно не желали знать, какую дозу радиации сейчас принимали. Одной мысли об этом для них было достаточно, чтобы броситься в уборную.

Затем вспышка ударила в полную силу. Наружная радиация значительно превысила обычный уровень солнечного ветра и внезапно взлетела еще выше. Несколько наблюдавших одновременно тихонько присвистнули, раздались изумленные возгласы.

– Вы смотрите, сколько поглощает убежище, – произнес Джон, сверяясь с дозиметром, приколотым к рубашке. – У меня по-прежнему три десятых бэр!

Стоматологическому рентгену, чтобы достичь такого уровня, понадобилось бы несколько жизней, но сейчас радиация за пределами их убежища уже достигла семидесяти бэр и приближалась к смертельной, так что им удалось легко отделаться. И такое облучение пронизывало остальную часть корабля! Миллиарды частиц проникали на борт и сталкивались с атомами воды и металлов, сваленных рядом с убежищем; сотни миллионов пролетали мимо этих атомов, а затем сквозь атомы их тел, не соприкасаясь с ними, будто были не более чем призраками. И все же тысячи поражали атомы плоти и костей. Большинство таких столкновений были безвредными – но среди этих тысяч по всей вероятности присутствовали один-два (три?), которые попадали в хромосомную нить и скручивали ее не в ту сторону – а это уже было плохо. Образовывалась опухоль – сначала несущественная, будто опечатка в книге. А годами позже, если ДНК жертвы не излечится сама, ее неизбежное увеличение даст результат и внутри расцветет нечто Чужеродное. Рак. Весьма вероятно, лейкемия и, весьма вероятно, смерть.

Поэтому трудно было не обращать внимания на цифры. 1,4658 бэр. 1, 7861. 1,9004.

– Как будто одометр¹⁷, – спокойно проговорил Бун, глядя на свой дозиметр.

Он держался за перекладину и подтягивался вверх-вниз, будто выполняя изометрические упражнения. Фрэнк, заметив это, спросил:

– Джон, какого черта ты делаешь?

– Уклоняюсь, – ответил Джон и улыбнулся нахмурившемуся Фрэнку. – Ну, знаешь... движущаяся цель.

Окружающие рассмеялись. Когда степень опасности высветилась на экранах, они уже не чувствовали себя такими беспомощными. В этом не было логики, но возможность называть вещи своими именами – сила, благодаря которой любой человек считал себя в некотором смысле ученым. А здесь и без того были настоящие ученые, плюс немало астронавтов, каждый из которых обучен принимать возможность подобных бурь. Все эти привычки разума начали проявляться в их мыслях, и потрясение немного спало. Они постепенно мирились с происходящим.

Аркадий подошел к терминалу и включил «Пасторальную симфонию» Бетховена, начав с третьей части, когда танец в деревне прерывался из-за бури. Он прибавил громкость,

¹⁷ Прибор, измеряющий и отображающий путь, пройденный транспортным средством.

и теперь они парили в длинном полуцилиндре, слушая глубину яростной бури Бетховена, которая, как внезапно показалось, идеально отвечала шквалу немого ветра, струившегося сквозь их тела. Он мог бы звучать именно так! Струнные и духовые визжали в диких порывах, необузданных, но при этом изумительно мелодичных, заставляя Майю ощущать, как мурашки бегают у нее по спине. Ей никогда еще не приходилось слушать такое старье столь внимательно. С восхищением (и чуточкой страха) посмотрев на Аркадия, увидела, как тот лучился от воздействия, произведенного подобранным им произведением, и танцевал, будто красный песочник на ветру. Когда буря в симфонии достигла апогея, было трудно поверить, что показатели радиации не возрастали, а когда музыкальная буря ослабла, казалось, что и настоящая должна утихать вместе с ней. Грохотал гром, свистели последние порывы. Безмятежная валторна объявила о завершении непогоды.

Люди начали разговаривать – они обсуждали различные дела этого дня, прерванные столь грубым образом, или использовали возможность для бесед на другие темы. Спустя примерно полчаса одна из таких бесед перешла на повышенные тона. Майя не слышала, с чего все началось, но вдруг Аркадий громко заявил на английском:

– Не думаю, что нам стоит сильно заботиться о планах, которые придумали для нас на Земле!

Остальные разговоры затихли, и все повернулись к Аркадию. Он парил под вращающейся крышей убежища, откуда мог всех видеть и вещать, словно какой-то безумный летающий дух.

– Думаю, мы должны разработать новые планы, – произнес он. – Думаю, нам следует заниматься этим уже сейчас. Все необходимо переделать с самого начала, выразив наше новое мышление. Оно должно касаться всего – даже первых убежищ, которые мы там построим.

– Зачем? – спросила Майя, раздраженная его стремлением играть на публику. – Наши проекты и так неплохи.

Это в самом деле раздражало: Аркадий часто выходил в центр сцены, а люди всегда смотрели на нее так, словно она была каким-то образом ответственна за него, словно в ее обязанности входило его сдерживать, не позволяя докучать остальным.

– Здания – это основа для создания общества, – сказал Аркадий.

– Нет, для создания помещений, – поправил Сакс Расселл.

– Но помещения подразумевают организацию общества внутри них, – Аркадий огляделся, взглядом пытаясь вовлечь людей в обсуждение. – План здания показывает, что его проектировщик предполагает по поводу того, что должно находиться внутри. Мы видели это в начале перелета, когда русские и американцы были разделены в туннелях D и B. Видите, мы должны были оставаться двумя отдельными структурами. То же самое произойдет на Марсе. Здания выражают ценности, они обладают чем-то вроде грамматики, тогда как помещения – это предложения. Я не хочу, чтобы мне указывали, как жить, из Вашингтона или из Москвы, мне этого уже хватило.

– А что тебе не нравится в проекте первых убежищ? – с заинтересованным видом спросил Джон.

– Они прямоугольные, – ответил Аркадий. Это вызвало смех, но он не сдавался: – Прямоугольник – это стандартная форма! А рабочая зона удалена от жилых блоков, будто работа – не часть жизни. И жилые блоки состоят в основном из отдельных помещений, с соблюдением иерархии: начальникам отведено больше пространства.

– Разве это сделано не для того, чтобы облегчить им работу? – спросил Сакс.

– Нет. В этом нет реальной необходимости. Это вопрос престижа. Если позволите так выразиться, это очень показательный пример американского делового мышления.

Послышался стон несогласия, и Филлис спросила:

– Разве нам нужно связываться с политикой, Аркадий?

При самом упоминании этого слова облако слушателей пошатнулось. Мэри Данкел и еще пара человек оттолкнулись и направились в другой конец помещения.

– Во всем есть политика, – сказал Аркадий им в спины. – И наш перелет – не исключение. Мы строим новое общество, как это можно сделать без политики?

– У нас же научная станция, – возразил Сакс. – Необязательно приплетать сюда политику.

– Когда я был там в последний раз, никакой политики там точно не было, – произнес Джон, задумчиво глядя на Аркадия.

– Была, – ответил Аркадий, – только она была проще. У вас тогда был полностью американский экипаж, вы выполняли временную миссию, подчиняясь приказам командования. Но сейчас наш экипаж международный и мы основываем постоянную колонию. Это совсем другое.

Люди медленно подплывали по воздуху в сторону говоривших, чтобы лучше слышать, о чем идет речь.

– Мне неинтересна политика, – сообщила Риа Хименес, и Мэри Данкел согласилась с ней из другого конца помещения:

– Это одна из тех вещей, от которых я хотела уйти, попав сюда!

Несколько русских ответили одновременно:

– Это тоже политическая позиция!

– Вы, американцы, – воскликнул Алекс, – хотите покончить и с политикой, и с историей, чтобы создать мир, которым будете править!

Пара американцев попыталась ему возразить, но он их перебил:

– Это правда! Весь мир изменился в последние тридцать лет. Каждая страна оценивает себя, существенно меняется, чтобы справиться с проблемами, – все, кроме США. Вы стали самой реакционной страной в мире.

– Страны, которые изменились, – начал Сакс, – были вынуждены это сделать, потому что до этого оставались закоснелыми и чуть не пришли к разорению. В США уже существовала гибкая система, и им не нужно было меняться так же решительно. Я хочу сказать, что американский вариант лучше, потому что он более плавный. Он лучше продуман.

Алекс задумался над этой аналогией, и тем временем Джон Бун, с явным интересом наблюдавший за Аркадием, произнес:

– Возвращаясь к убежищам. Какими бы ты их сделал?

– Точно не знаю, – сказал Аркадий, – нужно сначала увидеть места, где мы будем строить, осмотреться вокруг, хорошенько обсудить. Понимаешь ли, это сложное дело. Но вообще я считаю, что рабочая и жилая зоны должны быть совмещены настолько, насколько потребует практичность. Наша работа станет чем-то бóльшим, чем зарабатывание денег, – она станет нашим искусством, всей нашей жизнью. Мы будем передавать ее друг другу, но не покупать или продавать. Также нельзя допускать никакого проявления иерархии. Я не доверяю даже той системе управления, которая существует у нас сейчас, – он вежливо кивнул Майе. – Все мы несем равную ответственность, и наши здания должны с этим соотноситься. По форме лучше всего круг – его сложно построить, зато он надежно сохраняет тепло. Хороший компромисс – геодезический купол: такой легко соорудить, и он указывает на наше равенство. Внутреннее пространство, наверное, должно быть по большей части открытым. Разумеется, у каждого должна быть своя комната, но они должны быть невелики. Если, допустим, расположить их по кругу, то у нас появится больше общего пространства... – он повел мышью по одному из терминалов, начав делать на экране наброски. – Здесь. Такая архитектурная основа как будто говорит: все равны. Правильно?

– Там уже установлено много сборных элементов, – напомнил Джон. – Не уверен, что их удастся заменить.

– Удастся, если мы этого захотим.

– Но разве это так уж необходимо? В смысле, это же очевидно, что мы и так команда равных.

– Очевидно? – резко спросил Аркадий, осматриваясь. – Если Фрэнк и Майя говорят нам что-то делать, вольны ли мы пропустить это мимо ушей? Если Хьюстон или Байконур говорят нам что-то делать, вольны ли мы пропустить это мимо ушей?

– Полагаю, что да, – мягко ответил Джон.

После этого заявления Фрэнк бросил на него острый взгляд. Дискуссия раскалывалась на несколько мелких споров – многим было что сказать, – но Аркадий оказался громче всех:

– Нас отправили сюда наши правительства, а они *все* порочны, причем большинство – до катастрофической степени. Именно поэтому история представляет собой кровавое месиво. Теперь мы одни, и лично мне не хотелось бы повторять все ошибки, сделанные на Земле. Несмотря на то, что так велит общественное мнение. Мы первые колонисты Марса! Мы *ученые*! Это же наша работа – придумывать и претворять в жизнь все новое!

Снова вспыхнули споры – еще громче, чем прежде. Майя, отвернувшись, обругала Аркадия себе под нос, встревоженная тем, какой силы гнев разгорался в людях. Взглянув на Джона Буна, она увидела ухмылку. Он оттолкнулся от пола навстречу Аркадию, остановился, столкнувшись с ним, и пожал ему руку, отчего они закружились в воздухе, будто исполняя какой-то странный танец. Этот знак поддержки мгновенно заставил людей призадуматься – Майя видела это по удивлению на лицах. Если Джон, будучи сдержанным и рассудительным, одобрял идеи Аркадия, это совершенно меняло дело.

– Черт тебя дери, Арк, – сказал Джон. – Сначала эти безумные нештатные ситуации, теперь это – да ты настоящий бунтарь! Как ты, черт возьми, заставил их взять тебя на корабль?

«Мне вот тоже интересно», – подумала Майя.

– Я им соврал, – заявил Аркадий.

Все рассмеялись. Даже Фрэнк, удивленный.

– Ну разумеется, соврал! – воскликнул Аркадий, и крупная перевернутая ухмылка рассекла его рыжую бороду. – Как еще мне было сюда попасть? Я хочу оказаться на Марсе, чтобы делать то, чего сам пожелаю, а отборочный комитет хотел, чтобы люди отправились туда и делали то, что им скажут. Вы и сами это знаете! – Он указал на слушателей и закричал: – Вы все соврали, вы знаете, что это так!

Фрэнк смеялся сильнее прежнего. Сакс, как обычно, изображая Бастера Китона¹⁸, поднял палец и объявил:

– Миннесотский многопрофильный тест личности, версия исправленная и дополненная.

И все заулюлюкали.

Им всем пришлось пройти этот тест. Это был самый распространенный психологический тест в мире, и его высоко оценивали эксперты. От респондентов требовалось согласиться или не согласиться с 556 утверждениями, на основании ответов формировался профиль испытуемых. При этом их предположительные ответы опирались на ответы пробной группы 2600 белых, женатых миннесотских фермеров среднего класса, живших в 1930–х годах. Несмотря на все более поздние изменения, влияние этой первой тестовой группы все же оставалось существенным – или по крайней мере некоторым так казалось.

¹⁸ Бастер Китон (1895–1966) – американский актер, комик немого кино.

– Миннесота! – воскликнул Аркадий, закатив глаза. – Фермеры! Миннесотские фермеры! Знаете, что я вам скажу: я соврал в каждом ответе! Я отвечал *противоположно* тому, что чувствовал, и именно это позволило мне получить нормальный результат!

Это заявление было встречено дикими возгласами.

– Вот черт, – сказал Джон. – Я сам из Миннесоты, и мне тоже пришлось лгать.

Возгласы лишь усилились. Майя заметила, что Фрэнк побагровел от смеха, лишившись дара речи, обхватив руками живот. Он хохотал, не в силах остановиться. Она никогда еще не видела, чтобы он так смеялся.

– Это тест заставил тебя лгать, – произнес Сакс.

– Да ну, а тебя нет, что ли? – спросил Аркадий. – Разве ты не врал?

– Нет вообще-то, – сказал Сакс, моргая так, будто само понятие лжи было для него внове. – Я отвечал как есть на каждый вопрос.

Они засмеялись пуще прежнего. Сакс смотрел с изумлением, но выглядел от этого лишь смешнее.

Кто-то крикнул:

– А ты что скажешь, Мишель? Сам-то ты как отвечал?

Мишель Дюваль развел руками.

– Возможно, вы недооцениваете всех тонкостей ММТЛ. В нем есть вопросы, которые позволяют проверить вашу честность.

Такое утверждение вызвало целый поток вопросов в его адрес – это была методологическая инквизиция. Как он это проверял? Как тестеры опровергали их ответы? Как они их повторяли? Как исключали альтернативные объяснения данных? Как они могли претендовать на научность? Многие явно считали психологию псевдонаукой и ненавидели те обручи, через которые их заставили прыгать, чтобы попасть на борт. Годы соревнований отразились на них не лучшим образом. И от открытия этого общего чувства загорелись десятки неприужденных разговоров. Напряжение, возникшее от политической речи Аркадия, исчезло.

«Похоже, Аркадий просто смешал одно с другим», – подумала Майя. Если так, это было очень умно, да и Аркадий был весьма неглуп. Она постаралась вспомнить. Вообще-то это Джон Бун сменил тему. Он эффектно вознесся к потолку Аркадию на помощь, и тот не упустил своего шанса. Они оба были неглупы. И возможно, они были своего рода пособниками. И хотели создать альтернативное руководство – и американское, и российское. С этим нужно что-то делать.

– Ты думаешь, это плохой знак, что мы все признаем себя такими лжецами? – спросила она Мишеля.

Тот пожал плечами.

– Обсудить это было очень полезно. Теперь мы осознаём, что у нас больше общего, чем мы считали. Никому больше не придется думать, что он попал на борт нечестным путем.

– А ты? – спросил Аркадий. – Ты представил себя самым рациональным и уравновешенным психологом с таким странным умом, который нам еще предстоит узнать и полюбить?

Мишель слегка улыбнулся.

– Это ты у нас эксперт по странным умам, Аркадий.

Тут те, кто следил за экранами, позвали их. Уровень радиации начал опускаться. Вскоре он был лишь слегка выше нормы.

Кто-то снова включил «Пасторальную симфонию», последнюю ее часть – момент с валторнами.

Из динамиков полились «Радостные и благодарные чувства после бури», и, когда они покинули убежище и рассредоточились по кораблю, словно семена одуванчика на ветру, по всему «Аресу» зазвучала красивая старая народная мелодия, представляющая во всем своем

брукнеровском богатстве. Пока она играла, они заключили, что все укрепленные системы корабля остались в исправном состоянии. Толстые стены фермы и лесного биома защитили растения, и, хотя некоторые все же погибли, хранилище семян не пострадало. Животных теперь нельзя было употреблять в пищу, но они все же должны были дать здоровое потомство. Единственной потерей стали несколько непойманных певчих птиц из столовой торуса D: их нашли там на полу мертвыми.

Что касается экипажа, убежище защитило его, пропустив около шести бэр. Учитывая трехчасовую длительность излучения, это было плохо, но могло быть и хуже. Снаружи корабль принял на себя свыше 140 бэр – то есть смертельную дозу.

Шесть месяцев в гостинице, без единой прогулки снаружи. А внутри – позднее лето, медленно тянущиеся дни. На стенах и потолках преобладал зеленый цвет, а люди ходили босиком. Тихие разговоры были едва слышны среди гула машин и свиста вентиляторов. Корабль почему-то казался пустым – целые секции были брошены, когда экипаж замер в ожидании. Небольшие горстки людей сидели и разговаривали в коридорах торусов B и D. Когда вошла Майя, некоторые умолкли – и это не могло ее не встревожить. Она с трудом засыпала, с трудом просыпалась. Работа сделала ее беспокойной; все инженеры теперь просто ждали, и симуляции стали почти невыносимыми. Она с трудом укладывалась в нужное время, стала чаще, чем раньше, допускать ошибки. Ходила к Владу, и он посоветовал пить больше воды, больше бегать, больше плавать.

Хироко советовала проводить больше времени на ферме. Она попыталась – часами выдергивала сорняки, собирала урожай, подрезала ветки, вносила удобрения, поливала, общалась, сидела на лавке, наблюдала за листьями. Отключалась от рутины. Помещения фермы занимали самую большую площадь, их сводчатые потолки были разлинованы яркими солнечными полосами. Многоуровневые полы были засажены различными культурами – после бури среди них появилось много новых. Здесь оказалось недостаточно места, чтобы прокормить весь экипаж выращенной на ферме едой, что не нравилось Хироко. Но она боролась с обстоятельствами, занимая хранилища, когда те пустели. Карликовые разновидности пшеницы, риса, сои и ячменя росли в нагроможденных поддонах; над ними свисали ряды гидропонных овощей и огромные прозрачные банки зеленых и желтых морских водорослей, которые использовались для регулирования газообмена.

Случались дни, когда Майя не занималась ничем, лишь наблюдала за работой команды фермеров – Хироко и ее помощника Ивао, который бесконечно пытался сделать биологическую систему жизнеобеспечения максимально замкнутой, а также их работников, в число которых входили Рауль, Риа, Джин, Евгения, Андреа, Роджер, Эллен, Боб и Таша. Эффективность попыток увеличения замкнутости обозначалась K , то есть степенью этой замкнутости. Таким образом, для каждого вещества была справедлива формула:

$$K = I - \frac{e}{E},$$

где E – показатель потребления в системе, e – показатель (неполной) замкнутости, I – постоянная, для которой Хироко установила определенное значение ранее. Цель, $K = I - I$, была недостижима, но асимптотическое приближение к ней стало на ферме любимой биологической игрой и более того – имело критическое значение для их будущего существования на Марсе. Поэтому обсуждение этой темы могло растянуться на несколько дней, уходя по

спирали в такие сложные области, которые никто должным образом не понимал. По сути, команда фермеров уже занималась своей основной работой, и Майя в душе им завидовала. Саму-то ее уже тошнило от симуляций!

Хироко была для Майи загадкой. Отчужденная и серьезная, она всегда казалась поглощенной работой, и ее команда всегда стремилась находиться рядом с ней, словно она была королевой в стране, независимой от остальной части корабля. Майе это не нравилось, но она не могла ничего с этим поделать. И что-то в поведении Хироко делало это не столь угрожающим, а лишь давало понять, что ферма – обособленное место, а ее команда – обособленное общество. И возможно, Майя могла бы каким-либо образом использовать их в противовес влиянию Аркадия и Джона, поэтому она не беспокоилась из-за их отдельной страны. Наоборот, сблизилась с ними еще больше чем прежде. Иногда в конце рабочей сессии она ходила с ними в центральную часть корабля играть в придуманную ими игру, которую они называли «туннелескоком». Нужно было прыгать в трубу, ведущую к центральному валу, где все стыки между цилиндрами расширялись до одинакового размера и образовывали одну гладкую трубу. Чтобы облегчить быстрое перемещение вперед-назад вдоль этой трубы, в ней имелись рельсы, но прыгуны становились на люк штормового убежища и пытались вспрыгнуть по ней к люку купола-пузыря, на целые пятьсот метров, не натыкаясь на стены или рельсы. Из-за кориолисовых сил это было практически невозможно, и пролетевший хотя бы половину пути обычно выходил победителем. Но однажды Хироко по пути в купол, где она собиралась проверить пробный урожай, поздоровалась с играющими, присела на люке убежища и, подпрыгнув, медленно пролетела всю длину туннеля, вращаясь в полете, а затем остановилась у люка купола, вытянув лишь одну руку.

Игроки уставились на туннель, онемев от изумления.

– Эй, – окликнула ее Риа. – Как ты это сделала?

– Что сделала?

Они рассказали ей об игре. Она улыбнулась, но Майя была уверена, что ей и так были известны правила.

– Так как ты это сделала? – повторила Риа.

– Просто прямо прыгнула! – объяснила Хироко и исчезла внутри купола.

Вечером, за ужином, эта история распространилась по кораблю.

– Может, тебе просто повезло, – сказал Фрэнк.

Хироко улыбнулась:

– Может, нам с тобой стоит сделать прыжков по десять и посмотреть, кто победит.

– Звучит неплохо.

– На что играем?

– На деньги, конечно.

Хироко покачала головой.

– Ты всерьез считаешь, что деньги еще имеют какое-то значение?

Несколько дней спустя Майя парила под куполом вместе с Фрэнком и Джоном, и они смотрели на Марс – теперь это был раздувшийся шар размером с десятицентовую монету.

– Многовато у нас споров в последнее время, – мимоходом заметил Джон. – Я слышал, Алекс и Мэри дошли до настоящей драки. Мишель говорит, это вполне ожидаемо, но все же...

– Наверное, у нас появилось слишком много начальников, – сказала Майя.

– Может, стоит оставить одну тебя за главную, – подтрунил над ней Фрэнк.

– Слишком много? – переспросил Джон.

– Дело не в этом, – покачал головой Фрэнк.

– Разве? Но у нас на борту много звезд.

– Потребность превосходить остальных и потребность руководить – не одно и то же. Иногда мне даже кажется, что это и вовсе противоположные понятия.

– Оставляю решение за вами, Капитан. – Джон ухмыльнулся насупившемуся Фрэнку. Майя подумала, что Джон был единственным среди них, кто не чувствовал напряжения.

– Мозгоправы предвидели такую проблему, – продолжал Фрэнк. – Для них она достаточно очевидна. Они применили гарвардский метод.

– Гарвардский метод? – повторил Джон, будто пробуя выражение на вкус.

– Давным-давно гарвардские администраторы с тревогой заметили, что, если они принимали из школ только круглых отличников, а потом ставили первокурсникам все возможные оценки, большое число студентов первого курса впадало в депрессию из-за двоек и колов и вышибало себе мозги.

– Не могли вынести, – сказал Джон.

Майя состроила недовольную гримасу.

– Должно быть, вы оба ходили в торговое училище, а?

– Как они выяснили, избежать таких неприятностей можно было, приняв определенный процент студентов, которые привыкли получать заурядные оценки, но выделялись по какому-либо другому признаку...

– Например, имели наглость подать документы в Гарвард с заурядными оценками...

– ...Привыкли находиться в конце списков и были счастливы уже оттого, что попали в Гарвард.

– Откуда ты это знаешь? – спросила Майя.

– Я был одним из них, – улыбнулся Фрэнк.

– У нас на корабле нет заурядных личностей, – сказал Джон.

Фрэнк с подозрением посмотрел на него.

– Зато у нас есть куча прекрасных ученых, которых не интересуется власть. Многие из них считают это дело скучным. Администрирование и все такое. Они рады предоставить это таким, как мы.

– Бета-самцы, – Джон подтрунивал над Фрэнком и его интересом к социобиологии. – Идеальное стадо.

Как же часто они подтрунивали друг над другом...

– Ты не прав, – заметила Майя Фрэнку.

– Может, и так. В любом случае, они – политическое образование. У них есть по меньшей мере возможность выбрать, за кем следовать, – он произнес это с таким видом, будто высказанное приводило его в уныние.

Тут наступило время смены на мостике, и Джон, попрощавшись, их покинул.

Фрэнк поплыл на сторону Майи, и она занервничала. Они никогда не обсуждали свою непродолжительную связь, и эта тема уже долго не поднималась даже косвенно. Она думала, что, если когда-нибудь придется объясняться, скажет, что изредка позволяет себе развлечься с мужчинами, которые ей нравятся. Что это было чем-то спонтанным.

Но он лишь указал ей на красную точку в небе.

– Я все думаю, зачем мы туда летим.

Майя пожала плечами. Вероятно, он хотел сказать не «мы», а «я».

– У каждого свои причины, – ответила она.

Он пристально на нее посмотрел.

– Что правда, то правда.

Она оставила тон, с которым он это сказал, без внимания.

– Может, дело в наших генах, – предположила она. – Может, они почувствовали, что на Земле что-то пошло не так. Мутации ускорились, или что-то в этом роде.

- И решили начать все сначала.
- Именно.
- Теория об эгоистичном гене. Разум – лишь инструмент, помогающий обеспечить успешную репродукцию.
- Полагаю, что так.
- Но это путешествие ставит под угрозу успешную репродукцию, – заметил Фрэнк. – Там небезопасно.
- То же можно сказать и о Земле. Загрязнение, радиация, другие люди...
- Фрэнк отрицательно покачал головой.
- Нет, не думаю, что эгоизм кроется в генах. Мне кажется, он в другом.
- Он поднял указательный палец и твердо ткнул Майю меж грудей, тем самым оттолкнувшись от нее вниз, к полу. Не сводя с нее глаз, он дотронулся до себя в том же месте.
- Спокойной ночи, Майя.

Неделю или две спустя Майя собирала капусту на ферме, передвигаясь по проходу между длинными поддонами, где ее выращивали. Она была там одна. Капуста напоминала ряды мозгов, пульсирующих от мыслей в ярком послеполуденном свете.

Она уловила какое-то движение и оторвала взгляд. В другом конце комнаты сквозь бутылку водорослей виднелось лицо. Стекло исказило его, но это явно было лицо темнокожего мужчины. Он смотрел в ее сторону, но не видел ее. Похоже, он говорил с кем-то, кого Майе не было видно. Он переместился, и лицо стало различимее, увеличившись в середине бутылки. Она поняла, почему следила за ним так внимательно, почему у нее сжалось все внутри: она никогда не видела его прежде.

Повернувшись, он встретился с ней взглядом. Они глядели друг на друга сквозь два искривленных стекла. Он был незнакомцем, с узким лицом и крупными глазами.

И он исчез в коричневом затемнении. Еще мгновение Майя колебалась, боясь преследовать его, но все же заставила себя пересечь помещение и подняться по стыковому соединению в следующий цилиндр. Там оказалось пусто. Затем она пробежала еще три цилиндра и лишь тогда остановилась. Она так и стояла, глядя на помидорные плети и тяжело дыша. Майя покрылась потом, несмотря на то что чувствовала прохладу. Незнакомец. Это невозможно. Но она видела его! Она напрягла память, стараясь вновь вспомнить его лицо. Возможно, это был... ну нет. Он не мог быть кем-то из сотни, она знала это наверняка. Способность распознавать лица – одна из ее сильнейших способностей. И он убежал, скрылся из виду.

Безбилетник! Но это же было невозможно! Где он прятался, как выживал? Как перенес радиационную бурю?

Или у нее начались галлюцинации? Неужели теперь и до этого дошло?

Майя вернулась в свою комнату, у нее разболелся живот. Коридоры тора D почему-то были темны, несмотря на яркое освещение, у нее по коже бегали мурашки. Увидев перед собой дверь, она нырнула в свою комнату, в свое убежище. Но там были лишь кровать, маленький столик, стул, туалет и несколько полок с разными вещами. Она просидела там час, затем два. Но не могла ничего предпринять, у нее не имелось ответа, не на что было отвлечься. Некуда бежать.

Майя поняла, что не может никому рассказать, что кого-то видела, и это в некотором смысле пугало сильнее, чем само происшествие, потому что подчеркивало ее беспомощность. Ее приняли бы за сумасшедшую. Что им оставалось думать? Как он мог питаться, где прятался? Нет. Слишком многие о нем бы узнали – иначе и быть не могло. Но его лицо!

Однажды ночью она увидела его во сне и проснулась в холодном поту. Галлюцинации – один из признаков космического нервного срыва, она прекрасно об этом знала. Такое случа-

лось довольно часто во время долгого пребывания на земной орбите – уже было зафиксировано более двадцати случаев. Обычно люди начинали слышать голоса в непрерывном шуме вентиляции и работающих механизмов, нередко видели напарников там, где их не было, или еще хуже – видели собственных двойников, будто пустое пространство начинало заполняться зеркалами. Считалось, что этот феномен возникал в результате дефицита сенсорных стимулов. И обстановка на «Аресе», с учетом длительного путешествия, без возможности даже посмотреть на Землю, в составе великолепного звездного (некоторые могли бы сказать: помешанного) экипажа, была потенциально опасной. Именно поэтому залы корабля оснастили таким разнообразием цветов, текстур, погодными условиями, изменяющимися изо дня в день и из сезона в сезон. И все равно она увидела нечто, чего не могло быть.

И сейчас, когда она шла по кораблю, ей казалось, будто экипаж распадается на маленькие, закрытые группы, которые редко пересекаются между собой. Команда фермеров почти все время проводила на фермах, там же на месте ела и спала (вместе, если верить слухам) среди рядов растений. У команды медиков были свои комнаты, кабинеты и лаборатории в торусе В, где они и проводили все время, увлеченные экспериментами, наблюдениями и переговорами с Землей. Команда летчиков готовилась к выходу на орбиту Марса, прогоняя по несколько симуляций в день. А остальные... разбросаны. Найти их было сложно. Когда она обходила торусы, комнаты казались ей безлюднее, чем когда-либо. Столовая в торусе D больше никогда не заполнялась до предела. И опять же, в этих обособленных группах она довольно часто стала замечать споры во время еды, которые затихали с удивительной скоростью. Частные раздоры – но по какому поводу?

Сама Майя за столом мало говорила и больше слушала. Об обществе можно сказать многое по тому, о чем в нем ведут беседы. Здесь почти всегда говорили о науке. На узко-профессиональные темы: биология, инженерное дело, геология, медицина и все такое. Обо всем этом можно разговаривать вечно.

Но когда число участников разговора уменьшалось до двух или трех, она замечала, что темы менялись. К профессиональным темам добавлялись – или полностью вытесняли их – сплетни. И сплетни эти всегда касались важнейших форм социальной динамики – секса и политики. Голоса понижались, головы склонялись, сплетни распространялись. Слухи о сексуальных связях становились более привычными, тихими, колючими и сложными. В паре случаев, например, с неудачливым треугольником из Джанет Блайлевен, Мэри Данкел и Алекса Жалина, они становились слишком гласными и расходились по всему кораблю. В других – оставались настолько скрытыми, что обсуждались шепотом и сопровождались острыми, любопытными взглядами. Так, Джанет Блайлевен входила в столовую с Роджером Калкинсом, и Фрэнк вполголоса замечал Джону, чтобы это долетело и до ушей Майи: «Джанет считает, что у нас сложилась панмиксия». Майя не обращала на это внимания, как делала всегда, когда он говорил тем презрительным тоном, но позднее заглядывала в словарь по социобиологии и выясняла, что панмиксия – это группа, в которой каждый самец спаривался с каждой самкой.

На следующий день она с любопытством смотрела на Джанет, что-то сказав о панмиксии: та и понятия не имела, о чем речь. Джанет была приветлива, склоняла голову поближе к тому, кто к ней обращался, и действительно внимала. И улыбалась своей быстрой улыбкой. Но... корабль построен таким образом, чтобы обеспечить достаточно уединенности. Несомненно, на нем происходило больше, чем кто-либо мог знать.

И среди этих тайных жизней могло и не оказаться другой тайной жизни, которую некто вел либо в одиночестве, либо при поддержке немногих, какой-нибудь мелкой группы заговорщиков.

– Ты в последнее время ничего забавного не замечала? – спросила она как-то у Нади в конце их привычного разговора за завтраком.

Та пожала плечами.

– Людям скучно. Думаю, мы уже близко к цели.

Может, в этом и было все дело.

– А ты слышала про Хироко и Аркадия? – спросила Надя.

Хироко постоянно окружали слухи. Майя находила неприятным и тревожным то, что единственная среди них азиатка подвергалась частым обсуждениям – леди-дракон, загадочный Восток... Под научной рациональной корой разума все-таки скрывалось много глубоких и мощных суеверий. Все что угодно могло случиться, все что угодно было возможным.

Даже лицо, увиденное сквозь стекло.

Она слушала с ощущением стянутости в животе, когда Саша Ефремова нагнулась к ним от соседнего столика и ответила на вопрос Нади, что Хироко собирает себе мужской гарем. Это был вздор, хотя связь между Хироко и Аркадием казалась Майе каким-то странным проявлением логики, и она сама не знала почему. Аркадий – яростный сторонник независимости от Центра управления полетами, тогда как Хироко вообще не высказывала своего мнения на этот счет. Но разве она не увела свою команду фермеров в некий мысленный торус, куда другим никогда было не попасть?

Когда Саша тихонько сообщила, что Хироко намеревается оплодотворить несколько своих яйцеклеток сперматозоидами всех мужчин на борту «Ареса» и заморозить их в криогенной камере для дальнейшего развития на Марсе, Майя сумела лишь собрать свой поднос и удалиться к посудомойкам, чувствуя некоторое головокружение. Они становились странными.

Красный полукруг вырос до размеров двадцатипятицентовой монеты, и чувство напряжения выросло вместе с ним, будто через час ожидался грозовой ливень, а воздух пропитался пылью и креозотом и был заряжен статическим электричеством. Будто бог войны в самом деле сидел на этой красной точке, поджидая их. Зеленые панели стен внутри «Ареса» теперь покрылись желтыми и коричневыми пятнами, а послеполуденный свет загустел от бледно-бронзовых паров натрия.

Люди часами наблюдали в куполе-пузыре за тем, чего никто из них, кроме Джона, прежде не видел. Спортивные тренажеры теперь использовались постоянно, симуляции проводились с новым энтузиазмом. Джанет носилась по торусам, отправляя домой видео со всеми изменениями, произошедшими в их маленьком мире. Затем бросила свои очки на стол и сложила с себя обязанности репортера.

– Знаете, я устала быть изгоем, – сказала она. – Каждый раз, когда я вхожу в комнату, все замолкают или начинают говорить подготовленные фразы. Как будто я шпионила в пользу врага!

– Ты и правда шпионила, – проговорил Аркадий и от души ее обнял.

Поначалу никто не желал брать на себя ее работу. Хьюстон присылал беспокоящие сообщения, затем замечания и, наконец, скрытые угрозы. Теперь, когда они были на подходе к Марсу, экспедиция получила больше эфирного времени на телевидении, и ситуация, как заявляли в Центре управления полетами, теперь была сравнима со взрывом сверхновой. Они напомнили колонистам, что этот всплеск популярности в конечном итоге должен принести множество выгод космической программе, что колонистам необходимо снимать и транслировать то, что у них происходит, чтобы поддержать интерес общественности к будущим миссиям на Марс, от которых они сами будут зависеть. Передавать свои истории было их долгом!

Фрэнк вышел на видеосвязь и предложил Центру состряпать репортажи из записей, которые снимают видеороботы. Хастингс, глава Центра в Хьюстоне, пришел в ярость от

такого ответа. Но, как сказал Аркадий с усмешкой, дававшей понять, что он был готов так ответить не только на эту конкретную ситуацию: «А что они нам сделают?».

Майя покачала головой. Они подавали плохой знак, показывая то, что до сих пор скрывали видеорепортажи, – что группа дробилась на соперничающие между собой компании. Это говорило о том, что Майя сама потеряла контроль над российской половиной экспедиции. Она уже хотела попросить Надю взять на себя обязанности репортера, как, к счастью для нее, Филлис и ее друзья из турса В вызвались добровольцами. Майя, смеясь над выражением лица Аркадия, согласилась на их предложение. Аркадий притворился, что ему все равно. Майя в сердцах сказала ему по-русски:

– Как видишь, ты упустил свой шанс! Шанс создавать нашу реальность!

– Не нашу реальность, Майя. Их реальность. И мне все равно, что они там себе думают.

Майя и Фрэнк начали обсуждать обязанности при посадке. До определенной степени они были predeterminedены областями специализации членов экипажа, но некоторые возможности для выбора все же были – в первую очередь, благодаря тому, что многие обладали целым набором навыков. И провокации Аркадия, наконец, возымели эффект: теперь планы Центра относительно будущих миссий считались в лучшем случае предварительными. На самом деле никто уже, похоже, не признавал власть Майи или Фрэнка, из-за чего возникло напряжение, когда стало известно, над чем работал Центр.

Предполетный план Центра предусматривал основание базовой колонии на равнинах к северу от каньона Офир, громадного северного ответвления долин Маринер. К базе приписали всю команду фермеров и большинство инженеров и медицинского персонала – всего около шестидесяти человек из ста. Остальные должны были рассредоточиться по вспомогательным миссиям и лишь время от времени возвращаться в основной лагерь. Крупнейшая из этих миссий заключалась в том, чтобы установить часть разобранного «Ареса» на Фобосе и начать превращение этой луны в космическую станцию. Еще одна небольшая миссия должна была покинуть лагерь и отправиться на север к полярной шапке, чтобы наладить там систему добычи льда и транспортировки его блоков на базу. Третьей миссии предстояло провести ряд геологических изысканий, путешествуя по всей планете, – несомненно, восхитительное задание. Все меньшие группы должны были стать полуавтономными на периоды до одного года, поэтому отбор в них был особенно серьезным – ведь все знали, насколько мог затянуться этот год.

Аркадий вместе с группой своих друзей, среди которых были Алекс, Роджер, Саманта, Эдвард, Джанет, Татьяна и Елена, вызвался работать на Фобосе. Филлис и Мэри, прослышав об этом, пришли к Майе и Фрэнку с протестом: «Они явно хотят завладеть Фобосом, и кто знает, что они там натворят!»

Майя кивнула и заметила, что Фрэнку это тоже не по душе. Но трудность состояла в том, что никто больше не хотел оставаться на Фобосе. Даже Филлис и Мэри не претендовали на то, чтобы занять места команды Аркадия, поэтому не было ясно, как им противостоять.

Еще больше споров вспыхнуло, когда Энн Клейборн показала свой список участников миссии, которой предстояло вести геологические изыскания. Многие желали этим заняться, и некоторые из тех, кто оказался вне списка, заявили, что отправятся туда независимо от того, хочет того Энн или нет.

Споры стали разгораться все чаще и все жарче. Почти каждый из присутствующих на борту объявлял о своем участии то в одной, то в другой миссии, каждый раз называя это своим окончательным решением. Майя почувствовала, что теряет контроль над всем российским контингентом, и злилась на Аркадия. На общем собрании она саркастически предложила, чтобы компьютер распределил всех по миссиям. Идея была отвергнута без всякого признания ее власти. Она развела руками:

– Что тогда будем делать?

Никто не знал.

Она посоветовалась с Фрэнком наедине.

– Давай сделаем для них вид, будто они сами принимают решение, – предложил он, улыбнувшись своей быстро исчезающей улыбкой. Она заметила, что он не сильно расстроился из-за ее неудачи на собрании. Мысли об их интрижке снова начинали преследовать ее, и она побранила себя за это. Соповещения их маленького политбюро были так опасны...

Фрэнк опросил каждого насчет пожеланий и вывел результаты на мостике, показав их первый, второй и третий выбор. Геологические изыскания были наиболее популярны, миссия на Фобосе – наименее. Это и так все знали, но вывешенные списки показали, что конфликтов меньше, чем предполагалось.

– Есть жалобы по поводу того, что Аркадий забирает себе Фобос, – произнес Фрэнк на следующем большом собрании. – Но никто, кроме него и его друзей, больше не хочет брать на себя эту работу. Все хотят спуститься на поверхность.

– Вообще-то нам полагается компенсация за тяжелые условия, – заметил Аркадий.

– Тебе ли говорить о компенсации, Аркадий? – мягко ответил Фрэнк.

Аркадий ухмыльнулся и сел обратно.

Филлис не выглядела удовлетворенной.

– Фобос станет звеном между Землей и Марсом, как и космические станции на земной орбите. Без них нельзя добраться с одной планеты на другую, это же геостратегическая точка.

– Обещаю не рушить вашу геостратегию, – заверил ее Аркадий.

– Мы все будем частью одной деревни, – рявкнул Фрэнк. – От того, что мы делаем, зависим мы все! И судя по тому, как ты себя ведешь, разлучаться время от времени будет для нас полезно. Я, например, буду только рад не видеть Аркадия несколько месяцев подряд.

Аркадий отвесил поклон:

– Фобос, мы уже в пути!

Но Филлис, Мэри и их сторонники по-прежнему были недовольны. Они провели немало времени, совещаясь с Хьюстоном, но, когда Майя входила в торус В, переговоры заканчивались и она удостоивалась подозрительных взглядов – будто только из-за того, что была русской, она автоматически примыкала к лагерю Аркадия! Майя порицала их глупость, но еще сильнее ругала Аркадия. Ведь это он все начал.

Но в конечном счете сложно сказать, что именно происходило, когда сто человек разбредлись по кораблю, который вдруг показался удивительно большим. Кружки по интересам, микрополитика – коллектив действительно дробился на части. Всего-навсего сто человек, но и этого оказалось слишком много, чтобы держаться вместе! И ни она, ни Фрэнк ничего не могли с этим поделать.

Однажды ночью ей снова приснилось лицо на ферме. Она проснулась с дрожью и уже не могла уснуть: казалось, будто все вышло из-под контроля. Они летели сквозь пустое космическое пространство в узелке из связанных между собой жестянок, и она якобы стояла в главе этого безумного судна! Что за нелепица!

Она вышла из комнаты, забралась по туннелю торуса D в центральный вал и, не вспоминая об игре в «туннелескок», залезла в купол-пузырь.

Было четыре часа утра. Купол походил на планетарий в неурочное время – тихий, пустой, и тысячи звезд, сбившихся в кучу в его черном полушарии. Марс завис прямо над головой, раздувшийся и круглый, словно каменный апельсин, подброшенный к звездам. Четыре крупнейших вулкана виднелись, будто оспины, можно было даже различить протяженные ущелья долин Маринер. Она воспарила к нему поближе, раскинув в стороны руки

и ноги и плавно вращаясь, пытаюсь постичь его, почувствовать что-то особенное в плотном интерференционном узоре своих эмоций. Когда она сморгнула, маленькие круглые слезы отделились и разлетелись среди звезд.

Дверь в купол открылась. Внутрь влетел Джон Бун, но, увидев ее, ухватился за ручку, чтобы остановиться.

– Ой, прости. Не против, если составлю компанию?

– Нет. – Майя шмыгнула носом и вытерла глаза. – Что подняло тебя в такой час?

– Я часто рано встаю. А тебя?

– Дурной сон.

– О чем?

– Не могу вспомнить, – сказала она, мысленно увидев то лицо.

Он оттолкнулся и проплыл мимо нее, к вершине купола.

– А я никогда не забываю снов.

– Совсем никогда?

– Ну, изредка. Если я просыпаюсь от чего-то как раз посреди сна и у меня есть время о нем подумать, то могу запомнить, хотя все равно ненадолго.

– Это нормально. Но если совсем не помнишь снов, это не к добру.

– Правда? И о чем это в таком случае говорит?

– Насколько я помню, о сильнейшем подавлении чувств, – она прислонилась к боковой стороне купола, оттолкнулась и остановилась в воздухе рядом с ним. – Но это может быть и фрейдизм.

– Другими словами, это что-то вроде теории флогистона¹⁹.

– Именно, – рассмеялась она.

Они рассматривали Марс, указывали друг другу на его черты. Говорили. Майя смотрела на него, когда он говорил. Кротким, довольным взглядом. Он явно не относился к ее типу мужчин. Поначалу она даже считала его веселость проявлением своего рода слабоумия. Но в ходе путешествия поняла, что дурачком он не был.

– Что думаешь обо всех этих спорах насчет того, чем мы займемся там? – спросила она, указывая на красную глыбу перед ними.

– Не знаю.

– Мне кажется, Филлис во многом права.

Он пожал плечами.

– Не думаю, что это имеет значение.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Все, что имеет значение в споре, это то, что мы думаем о тех, кто спорит. X утверждает *a*, Y утверждает *b*. Они спорят, пытаюсь доказать свою правоту с помощью ряда доводов. Но когда слушатели вспоминают их дискуссию, значение имеет лишь то, что X считает *a*, а Y считает *b*. Затем люди строят свои суждения, исходя из того, что думают о самих X и Y.

– Но мы же ученые! Мы обучены взвешивать факты.

Джон кивнул.

– Это правда. Вообще, поскольку ты мне нравишься, я признаю твою правоту.

Она рассмеялась и толкнула его. Они съехали вдоль купола, отдалившись друг от друга.

Удивленная сама себе, Майя остановилась у пола. Повернувшись, она увидела, как и Джон остановился по другую сторону купола, так же опустившись на пол. Он посмотрел на нее с улыбкой, ухватился за поручень и оттолкнулся и полетел сквозь ограниченное куполом пространство ей навстречу.

¹⁹ Опровергнутая теория о существовании флогистона – гипотетической материи, выделяемой веществами при горении.

Майя вмиг все поняла и, совершенно забыв о собственном решении избегать подобных вещей, устремилась к нему. Они налетели друг на друга, и, чтобы избежать неприятного столкновения, им пришлось сцепиться и закружиться в воздухе, будто в танце. Они вращались, взявшись за руки, медленно, по спирали, приближаясь к куполу. Это был танец, явный и понятный, – танец, в котором они могли достичь всего, чего желали! Пульс Майи подскочил, дыхание стало неровным. Вращаясь, они напрягали мышцы рук, двигаясь синхронно, медленно, как заходящее в док космическое судно. Они поцеловались.

Джон с улыбкой оттолкнулся от нее, отправив ее к самому куполу, а сам, опустившись к полу, добрался до крышки люка. И запер ее.

Майя распустила волосы и встряхнула их так, что они зависли вокруг ее головы, скрыв лицо. Она мотала головой, чтоб волосы разлетались в разные стороны, и смеялась. Но не чувствовала приближения всепоглощающей любви – она осознавала лишь предвкушение веселья и ощущение простоты... Неожиданно охваченная приливом похоти, она оттолкнулась от купола в сторону Джона. Медленно кувыркнулась, расстегивая тем временем комбинезон. Ее сердце стучало, как литавра, вся кровь прильнула к коже, тело стало покалывать, будто она, раздеваясь, таяла. Врезалась в Джона и, опрометчиво дернув за рукав, отлетела от него. Их стало носить по залу, когда они избавлялись от одежды, не рассчитывая то углы, то инерцию. Наконец они сумели мягко оттолкнуться пальцами ног и подлететь друг к другу, чтобы закружиться в объятиях, и воспарили, целуя друг друга, окруженные своей парящей одеждой.

Вскоре они встретились снова. Они не пытались сохранить свои отношения в тайне, и об их связи очень скоро стало известно общественности. Для многих из находившихся на борту такой поворот стал неожиданностью, и Майя, одним утром входя в столовую, уловила быстрый взгляд Фрэнка, сидевшего за угловым столиком. Она похолодела: это напомнило ей о каком-то другом времени, другом случае, другом взгляде на его лицо, который она не могла вспомнить.

Но большинство, казалось, было довольно этой новостью. Ведь Майя и Джон казались королевской парой, их связь олицетворяла союз между двумя группами колонии, она стала символом гармонии. И в самом деле, их связь, похоже, стала катализатором множества других, которые либо выходили из тени, либо образовывались в учащенном темпе. Влад и Урсула, Дмитрий и Елена, Рауль и Марина – новые пары появлялись повсюду, пока не дошло до того, что даже одиночки, бывшие среди них, уже начали нервно шутить по этому поводу. Но Майе казалось, что в голосах стало слышаться меньше напряжения, реже возникали споры, чаще звучал смех.

Однажды ночью, лежа в кровати и размышляя об этом (кроме того, размышляя о том, чтобы пробраться в комнату Джона), она задумалась, не поэтому ли они были вместе – не из-за любви же, ведь она по-прежнему его не любила, чувствуя, что их отношения не более чем дружеские, хоть и была заряжена страстью, сильной, но не относящейся к конкретному человеку, – что их отношения были *полезными*. Они были полезны для нее – но она ушла от этой мысли, сосредоточившись на том, какую пользу они приносили всей экспедиции. Да, это политика. Как феодальная политика или античные комедии о весне и возрождении. И она вынуждена признать: она чувствовала, что действует согласно приказаниям, превосходящим по силе ее собственные желания, выражающим желания неких более крупных сил. Возможно, желание самого Марса. Но это ощущение не было неприятным.

А идея о том, что она могла завладеть рычагом, управлявшим Аркадием, Фрэнком или Хироко... Ну, она успешно избежала таких мыслей. Это был один из талантов Майи.

Стены окрасились в желтые, красные и оранжевые цвета. Марс теперь вырос до размеров Луны, какой она видна с Земли. Пришло время собраться с силами: еще неделя – и они окажутся там.

Их распределение после высадки до сих пор вызывало некоторое напряжение. Зато Майе сейчас работалось с Фрэнком гораздо легче, чем когда-либо. Это не выглядело явным, но его не печалила их неспособность контролировать ситуацию, потому что к расколу их группу привел, в первую очередь, Аркадий – а это значило, что здесь было больше ее вины, чем его. Не раз она уходила со встречи с Фрэнком и шла к Джону, надеясь получить хоть какую-нибудь помощь. Но Джон держался в стороне от их прений и поддерживал все, что предлагал Фрэнк. Совет, который он дал Майе, оказался весьма разумным, но трудность состояла в том, что ему нравился Аркадий и не нравилась Филлис; поэтому он часто предлагал ей поддержать Аркадия, вероятно, не понимая, что тем самым она окончательно подорвала бы свой авторитет среди русских. Впрочем, ему она никогда об этом не говорила. Неважно, были они любовниками или нет, существовали темы, которые она не хотела обсуждать ни с ним, ни с кем-либо еще.

Но однажды ночью, когда они лежали у него в комнате, Майя не могла расслабиться и уснуть, беспокоясь то об одном, то о другом. Она спросила:

– Как думаешь, возможно ли, чтобы кто-нибудь втайне пробрался на корабль?

– Ну, не знаю, – удивленно отозвался он. – А почему ты спрашиваешь?

Сглотнув комок в горле, она рассказала ему о лице, которое увидела в бутылке с водорослями.

Он сел в кровати и пристально на нее посмотрел.

– Ты уверена, что это была не...

– Нет, ничего подобного.

Он потер подбородок.

– Ну... думаю, если бы ему помогал кто-нибудь из экипажа...

– Широко, – предположила Майя. – То есть не просто потому, что это Широко, а потому что это случилось на ферме и все такое. Это решило бы проблему с питанием, к тому же там есть много мест, где можно спрятаться. А во время радиации он мог укрыться вместе с животными.

– Они получили сильное облучение!

– Зато он мог использовать их резервуар для воды. Одного человека не так уж сложно где-нибудь пристроить.

У Джона эта идея до сих пор не укладывалась в голове:

– Прятаться девять месяцев!

– Корабль-то большой. Это осуществимо, да?

– Ну, полагаю, что так. Да, пожалуй, осуществимо. Только зачем?

Майя пожала плечами.

– Понятия не имею. Кто-то хотел попасть на борт, но не выдержал отбора. Кто-то, у кого был друг или друзья...

– И все же! Ведь у многих из нас были друзья, которые хотели сюда попасть. Это же не значит, что...

– Знаю, знаю.

Они говорили об этом еще час, обсуждая возможные причины, способы протащить пассажира на борт, прятать его и так далее. И Майя внезапно почувствовала, что ей стало гораздо легче и даже что она оказалась в потрясающем настроении. Джон поверил ей! Не принял ее за сумасшедшую! Она ощутила волну облегчения и счастья, протянула к нему руки:

– Как здорово поговорить с тобой об этом!

Он улыбнулся:

– Мы же друзья, Майя. Тебе стоило рассказать об этом раньше.

– Да.

Купол-пузырь стал бы прекрасным местом, чтобы наблюдать за завершением их сближения с Марсом, но они собирались начать аэродинамическое торможение, чтобы сбавить скорость, и купол пришлось закрыть тепловым щитом, который теперь был развернут. Никакого вида оттуда уже не открывалось.

Это торможение избавляло их от необходимости нести огромный объем топлива, которое потребовалось для замедления, но сама операция требовала предельной точности, а потому представляла опасность. Их сносило по дуге менее чем на миллисекунду, и за несколько дней до выхода на орбиту Марса навигационная команда начала почти ежедневно подправлять курс с помощью кратких включений двигателя, корректируя процесс сближения. Позже, подобравшись ближе, отключили вращение корабля. Возврат к невесомости, даже в турсах, привел экипаж в смятение. Внезапно Майя осознала, что это не было очередной симуляцией. Она взмыла в ветреный воздух коридора, видя все под новым странным углом, и вдруг почувствовала, что все реально.

Она спала урывками – час здесь, три там. Каждый раз, ворочаясь в своем спальном мешке, она на мгновение терялась в пространстве, снова вызывая в памяти «Новый мир». Затем вспоминала, где находится, и адреналин возвращал ее к действительности. Она преодолевала коридоры турса, отталкиваясь от стен, коричневых, золотых и бронзовых. На мостике она сверялась с Мэри, Раулем, Мариной или еще кем-то из навигаторов. Они по-прежнему двигались по курсу. Они сближались с Марсом так быстро, что казалось, будто он увеличивался на экранах прямо у них на глазах.

Им нужно было остановиться в тридцати километрах от планеты – или примерно в одной десятимилионной пройденного пути. Без проблем, сообщила Мэри, бегло взглянув на Аркадия. Теперь они вновь проходили мантру, и ни одна из тех безумных нештатных ситуаций, судя по всему, даже не думала возникнуть.

Члены экипажа, не вовлеченные в процесс навигации, задремывали все и вся, готовясь к тряскам и ударам, которых было не избежать при двух с половиной g . Некоторым пришлось выйти в открытый космос, чтобы развернуть вспомогательные тепловые щиты и совершить подобные дела. Таких дел было много, но дни все равно, казалось, тянулись слишком долго.

Это должно было случиться посреди ночи, и в тот вечер свет нигде не погас, никто не ушел спать. Все остались на местах – кое-кто выполнял свои обязанности, но большинство просто выжидало. Майя сидела в своем кресле на мостике, наблюдая за экранами и думая о том, что изображения на них выглядели точь-в-точь как во время симуляций на Байконуре. Неужели они выходили на орбиту Марса по-настоящему?

Да, по-настоящему. «Арес» пронзил тонкую атмосферу Марса на скорости 40 000 километров в час, и на какое-то время корабль сильно завибрировал, кресло Майи быстро затряслось. Раздался негромкий низкий рев, будто они летели сквозь доменную печь – и выглядело это так же: экраны горели оранжево-розовым жаром. Сжатый воздух отскакивал от тепловых щитов и сгорал рядом с внешними камерами, так что весь мостик был затоплен цветами Марса. Затем гравитация вернулась, чтобы отомстить: Майя почувствовала, как у нее сжались ребра, и она еле могла дышать, а в глазах рябило. Было больно!

Они неслись по разреженному воздуху со скоростью и относительной высотой, рассчитанными, чтобы перевести их в то, что в аэродинамике называется переходным течением, – то есть среднее состояние между свободномолекулярным и безразрывным течением. Свободномолекулярное течение было предпочтительным при самом перелете, когда воздух,

ударяясь о тепловой щит, отталкивался в стороны, и образующийся таким образом вакуум заполнялся прежде всего путем молекулярной диффузии; но они двигались слишком быстро для этого и едва избегали сильнейшего жара безразрывного течения, в котором воздух проходил через щит и корабль как часть волнового воздействия. Лучшее, что они могли сделать, – взять наивысший курс из всех возможных, который достаточно бы их замедлил, это привело бы к переходному течению, которое колебалось между свободномолекулярным и безразрывным, тем самым ставя их на тернистый путь. И здесь таилась опасность. Попади они в зону высокого давления в атмосфере Марса, где какая-нибудь чувствительная система отказала бы из-за нагрева, вибрации или перегрузки, наступил бы один из кошмаров Аркадия: их раздавило бы прямо в креслах, «отяготив» каждого весом в четыреста фунтов, – этого Аркадий не мог как следует симулировать в действительности, как мрачно подумала Майя, когда они стали особенно уязвимы – и особенно беспомощны – перед этой опасностью.

Но судьба распорядилась так, что стратосферная погода Марса была стабильной, и они по-прежнему проходили «мантру», которая на деле оказалась восьмью минутами грохота, тряски и спертого дыхания. И тем не менее Майя не могла припомнить часа, который тянулся бы так долго. Датчики показывали, что главный тепловой щит нагрелся до 600 градусов Кельвина...

А затем вибрация прекратилась. Грохот умолк. Они выскочили из атмосферы, проскользнув около четверти планеты. Затем сбросили порядка 20 000 километров в час, а температура теплового щита выросла до 710 градусов Кельвина, вплотную приблизившись к предельной. Однако метод сработал. Все успокоилось. Они снова оказались в невесомости, сдерживаемые ремнями своих кресел. Было ощущение, будто они полностью остановились и парили в совершенной тишине.

Они неуверенно отстегнулись и, словно призраки, взмыли в прохладный воздух. Слабый шум продолжал отдаваться у них в ушах, подчеркивая наступившую тишину. Они разговаривали слишком громко, пожимали друг другу руки. Майя, оторопев, не понимала, что ей говорили, – не потому что не слышала, а потому что не обращала внимания на смысл слов.

Двенадцать невесомых часов спустя новый курс привел их к периапсиде²⁰ в 35 000 километров от Марса. Там они быстро включили основной двигатель, повысив скорость примерно на сто километров в час, после чего их снова потянуло к Марсу, по эллипсу, который должен был вернуть их в предел пятисот километров от поверхности. Они вышли на орбиту Марса.

Продолжительность полета по эллиптической орбите планеты составляла один день. В следующие два месяца компьютеры должны были так управлять двигателями, чтобы постепенно придать их курсу форму окружности и перейти на орбиту Фобоса. Но группа высадки должна была спуститься задолго до этого, пока перигей²¹ находился близко.

Они свернули тепловые щиты и вышли в купол-пузырь посмотреть на открывшийся вид.

Когда они находились в перигее, Марс заполнял большую часть неба, словно они пролетели над ним на высотном воздушном судне. Теперь можно было ощутить глубину долин Маринер, как и высоту четырех крупнейших вулканов – их плоские вершины появлялись над горизонтом задолго до того, как в поле зрения попадали окрестности. Вся поверхность была усеяна кратерами. Круглые углубления имели ярко-оранжевый цвет, чуть более светлый, чем окружающая местность. Вероятно, из-за пыли. Невысокие и неровные горные хребты были темнее, их ржавый цвет перемежался с черными тенями. Но и светлые, и темные цвета лишь

²⁰ Точка орбиты, ближайшая к центру обращения небесного тела.

²¹ Точка орбиты луны, ближайшая к планете.

немного отличались от всепроникающего ржаво-оранжево-красного, в который были окрашены каждая вершина, кратер, каньон, дюна и даже неровный кусок пыльной атмосферы, видимый высоко над яркой кривизной планеты. Красный Марс! Он ошеломлял, завораживал. Этого нельзя было не ощутить.

Они проводили за работой долгие часы – и эта работа, наконец, была настоящей. Корабль предполагалось частично разобрать. Основной корпус в конечном итоге планировалось поставить на орбиту близ Фобоса как средство для аварийного возвращения. Но двадцать резервуаров с внешней стороны центрального вала нужно было отсоединить от «Ареса» и превратить в транспортные средства для высадки на поверхность планеты, которые смогли бы вместить колонистов группами по пять человек. Первый модуль предполагалось выпустить, как только он будет откреплен и подготовлен, поэтому они работали в открытом космосе посменно круглые сутки. Колонисты приходили на ужин утомленными и голодными, вели громкие разговоры; тоска от долгого пути, казалось, была забыта.

Однажды ночью Майя вплыла в ванную перед сном, ощутив напряжение в мышцах, которые не давали о себе знать несколько месяцев. Рядом с ней переговаривались Надя, Саша и Илья Зудов, и среди теплых русских разговоров она внезапно осознала, что все счастливы, – они были в конечной стадии предвкушения, которое длилось в их сердцах по полжизни, а то и с самого детства. А теперь Марс вдруг расцвел перед ними, будто нарисованный ребенком цветными карандашами, – то большой, то маленький, то снова большой, то опять маленький. Будто игрушка йо-йо, он неясно вырисовывался перед ними во всем своем громадном потенциале – *tabula rasa*, чистый лист. Чистый красный лист. Все что угодно могло случиться, все что угодно было возможным – в этом отношении в последние несколько дней они обладали совершенной свободой. Свободой от прошлого, свободой от будущего, невесомые в своем теплом воздухе, парящие, будто духи, готовые воплотиться в материальном мире... Майя увидела в зеркале кривую ухмылку в зубной пасте на своем лице и ухватилась за поручень, чтобы удержаться на месте. Она подумала, что они могут больше никогда не почувствовать такого счастья. Красота давала надежду на счастье, но не была счастьем сама по себе, и предвкушаемый мир зачастую оказывался богаче настоящего. Но кто знал, как сложится в этот раз? Возможно, в этот раз им повезет.

Она отпустила поручень, выплюнула пасту в пакет для жидких отходов и вплыла в коридор. Будь что будет, своей цели они уже достигли. И заработали хотя бы право на то, чтобы попытаться.

Демонтаж «Ареса» вызывал у них странные чувства. Как заметил Джон, это было сопоставимо с тем, чтобы разобрать город и увезти дома в разные стороны. А ведь это был единственный город, что у них остался. Под взором гигантского глаза Марса все их разногласия вновь набрали силу: сейчас стало очевидно, что у них оставалось совсем немного времени. Люди спорили и открыто, и втайне. Так много группировок, и в каждой проходили свои совещания... Что случилось с этим кратким мигом счастья? Майя винила прежде всего Аркадия, ведь это он открыл ящик Пандоры. Если бы не он и его речи, разве команда фермеров сплотилась бы так вокруг Хироко? Стала бы команда медиков проводить свои закрытые советы? Она в этом сомневалась.

Они с Фрэнком изо всех сил старались примирить спорщиков и прийти к согласию, дать им почувствовать, что они все еще были единой командой. Для этого они вели долгие беседы с Филлис и Аркадием, Энн и Саксом, Хьюстоном и Байконуром. В ходе этого отношения, развившиеся между двумя лидерами, стали еще более запутанными, чем во время их встреч в парке, хотя все было взаимосвязано: Майя теперь замечала редкие вспышки сарказма Фрэнка, раздражение из-за того, что его те события заботили больше, чем ее тогда. Но с этим уже ничего нельзя было поделать.

В итоге миссию на Фобосе отдали Аркадию и его товарищам – в первую очередь по причине того, что никто больше не хотел ее принимать. Участие в геологических изысканиях пообещали всем желающим, а Филлис, Мэри и оставшейся части «хьюстонской компании» обещали, что строительство основного лагеря проведут по планам, утвержденным Хьюстоном. Они намеревались работать на базе, чтобы самим за этим проследить.

– Ладно, ладно, – проворчал Фрэнк в заключение одного из собраний. – Мы все окажемся на *Марсе*, неужели нам действительно нужно препираться из-за того, чем мы там займемся?

– Такова жизнь, – с довольным видом ответил Аркадий. – На Марсе, не на Марсе – она-то продолжается.

Фрэнк стиснул зубы.

– Я прибыл сюда, чтобы уйти от подобных вещей!

Аркадий покачал головой:

– Да быть того не может! Это твоя жизнь, Фрэнк. Чем бы ты иначе занимался?

Однажды ночью, незадолго до посадки, они всей сотней собрались за торжественным обедом. Еда была в основном выращенная на ферме. Красное вино, припасенное для особых случаев, принесли из хранилища.

За клубничным десертом Аркадий поднял тост:

– За новый мир, который мы создадим!

Многоголосие недовольных стонов и радостных возгласов – к этому времени все понимали, что он имел в виду. Филлис, вскочив, опрокинула клубнику на стол и сказала:

– Слушай, Аркадий, это поселение – научная станция. Твои идеи здесь неуместны. Может, лет через пятьдесят – сто. Но пока здесь будут такие же станции, как в Антарктике.

– Это правда, – ответил Аркадий. – Только там станции тоже весьма политичны. Большинство из них было построено таким образом, чтобы построившим их странам было что добавить при пересмотре Договора об Антарктике. И сейчас станции подчиняются законам, установленным тем же договором, который был заключен в ходе абсолютно политического процесса! Так что ты не можешь просто прятать голову в песок и кричать: «Я ученый, я ученый!». – Он приложил ладонь ко лбу, изобразив примадонну. – Нет. Когда ты так говоришь, это значит, что ты хочешь сказать: «Я не хочу думать о сложных системах!» Но разве это достойно настоящего ученого?

– Антарктика регулируется договором, потому что там никто не живет за пределами этих научных станций, – раздраженно заметила Майя. Надо же, последний ужин, последний миг свободы – и сорван так глупо!

– Тоже правда, – ответил Аркадий. – Но подумайте о результате. В Антарктике никто не имеет права владеть землей. Никакая страна или организация не может использовать природные ресурсы материка без согласия остальных стран. Никто не может заявлять о правах на эти ресурсы, принимать или продавать права кому-либо, получая прибыль. Разве вы не видите, насколько радикально это отличается от того, как устроен остальной мир? И это последнее место на Земле, которое было урегулировано и которое имеет свой свод законов. Это говорит о том, что все правительства, сотрудничая вместе, чувствуют, что поступают честно, освобождая землю от претензий на суверенность, от какой-либо истории. Откровенно говоря, это лучшая попытка Земли создать справедливые имущественные законы! Видите? Так же следовало бы устроить остальной мир, если бы только мы сумели высвободить его из смиренной рубашки истории.

– Но, Аркадий, – беззлобно подмигнув, обратился к нему Сакс Расселл, – на Марсе и так будет действовать договор на основе антарктического. На что же ты жалуешься? По договору о космическом пространстве ни одна страна не имеет права претендовать на земли

на Марсе, проводить военные мероприятия, а все базы открыты для осмотра любой страной. Кроме того, ресурсы Марса не могут быть собственностью одной страны. ООН должна утвердить международный режим разработки месторождений. Если так пойдет и дальше, то все будет разделено между всеми нациями мира, – он поднял ладонь. – Разве то, к чему ты взываешь, уже не достигнуто?

– Это только начало, – ответил Аркадий. – Но есть некоторые вопросы, которые не прописаны в договоре. Например, то, что базы, построенные на Марсе, будут принадлежать странам, которые их построили. Согласно этому закону мы будем строить американские и российские базы. А это возвращает нас в кошмары земных законов и земной истории. Американские и российские частные компании получают право эксплуатировать Марс, откуда прибыли будут каким-то образом делиться между всеми странами, подписавшими договор. Это может означать, что они просто будут отчислять какой-то процент в ООН – по сути, обычная взятка. Я считаю, что нам не стоит ни на минуту признавать эти положения!

После этого заявления повисло молчание.

– В договоре также указано, – начала Энн Клейборн, – что мы обязаны принимать меры, чтобы не допустить нанесения ущерба окружающей среде планеты. Если я не ошибаюсь, это седьмая статья. Мне кажется, это прямо запрещает терраформирование, о котором многие из вас столько говорят.

– Я бы сказал, это положение нам также стоит игнорировать, – быстро ответил Аркадий. – От этого зависит наше собственное здоровье.

Это его высказывание оказалось более популярным, чем предыдущие, и несколько человек вслух выразили одобрение.

– Но если вы хотите пренебречь одной статьей, – указал Аркадий, – нужно пренебрегать и остальными, верно?

Повисла неловкая пауза.

– Все эти изменения неизбежны, – пожав плечами, заметил Сакс Расселл. – Пребывание на Марсе изменит нас в эволюционном плане.

Аркадий с негодованием затряс головой, отчего его немного закрутило в воздухе над столом.

– Нет, нет, нет, нет! История – это не эволюция! Это ложная аналогия! Эволюция основана на окружении и возможностях, действующих на протяжении миллионов лет. А история – на окружении и выборе, действующем в течение одной жизни, а иногда и лет, месяцев или дней! История – она как ламаркизм! То есть, если мы сделаем выбор и установим определенные законы на Марсе, значит, так и будет! А если выберем другое, то и будет *другое!* – Он обвел рукой всех присутствующих – и тех, кто сидел за столами, и тех, кто парил среди вьющихся растений. – Я хочу сказать, что мы должны сами принимать выбор, а не позволять делать его за нас людям с Земли. Они для нас давно мертвы.

– Ты хочешь устроить что-то вроде общинной утопии, – язвительно проговорила Филлис, – а это невозможно. Я думала, история России вас хоть чему-то научила на этот счет.

– Научила, – ответил Аркадий. – И теперь я пытаюсь применить то, чему она научила меня.

– Защищая какую-то беспредметную революцию? Раздувая критическую ситуацию? Всем докучая и настраивая людей друг против друга?

Многие согласно кивнули, но Аркадий отмахнулся от них:

– Я отказываюсь принимать на себя вину за все беды, случившиеся к этой минуте нашего путешествия. Я лишь сказал то, что думаю и что считаю правильным. Если это кому-то причинило неудобства, это ваши проблемы. Это все оттого, что вам не по душе мои выводы, но вы не можете их опровергнуть.

– Некоторые из нас даже не понимают, о чем ты говоришь, – воскликнула Мэри.

– Я говорю лишь одно! – сказал Аркадий, вытаращив на нее глаза. – Мы прибыли на Марс насовсем. Мы не только построим на нем дома, не только будем добывать себе еду, но даже воду и воздух – на планете, где ничего этого нет. Мы можем это сделать потому, что у нас есть технологии, позволяющие управлять материей вплоть до молекулярного уровня. Это удивительная способность, только задумайтесь! И все же некоторые из нас готовы принять полное изменение физической действительности этой планеты, не сделав ничего, чтобы изменить самих себя, свой образ жизни. Быть учеными двадцать первого века, оказаться на Марсе, но при этом жить в общественной системе девятнадцатого века, основанной на идеологиях семнадцатого. Это вздор, это безумие, это... это... – Он обхватил голову руками, подергал себя за волосы и проревел: – Это *ненаучно!* И я говорю, что среди всех тех вещей, что мы собираемся изменить на Марсе, должны быть мы сами и наша социальная действительность. Мы должны терраформировать не только Марс, но и самих себя.

Никто не отважился на это ответить. Противостоять Аркадию, который был явно в ударе, едва ли было возможно, и многих из них в самом деле задело его слова, многим требовалось время, чтобы подумать над ними. Другие были попросту раздражены, но не желали поднимать особой суматохи за этим обедом, который изначально планировался как праздничный. Куда проще, закатив глаза, пить до дна.

– За Марс! За Марс!

Но когда они начали разбредаться, покончив с десертом, Филлис была полна презрения:

– Прежде всего, мы должны выжить, – сказала она. – Если мы в таком разладе, каковы наши шансы на выживание?

Мишель Дюваль попытался успокоить ее:

– Многие из этих разногласий вызваны самим перелетом. Оказавшись на Марсе, мы сразу станем дружнее. И в нашем распоряжении гораздо больше, чем мы привезли с собой на «Аресе», – там уже есть беспилотные аппараты, грузы с оборудованием, еда, разбросанная по всей поверхности Марса и его лун. Все это припасено там для нас. Единственное, что у нас ограничено, – наша жизненная энергия. А это путешествие – часть нашей подготовки, испытание. И если мы его провалим, то на Марсе не стоит и пытаться что-то затевать.

– О чем я и говорю! – заметила Филлис. – Мы как раз его проваливаем.

Сакс встал со скучающим видом и оттолкнулся в сторону кухни. Коридор был заполнен множеством мелких обсуждений, напоминавших треск морских ракушек, причем некоторые велись в язвительных тонах. Многие явно сердились на Аркадия, тогда как другие сердились на первых за их возмущение.

Майя последовала за Саксом на кухню. Очистив свой поднос, он вздохнул.

– Люди так эмоциональны. Иногда мне кажется, что я застрял в бесконечной постановке «За закрытыми дверями»²².

– Это где люди не могли выбраться из маленькой комнаты?

Он кивнул.

– Где ад заключается в самих людях. Надеюсь, нам не придется доказывать это предположение.

Еще через несколько дней спускаемые аппараты были готовы. Их предстояло запустить в течение пяти дней, чтобы на «Аресе» осталась только команда Фобоса, которая поведет корабль чуть ли не к полной стыковке с этой луной. Аркадий, Алекс, Дмитрий, Роджер, Саманта, Эдвард, Джанет, Рауль, Марина, Татьяна и Елена попрощались со всеми, уже

²² Пьеса Жан-Поля Сартра, написанная в 1943 году.

поглощенные своими заданиями, и пообещали спуститься, как только станция на Фобосе будет построена.

Ночью перед высадкой Майя не могла уснуть. В итоге она оставила бесплодные попытки погрузиться в сон и поплыла по воздуху мимо комнат и коридоров в центральный вал. От бессонницы и адреналина казалось, будто каждый предмет резко выделялся и каждое знакомое нагромождение предметов на корабле так или иначе претерпело какое-нибудь изменение. Создавалось впечатление, будто они уже покинули «Арес». Она осмотрелась в последний раз, не испытывая никаких эмоций. Затем пробралась сквозь узкие затворы в посадочный модуль, к которому была приписана. Залезла в свой костюм, почувствовав, как это часто случалось, когда доходило до настоящего дела, будто она просто собиралась пройти очередную симуляцию. Она подумала: покинет ли ее когда-нибудь это чувство, заставит ли его уйти пребывание на Марсе? Если да, то ее полет этим себя оправдает: она хоть раз почувствует, что все происходит *по-настоящему!* Она устроилась в своем кресле.

Несколько бессонных часов спустя к ней присоединились Сакс, Влад, Надя и Энн. Ее напарники закрепили ремни и вместе провели контрольную проверку. Щелкнули переключатели, начался обратный отсчет. Загорелись ракетные двигатели. Аппарат отсоединился от «Ареса». Двигатели загорелись снова. Астронавты начали приближаться к планете. Пробыли верхний слой атмосферы, и их единственное трапецеидальное окно превратилось в яркое пятно цвета Марса. Майя, вибрируя вместе с кораблем, замороженно смотрела на приближающуюся планету. Она была напряжена и грустна, сосредоточена больше на прошлом, чем на будущем, думая обо всех, кто все еще оставался на «Аресе». Ей казалось, будто все они, прибывшие на «Аресе», потерпели неудачу и что они впятером бросили всех, ощутив смятение. Ей казалось, что они, космические путешественники, потеряли свой шанс прийти к согласию, они все провалили; миг счастья, который она ощущала, когда чистила зубы, так и остался мигмом. Теперь они отправлялись в разных направлениях, разделенные своими убеждениями, и даже после двух отдельных лет, которые они были вынуждены провести вместе, они были, равно как и любая другая группа людей, не более чем сборищем незнакомцев. Жребий был брошен.

Часть третья Испытание

Он образовался вместе с остальной частью Солнечной системы около пяти миллиардов лет назад. А это пятнадцать миллионов поколений людей. Каменные глыбы в космосе ударялись друг о друга, а потом возвращались и сцеплялись вместе – и все по воле загадочной силы, которую мы зовем гравитацией. То же загадочное отклонение от порядка вещей привело к тому, что эти груды, становясь достаточно большими, сжимались изнутри до тех пор, пока не начали плавиться, нагреваясь из-за высокого давления. Марс невелик, но тяжел благодаря своему ядру из никеля и железа. Он мал потому, что охладился изнутри быстрее, чем Земля; его ядро больше не вращается с другой скоростью под корой, и у Марса практически нет магнитного поля. Силы больше нет. Но одно из последних внутренних излияний расплавленного ядра и мантии имело форму аномально большого кома, выросшего с одной стороны; в результате образовался выступ размером с континент высотой в одиннадцать километров – в три раза выше Тибетского нагорья над его окружением. Этот выступ привел к появлению множества других объектов: системы радиальных трещин, покрывающих все полушарие, включая самую большую – долины Маринер, узор из каньонов, которые могли бы покрыть всю территорию США от побережья до побережья. Благодаря этому выступу также появился ряд вулканов, в том числе те три, которые составляют его основу, – гора Аскрийская, гора Павлина и гора Арсия, а на северо-западной его окраине – гора Олимп, самая высокая в Солнечной системе, в три раза выше Эвереста и в сто раз объемнее Мауна-Лоа, крупнейшего на Земле вулкана.

Таким образом, купол Фарсида стал важнейшим фактором в формировании поверхности Марса. Еще один значительный фактор – падение метеоритов. В нойскую эру, три-четыре миллиарда лет назад, на Марс с огромной скоростью падали миллионы метеоритов. И тысячи среди них имели планетарные размеры – это были глыбы размером с Вегу²³ или Фобос. Одно из столкновений привело к образованию бассейна Эллада, в 2000 километров в диаметре, крупнейшего видимого кратера в Солнечной системе – хотя равнина Дедалия, возможно, является остатком ударного кратера диаметром 4500 километров. Они велики, но некоторые ареологи²⁴ полагают, что все южное полушарие Марса – это древний ударный кратер.

Эти крупные столкновения привели к взрывам столь разрушительным, что их трудно даже вообразить. Изверженные при этом породы достигали Земли, Луны и превращались в троянские астероиды. Одни ареологи полагают, что купол Фарсида образовался вместе с Элладой, другие считают Фобос и Деймос изверженными породами. Камни меньших размеров падают каждый день, поэтому старейшие поверхности на Марсе испещрены кратерами и представляют собой палимпсест новых колец, покрывших более старые, где ни клочка земли не осталось нетронутым. Каждое из этих столкновений приводило к взрывам, при температуре которых плавилась камни; элементы выпадали из материнских пород и собирались в форме горячих газов, жидкостей, новых минералов. В результате этого и выхода газов из ядра образовалась атмосфера и большое количество воды – появились облака, бури, дожди и снег, ледники, ручьи, реки, озера, омывшие всю землю и оста-

²³ Автор имеет в виду не звезду в созвездии Лиры, пятую по яркости на ночном небе, а одноименный астероид, вернее всего – вымышленный.

²⁴ Ученые, занимающиеся ареологией – наукой, изучающей поверхность Марса.

вившие после себя явные следы – наводковые каналы, речные русла, береговые линии, все возможные виды гидрологических иероглифов.

Но затем все это исчезло. Планета была слишком мала, слишком далека от Солнца. Атмосфера застыла и обрушилась на поверхность. Углекислый газ поднялся, чтобы создать новую тонкую атмосферу, тогда как кислород пристал к скалам, сделав их красными. Вода замерзла, и на протяжении эпох просочилась в изломанные метеоритами скалы на многие километры. В итоге этот слой реголита оказался пропитан льдом, а самые глубокие его участки были достаточно горячими, чтобы растопить лед, – и на Марсе появились подземные моря. Вода всегда течет вниз, и этот водоносный пласт сместился вниз, постепенно просочившись, пока не отложился перед тем или иным препятствием – высоким выступом горной породы или застывшей почвы. Иногда напорные давления пробивали эти дамбы, иногда падал метеорит, иногда образовывались вулканы, отчего дамбы не выдерживали, и все подземное море выплескивалось на поверхность, создавая гигантские наводнения, в десять тысяч раз сильнее наводнения на Миссисипи²⁵. Однако вода в конце концов застывала, разлеталась под воздействием непрерывных суховеев и каждую зиму оседала на полюсах. Таким образом, полярные шапки утолщались, и лед под их весом проваливался ниже поверхности до тех пор, пока видимый лед не стал лишь верхушкой двух линзовидных залежей подземной вечномерзлой породы в оконечностях планеты, превысивших видимый объем сначала в десятки, затем в сотни раз. Тогда в направлении экватора стали заполняться новые водоносные слои, снизу, путем выхода газа из ядра. А некоторые из старых слоев заполнялись заново.

Так эти медленные циклы приблизились ко второму кругу. Но поскольку планета остывала, все это происходило все медленнее и медленнее, напоминая замедляющийся маятник. Планета приняла ту форму, которую мы видим сейчас. Но она никогда не прекращает меняться: нестихающие ветры иссекали поверхность, все сильнее измельчая пыль. Эксцентриситет орбиты Марса предполагал, что южное и северное полушария обменивались холодными и теплыми зимами через каждую 51 000 лет, с тем чтобы шапки из сухого и водного льда менялись полюсами. При каждом качании этого маятника откладывался новый слой песка, и ось падения новых дюн прорезала более старые слои под углом, пока песок вокруг полюсов не образовал точечную штриховку, геометрически напоминающую песочные картины индейцев навахо, связывающую всю верхушку планеты.

Цветные пески в их узорах, рифленые и зубчатые стены каньонов, вулканы, пронизывающие небо, рваные скалы в беспорядочном рельефе, бесконечные кратеры как кольцевидные символы зарождения планеты... Красивый, но и суровый – свободный, строгий, разбитый, безмолвный, стойкий, неподвижный. Возвышенный. Олицетворение языка сущности минеральных пород.

Породы – ни животных, ни растений, ни вирусов. Они могли появиться, но не появились. Никогда здесь не возникали из глины или серных гейзеров стихийные поколения организмов, сюда не падали споры из космоса, этих мест не касалась десница божья – что бы ни было зародителем жизни (мы-то не знаем что), на Марсе оно не действовало. Марс вращался, будто доказывая свою отчужденность от мира, свою каменную витальность.

Но в один прекрасный день...

Она твердо встала на обе ноги, без всяких сюрпризов; гравитация была знакомой после девяти месяцев, проведенных на «Аресе», а учитывая вес костюма, это мало отличалось от прогулок по Земле, какими она их запомнила. Небо – розовое с песчаными оттенками, более насыщенного и вместе с тем более нежного цвета, чем на фотографиях.

– Посмотрите на небо, – сказала Энн. – Посмотрите на небо.

²⁵ Великое наводнение на Миссисипи 1927 года, считающееся одним из самых разрушительных в истории США.

Майя болтала ни о чем, Сакс с Владом крутились на месте, будто вращающиеся статуи. Надежда Франсин Чернышевская сделала еще несколько шагов, ощутив, как ее ботинки скрипят по поверхности. Это был твердый соленый песок в пару сантиметров толщиной, и он трескался, когда на него ступали. Геологи называли его твердой коркой или калише. От следов ее ботинок расходились маленькие системы радиальных трещин.

Она немного отошла из посадочного модуля. Грунт был ржавого, темно-оранжевого цвета, покрытый ровным слоем камней такого же цвета, хотя на некоторых из них проявлялись красные, черные или желтые оттенки. На востоке стояло множество летательных аппаратов разных форм и размеров, чьи верхушки высились над горизонтом. Все они покрылись пылью такого же оранжево-красного цвета, что и грунт. Это создавало странный, волнующий вид, будто они наткнулись на какие-то давно заброшенные космические корабли. Строения Байконура тоже могли бы выглядеть так спустя миллионы лет.

Она подошла к одному из ближайших аппаратов – это был грузовой контейнер, размером с небольшой домик, на скелетообразной четвероногой ракетной установке. Судя по виду, он пробыл там не одно десятилетие. Солнце висело высоко над головой, слишком яркое, чтобы смотреть на него даже сквозь забрало скафандра. Через поляризаторы и другие фильтры оценить было сложно, но ей казалось, что дневной свет очень походил на земной, каким она его запомнила. Солнечный зимний денек.

Она снова осмотрелась, пытаясь осознать случившееся. Они стояли на мягкой, неровной равнине, покрытой мелкими острыми камнями, погрязшие в пыли. На западном горизонте выделялся невысокий холм с плоской вершиной. Это мог быть край кратера – трудно сказать наверняка. Энн уже была на полпути к нему, хотя он казался огромным. Горизонт здесь был ближе, чем можно было подумать, и Надя остановилась, чтобы посмотреть на него, надеясь, что скоро к этому приспособится и перестанет обращать внимание на подобные вещи. Но этот невероятно близкий горизонт не был похож на то, что было на Земле, – теперь она ясно это видела. Они стояли на маленькой планете.

Она попыталась припомнить земную гравитацию, удивляясь, как трудно это сделать. Как она ходила по тундре, по замерзшей зимой реке... и сейчас – шажок, еще шажок. Земля была плоской, но нужно было прокладывать себе путь между вездесущими камнями. На Земле она не знала такого места, где они были бы разбросаны так обильно и равномерно. А если прыгнуть? Она прыгнула и рассмеялась – даже вместе с костюмом она казалась легче. Она была такой же, как всегда, но весила всего тридцать килограммов! И еще костюм – сорок... хотя, конечно, он выводил ее из равновесия. Из-за него ей чудилось, будто она стала полрой. Будто центр тяжести пропал, а вес сместился к коже и мышцам. Конечно, такой эффект создавал ее костюм. В естественной среде она должна была ощущать себя так же, как на «Аресе». Но здесь в костюме она была полрой женщиной. С помощью этого образа она вдруг смогла легко передвигаться, перескакивать через валуны, кружиться, танцевать! Просто прыгать в воздухе, опускаться на плоские камни... Осторожно!

Она упала, припав на колено и уткнувшись обеими руками в грунт. Перчатки порвались, встретившись с твердой коркой. Та была похожа на слой спекшегося песка на пляже, только более твердой и хрупкой. Как застывшая грязь. А еще она была холодной! Перчатки не имели ни такого подогрева, как подошвы, ни достаточной изоляции при соприкосновении с землей. Это было как дотронуться до льда голыми пальцами, надо же! Примерно 215 градусов по Кельвину. Пальцы окоченели. Для работы им понадобятся перчатки получше – оснащенные такими же нагревательными элементами, как их подошвы. Тогда они стали бы более плотными и менее гибкими. Теперь ей нужно было вернуть пальцы в форму.

Она смеялась. Просто переходила от одного груза к другому, напевая про себя «Ройял-Гарден-Блюз». Поставила ногу на очередной груз и стерла корку красной грязи с грузового манифеста на одной из сторон крупного металлического ящика. *Марсианский бульдозер*

«Джон Дир/Вольво», 1 шт., гидразиновое питание, термическая защита, полуавтоматика, полное программное управление. Съёмные и запасные части в наличии.

Она почувствовала, как ее лицо растянулось в широкой ухмылке. Экскаваторы, погрузчики, бульдозеры, тракторы, грейдеры, самосвалы; всевозможные строительные материалы; воздухоборники для фильтрации и сбора веществ из атмосферы; другие аппараты для смешения этих веществ; целый пищеблок со всем необходимым. Это находилось в десятках ящиков, разбросанных по всей равнине. Она начала перепрыгивать от одного модуля к другому, осматривая их. Некоторые имели явные повреждения, полученные при ударе, у других отвалились их паучьи лапы, у третьих треснул корпус, а один вообще, сплюснвшись, превратился в грудку раздавленных ящиков, наполовину погребенных в пыли. Но это лишь открывало еще одну возможность – собирать и ремонтировать – как раз то, что она любила. Она рассмеялась в голос, испытывая легкое головокружение. На ее наручной консоли замигал огонек. Переключившись на общую полосу частот, она вздрогнула, когда Майя, Влад и Сакс заговорили разом:

– Где вы, Энн, Надя, девчонки, возвращайтесь сюда! Помогите нам подключиться к этому треклятому жилому отсеку, а то мы даже дверь не можем открыть!

Она рассмеялась.

Жилые отсеки были разбросаны повсюду, как и все остальное, но они высадились возле того, который, как они знали наверняка, был способен функционировать. Его спустили с орбиты всего несколько дней назад и полностью проверили. Наружный замок, к сожалению, проверить было невозможно, и теперь его заело. Надя, ухмыльнувшись, принялась с ним разбираться. Странно было видеть нечто напоминающее брошенный трейлер, запертое на такой же замок, какие стояли на космических станциях. На то, чтобы открыть его, ей понадобилась всего минута: она набрала аварийный код, одновременно рванув дверь на себя. Вероятно, замок заело из-за того, что он сжался от холода. Их ждало еще множество подобных маленьких трудностей.

Затем они с Владом вошли вовнутрь. Жилище походило на трейлер, только с новейшими кухонными приспособлениями. Повсюду был включен свет. Воздух был теплым и хорошо циркулировал. Все управлялось почти такой же панелью, как на атомной электростанции.

Пока остальные забирались за ними, Надя уже обходила ряд маленьких комнат, дверь за дверью, и ее внезапно посетило престранное чувство: будто все находилось не на своем месте. Свет был зажжен, некоторые лампы мигали, а дверь в дальнем конце коридора качалась на петлях взад-вперед.

Дело было явно в вентиляции. К тому же некоторый беспорядок мог случиться при толчке в момент примарсения отсека. Она отбросила эти мысли и вышла поприветствовать остальных.

Ко времени, когда все совершили посадку и побродили по каменистой равнине (останавливаясь, спотыкаясь, бегая, вглядываясь в горизонт, медленно вращаясь, снова прогуливаясь), когда все вошли в три функционирующих жилых отсека, сняли космические костюмы, осмотрели свои жилища, слегка перекусили и вдоволь наговорились, наступила ночь. Продолжив обустраиваться, они проболтали большую ее часть, слишком возбужденные, чтобы уснуть; многие спали урывками до самого рассвета. А потом они проснулись, оделись и снова вышли наружу, где принялись осматриваться, проверять грузовые манифесты и работоспособность машин. Когда, наконец, поняли, что проголодались, они вернулись, чтобы наскоро перекусить, – но уже снова наступила ночь!

И так прошло несколько дней – они жили в безумном водовороте времени. Надя проснулась от сигнала наручной консоли и быстро завтракала, глядя в восточное окно своего отсека. Рассвет на несколько минут окрашивал небо в насыщенные ягодные цвета, прежде чем, быстро сменив несколько розовых оттенков, принять густой оранжево-розовый дневной окрас. Стены, обычно бежевые, на рассвете тоже слегка подцвечивались оранжевым. Кухня и столовая крохотные, а четыре туалета – не более чем шкафы. Энн начинала копошиться, как только в комнате становилось светло, и шла в один из туалетов. Джон уже тихонько сидел на кухне. Здесь они жили гораздо менее уединенно, чем на «Аресе», и некоторым было трудно приспособиться к таким условиям. Майя жаловалась, что не могла уснуть, когда так людно, но вот – она спала, по-детски разинув рот. Она вставала последней, продолжая дремать под утренний шум и возню остальных жильцов.

Затем горизонт раскалывался восходящим солнцем, и Надя расправлялась со своими хлопьями и молоком – сделанным из порошка, смешанного с водой, добытой из атмосферы (вкусовой разницы не было), – после чего надевала прогулочный костюм и выходила на работу.

Эти костюмы были созданы специально для прогулок по марсианской поверхности. Не заполненные сжатым воздухом, они были изготовлены из эластичной сетки, благодаря которой тело ощущало такое же давление, как при атмосфере Земли. Это предотвращало возникновение синяков, неизбежных при минимальном воздействии на тело марсианской атмосферы, и в то же время давало больше свободы, чем герметизированный космический костюм. Прогулочники также имели весьма существенное преимущество: они были отказоустойчивыми – герметичным в них был лишь жесткий шлем, поэтому при прорыве колена или локтя можно было получить лишь сильный ушиб и обморожение кожи, а не задохнуться и умереть в считанные минуты.

Процедура надевания такого костюма была сама по себе целым физическим упражнением. Надя, извиваясь, натягивала штаны поверх длинного белья, затем надевала куртку и застегивала верх и низ на молнию. Затем втискивалась в большие термальные ботинки и соединяла их верхние кольца с концами костюма у лодыжек; натягивала перчатки, закупоривала кольца на запястьях; надевала вполне стандартный твердый скафандр и крепила его к кольцу на шее; затем натягивала на плечи дыхательный рюкзак и подсоединяла его трубки к скафандру. Несколько раз с трудом вдыхала, пробуя на вкус прохладную смесь кислорода с азотом, попадающую ей в лицо. Индикатор на запястье показывал, что все замки застегнуты, и она выходила вслед за Джоном и Самантой в шлюз. Те закрывали внутреннюю дверь, и воздух всасывался в контейнеры, после чего Джон отпирал наружную дверь. И все трое ступали на поверхность.

Выходить на эту скалистую равнину каждое утро было волнующим действием, когда солнце рисовало длинные черные тени, тянущиеся на запад, и отчетливо проявлялись многочисленные бугорки и впадинки. Ветер обычно дул с юга, и мелкие частицы перемещались над землей извилистыми потоками, так что казалось, будто скалы медленно ползали с места на место. Даже сильнейшие из этих ветров нельзя было ощутить, протянув вперед руку, но им пока не приходилось переносить ураганов – при пятистах километрах в час они наверняка что-то почувствуют. При двадцати же не чувствовали почти ничего.

Надя и Саманта подошли к одному из небольших марсоходов, который уже был распакован, и залезли внутрь. Надя повела его поперек равнины к трактору, обнаруженному накануне примерно в километре на запад. Утренняя прохлада прорывалась сквозь ромбовидный узор ее костюма, благодаря х-образному расположению нити накала в материале. Странное ощущение, но в Сибири ей не раз бывало и холоднее, поэтому она не жаловалась.

Они подъехали к большому спускаемому аппарату и выбрались наружу. Надя подняла дрель с крестообразной отверткой и начала раскручивать ящик, лежавший поверх

транспортного средства. Внутри оказался трактор «Мерседес-Бенц». Она вставила сверло в головку винта и, нажав на курок, увидела, что винт начал вращаться. Она достала его и, ухмыляясь, перешла к следующему. В юности она неисчислимо раз мерзла, пытаясь открутить оледеневшие винты заочневшими пальцами... а здесь просто *вжик* – и готово. И в самом деле в этом костюме было теплее, чем тогда в Сибири, да и просторнее – прогулочник ограничивал движения не более, чем тоненький неэластичный гидрокостюм. Повсюду со своей странной закономерностью были разбросаны красные глыбы, по радиосвязи раздавались голоса: «Эй, я тут нашел солнечные батареи!» – «Это еще что! Вот я нашел целый *ядерный реактор!*» Да, утро на Марсе выдалось что надо.

Раскладывающиеся стенки ящика образовали наклонную поверхность, чтобы трактор смог съехать со спускаемого аппарата. Они не выглядели достаточно прочными – но здесь снова приходила на помощь гравитация. Надя включила теплосистему трактора, как только сумела до нее дотянуться, и, забравшись в кабину, забивала команды в автопилоте. Она чувствовала, что лучше позволить ему спуститься по пандусу самостоятельно, а им с Самантой наблюдать за этим со стороны – на случай, если пандус из-за холода окажется более хрупким или ненадежным, чем предполагается. Она так и не привыкла к марсианскому *g* и не могла доверять конструкциям, которые были рассчитаны на такие условия. Пандус казался ей чересчур тонким.

Но трактор скатился без происшествий и остановился на земле – восьми метров в длину, ярко-синий, со спицевыми колесами, превышавшими человеческий рост. Чтобы сесть в кабину, им пришлось взобраться по короткой лестнице. Съёмный кран уже был прикреплен к передней его части, благодаря чему им было легче загрузить в него лебедку, ковш, несколько ящиков с запасными частями и, наконец, стенки упаковки. Когда они закончили, трактор выглядел перегруженным и тяжелым, как каллиопа²⁶, но благодаря *g* он легко сохранял равновесие. Сам трактор был настоящей громадиной, имел 600 лошадиных сил, широкую колесную базу и широкие колеса. Подхват гидразинового двигателя был даже хуже, чем у дизельного, но его первая передача оказалась идеальной, совершенно неумолимой. Они тронулись и медленно покатались к трейлерному парку – вот и все. Надежда Чернышевская вела «Мерседес-Бенц» по Марсу!

Затем проследовала за Самантой на сортировочный пункт, чувствуя себя королевой. И это было только утро. Потом обратно в жилище, сняв скафандр и рюкзак, там быстрый перекус в костюме и ботинках. От всей этой беготни они проголодались.

После обеда они вернулись в «Мерседес-Бенц» и с его помощью перетащили воздухо-сборник «Боинг» к востоку от жилых отсеков, где планировалось разместить все фабрики. Воздухосборники представляли собой крупные металлические цилиндры, несколько напоминающие корпуса «Боинга 737» – только у них было восемь шасси, а ракетные двигатели крепились к ним вертикально по бокам, и два реактивных двигателя возвышались над корпусом во всю его длину. Пять таких воздухо-сборников были сброшены в море около двух лет назад. С тех пор их реактивные двигатели всасывали разреженный воздух и прогоняли его сквозь ряд отдельных механизмов, чтобы расщепить его на составляющие газы. Газы сжимались и откладывались в крупных резервуарах и сейчас были пригодны к использованию. Теперь в каждом «Боинге» было по 5000 литров водного льда, 3000 литров жидкого кислорода, 3000 литров жидкого азота, 500 литров аргона и 400 литров углекислого газа.

Тащить такие громадины к крупным сборным резервуарам, расположенным возле жилищ, по завалам бута непросто, но это необходимо сделать, потому что, опустошив их в резервуары, воздухо-сборники можно использовать снова. В этот день одна группа уже это

²⁶ Паровой орган, издающий звуки с помощью локомотивных или паровых гудков.

проделала, и теперь повсюду, даже в скафандре или внутри жилого отсека, был слышен низкий гул двигателей.

Воздухосборник Нади и Саманты оказался менее послушным. Они полдня пытались протащить его на сто метров, после чего им пришлось насадить бульдозерный отвал, чтобы расчистить для него путь. Аккурат перед закатом они вернулись в жилой отсек, с замерзшими руками и усталые до изнеможения. Они разделись, оставив на себе лишь запыленное белье, и, голодные, вышли на кухню. Влад подсчитал, что каждый из них сжигал по 6000 калорий в день. Приготовив макароны, они стали жадно их уплетать, едва не обжигая свои еще не оттаявшие пальцы о подносы. Лишь покончив с едой, ушли в женскую раздевалку, где мылись, обтираясь губками, смоченными водой, а затем надели чистые куртки.

– Трудно тут не запачкаться: пыль попадает даже сквозь замки на запястьях, а молния на поясе вообще будто и не закрывалась.

– Ну да, это же пылинки размером с микрон! И запачканная одежда – еще не самое страшное, скажу я тебе. Они будут *везде* – в легких, в крови, в мозгах...

– Вот каково жить на Марсе.

Это уже стало у них устоявшимся выражением, которое применялось всякий раз, когда они сталкивались с трудностями, особенно такими, которые нельзя было преодолеть.

Случалось, что после ужина оставалась еще пара часов дневного света, и неумолимая Надя выходила погулять. Часто она проводила это время, слоняясь меж ящиков, которые они доставили на базу в тот день, и через какое-то время она, увлеченно выбирая желаемое, будто ребенок в кондитерском магазине, собрала себе целый набор инструментов. За годы работы в сибирской энергетике она научилась с уважением относиться к хорошим инструментам – тогда она жутко страдала от их нехватки. В северной Якутии все постройки стояли в вечномерзлом грунте, неравномерно оседая летом, тогда как зимой их заносило снегом. Строительные материалы завозились со всего мира: тяжелое машинное оборудование из Швеции и Швейцарии, буровые установки из Америки, реакторы из Украины, а также много старого отработанного советского хлама, иногда годного, иногда неопишимо дрянного, но всегда неподходящего – иногда даже с измерением в *дюймах*. Поэтому постоянно приходилось как-то выкручиваться, строя маслосборники из льда и веревки, сколачивая такие ядерные реакторы, что Чернобыль на их фоне казался швейцарскими часами. И каждый день они делали свою безнадежную работу инструментами, которые запросто довели бы плохого работника до слез.

Теперь она могла бродить в тусклом рубиновом свете заката, пока ее сборник старого джаза струился из стереопроеигрывателя в жилом отсеке во внутришлемные наушники, и рыться в ящиках, доставая любые инструменты, какие хотела. Она относилась к ним в комнатку, которую захватила себе на одном из складов, насвистывая в такт «Креольскому джазовому оркестру Кинга Оливера»²⁷, пополняя свою коллекцию, которая, помимо прочего, уже включала: набор универсальных гаечных ключей, несколько клещей, перфоратор, тиски, ножовки, набор гайковертов, связку морозоустойчивых канатов для крепления грузов, напильники, рубанки, набор разводных ключей, щипцы, пять молотков, несколько кровоостанавливающих зажимов, три гидродомкрата, воздуходувные мехи, наборы отверток и дрелей, переносной баллон со сжатым газом, ящик с пластиковыми бомбами икумулятивными зарядами, мерительную ленту, огромный швейцарский армейский нож, ножницы по металлу, пинцеты, скальпели, кирку, множество киянок, хомуты шланга, наборы концевых сверл, часовых отверток, увеличительных стекол, всевозможные ленты, отвесы, швейный набор, ножницы, ситечки, уровни всех размеров, острогубцы, прижимные клещи, набор метчиков и плашек, три лопаты, компрессор, генератор, инструменты для сварки и резки, руч-

²⁷ Джазовый оркестр, имевший большую популярность в США в 1920–х гг.

ную тележку... и так далее. И это было только механическое оборудование, ее плотничьи инструменты. В других частях склада они собирали средства для исследований и лабораторий, геологические инструменты и множество компьютеров, радио, телескопов и видеокамер. В складах биосферной команды хранились инструменты для работы на ферме, устройства для переработки отходов, газообменный аппарат – по сути, вся техническая база. У медицинской команды было еще больше складов, отведенных под материалы для клиники, исследовательских лабораторий и под средства генной инженерии.

– Сам знаешь, что это, – сказала Надя Саксу Расселлу как-то вечером, обводя взглядом свой склад. – Это *целый город*, раздробленный на кусочки.

– И притом хорошо развивающийся.

– Да, как университетский городок. С первоклассными кафедрами в нескольких направлениях.

– Но все же раздробленный.

– Да. Но мне это в некотором роде даже нравится.

Возвращаться в жилой отсек нужно было до заката, и она, провозившись в сумерках с замком, попала внутрь, где съела еще немного холодной еды, сидя у себя на кровати и слушая разговоры, в основном касающиеся работы, проделанной за день, и распределения заданий на следующее утро. Вообще этим должны были заниматься Фрэнк и Майя, но на деле все выходило непринужденно, от случая к случаю. Как выяснилось, это здорово удавалось Хироко, что стало неожиданностью, учитывая, какой отстраненной она была по пути сюда; но теперь, поскольку ее команде требовалась помощь со стороны, она каждый вечер проводила, переключаясь с одного человека на другого, такая целеустремленная и убедительная, что к утру у нее обычно уже была готова довольно многочисленная команда. Наде это было непонятно: им предстояло пять лет жить на обезвоженных консервах, что, в общем-то, ее устраивало: ей приходилось есть и худшую еду большую часть своей жизни, и она уделяла пище мало внимания, способная питаться, казалось, хоть сеном... или горючим, как какой-нибудь трактор. Но ферма была им необходима в том числе для выращивания бамбука – его Надя собиралась использовать как строительный материал для постоянных жилищ, к работам над которыми она надеялась вскоре приступить. Все было взаимосвязано: их задания пересекались, и выполнить одно было невозможно без другого. Поэтому, когда Хироко плюхнулась на кровать рядом с ней, она сказала:

– Да, да, в восемь буду. Только нельзя же строить постоянную ферму, пока не будет самих капитальных жилищ. Так что, по сути, это ты завтра будешь мне помогать, верно?

– Нет, нет, – смеясь, ответила Хироко. – В другой раз, ладно?

Главным конкурентом Хироко был Сакс Расселл со своей командой, работавший над налаживанием всего производства на фабриках. Влад, Урсула и группа биомедиков также жаждали начать работу в своих лабораториях. Казалось, эти три команды готовы жить в трейлерном парке неопределенное время, пока не запустятся все их проекты, но, к счастью, было достаточно и тех, кто не столь одержим работой, – такие, как Майя, Джон и остальные космонавты, заинтересованные в том, чтобы как можно скорее переселиться в более крупные и защищенные дома. И помощи в своем проекте Надя ждала именно от них.

Покончив с едой, она отнесла поднос на кухню и вымыла его ежичком, после чего под села к Энн Клейборн, Саймону Фрейзеру и остальным геологам. Энн клонило в сон – по утрам она много разъезжала на марсоходах и ходила пешком, а потом полдня работала на базе, пытаясь наверстать упущенное за время своих прогулок. Наде она казалась странно напряженной, не настолько довольной своим пребыванием на Марсе, как можно было ожидать. Она отказалась работать и на фабриках, и с Хироко, и обычно помогала Наде, которая, преследуя цель лишь построить жилища, можно сказать, меньше, чем другие команды, собиралась воздействовать на планету. Может, дело было в этом, может, нет – Энн не говорила.

Она была непроницаемой, переменчивой – не в причудливой русской манере, как Майя, но в более утонченной и, как считала Надя, более мрачной. Вроде Бесси Смит²⁸.

Остальные мылись после ужина и болтали, просматривали манифесты и болтали, окружали компьютерные терминалы и болтали, стирали одежду и болтали до тех пор, пока большинство не растягивалось в кроватях, и тихонько продолжали болтать, пока не засыпали.

– Это как первая секунда существования вселенной, – сказал Сакс Расселл, устало потерев лицо. – Все забито битком и нет никакого разделения. Просто кучка мечущихся горячих частиц.

И это был только один день, и таким был каждый из их череды – день, за ним еще день и еще. Погода нельзя сказать чтобы менялась, если не считать появляющихся временами облаков или особенно ветреных вечеров. В целом дни были довольно однообразны. Выполнение каждой задачи отнимало больше времени, чем предполагалось изначально. Даже надеть прогулочник и выбраться из жилища – изнурительный труд. А затем следовало прогреть оборудование – и даже несмотря на то, что оно собрано по международным стандартам, нельзя было избежать кое-каких несоответствий размеров и функций. Доставляла проблем и пыль – она оказалась вездесущей, всепроникающей. («Не называй это пылью! – жаловалась Энн. – Ты же не называешь пылью, например, гравий! Это частицы, называй их частицами!») Любой физический труд на пронизывающем холоде был изнуряющ, из-за чего они продвигались медленнее, чем ожидали, и часто получали мелкие повреждения. И, наконец, перед ними возникало удивительное количество безотлагательных дел, о которых они не подозревали. Так, им понадобился месяц (они рассчитывали на десять дней) на то, чтобы распаковать все грузы, проверить содержимое и перенести их на склады – только после этого можно было перейти к непосредственной работе.

Теперь они могли начать строиться. Здесь Надя попала в свою стихию. Ей нечем было заняться на «Аресе» – полет прошел для нее, как зимняя спячка. Но строительство было ее первейшим талантом, природой ее гения, доведенным до совершенства в тяжелых сибирских условиях. Очень скоро она стала в колонии главным мастером по ремонту, или универсальным растворителем, как прозвал ее Джон. Чуть ли не каждое дело требовало ее участия, и она, непрестанно бегая и раздавая советы, превратилась в своего рода непреходящее провидение. Столько дел! Столько дел! Широко на каждом ночном обсуждении планов прибегала к ухищрениям, и вот уже вырастала ферма: три параллельных ряда теплиц, напоминавших промышленные теплицы на Земле – только не такие крупные и с очень тонкими стенками, которые должны были не дать сооружениям взорваться, как связке воздушных шаров. Даже малое внутреннее давление в 300 миллибар, которого еле-еле хватало для фермы, было огромным в сравнении с наружным – поэтому, пропусти строители уязвимый участок, случился бы взрыв. Но Надя была мастером по герметизации на холоде, и Широко, впадая в панику, звала ее чуть ли не каждый день.

Затем материаловедам понадобилась помощь в запуске их фабрик, а бригаде, собирающей ядерный реактор, требовался контроль за каждым движением: они столбенели от страха, боясь сделать что-нибудь не так. Не придавал им бодрости и Аркадий, который отправлял с Фобоса радиосообщения, настаивая на том, что им не нужна столь опасная технология, что всю необходимую энергию можно добывать с помощью ветрогенераторов. Когда он схлестнулся с Филлис в споре на эту тему, Широко отключила его, произнеся японскую поговорку: «Шиката га най», что значит: «Нет иного выбора». Ветряные мельницы, может, и генерировали бы достаточно энергии, но ветряных мельниц не имелось в наличии, зато им прислали

²⁸ Бесси Смит (1894–1937) – американская певица, популярная в 1920–30-х гг. и получившая прозвище Императрица блюза.

ядерный реактор РикOVERA, построенный Военно-морскими силами США и бывший прекрасным творением. К тому же никому не хотелось углубляться в систему ветряной энергетики, когда они и без того работали в большой спешке. *Шиката га най*. Эту фразу они произносили очень часто.

И каждое утро участники строительной бригады Чернобыля (название, разумеется, придумал Аркадий) умоляли Надю присмотреть за ними. Они были изгнаны далеко на восток от поселения, и если уж к ним ехать, то лучше бы на целый день. Но и команда медиков просила ее помочь в строительстве клиники и нескольких лабораторий внутри нее – из ненужных ящиков, которые они превратили в убежища. И вместо того чтобы оставаться на Чернобыле, она возвращалась в середине дня, чтобы поесть, а затем отправлялась к медикам. Каждую ночь отключалась в полном изнеможении.

Иногда по вечерам, прежде чем отправиться спать, она подолгу разговаривала с Аркадием, звонившим с Фобоса. Его команда испытывала проблемы с микрогравитацией луны, и ему тоже был нужен ее совет.

– Вот получить бы нам такое *g*, при котором можно было бы и жить, и спать! – говорил Аркадий.

– Постройте рельсы кольцом вокруг поверхности, – предложила Надя, засыпая. – Из одного отсека «Ареса» сделайте поезд и возите его по рельсам. Забирайтесь внутрь и возите его с такой скоростью, чтобы получить нормальное *g* относительно обшивки поезда.

Аркадий замер, а затем разразился диким гоготом:

– Надежда Франсин, я люблю тебя, я люблю тебя!

– Ты любишь гравитацию.

Из-за всех этих консультаций строительство постоянных жилищ шло довольно медленно. Наде удавалось всего раз в неделю забираться в открытую кабину «мерседеса» и громыхать по разрыхленной земле траншеи, которую она уже начала рыть. Теперь та достигала десяти метров в ширину, пятидесяти в длину и четырех в глубину – именно такая глубина была необходима. Дно траншеи ничем не отличалось от поверхности планеты – глина, мелкие частицы, камни всех размеров. Реголит. Пока она работала на бульдозере, геологи запрыгивали и выпрыгивали из траншеи, собирая образцы и все разглядывая, – даже Энн, которая была против того, что они бороздили планету. Ни один геолог из когда-либо появившихся на свет не мог удержаться в стороне от вскрытого грунта. Работая, Надя слушала их переговоры по радиосвязи. Они пришли к выводу, что реголит, судя по всему, был одинаков на любой глубине – и хорошего в этом мало, поскольку Надя не назвала бы реголит прочным грунтом. Зато содержание воды оказалось низким – менее десятой процента, – это означало, что они не провалятся вниз, как в одном из незабываемых кошмаров Нади, случившихся во время стройки в Сибири.

Покончив с выемкой реголита, она собиралась устроить фундамент из портланд-цемента – лучшего материала из тех, чем они располагали. Он разошелся бы трещинами, залей они его менее чем двухметровым слоем – но «шиката га най». Толщина обеспечивала некоторую изоляцию. Однако бетон еще нужно было прогреть до полной выдержки – а при —13 по Цельсию для этого требовались нагревательные элементы... Все тянулось очень, очень медленно.

Она повела бульдозер вперед, чтобы удлинить траншею, и тот резко рванулся, укусив землю. Затем, навалившись своим весом, уперся в реголит, прорезая себе путь.

– Ну и боров, – нежно заметила Надя.

– Надя влюбилась в бульдозер, – отозвалась Майя по радиосвязи.

«Я по крайней мере знаю, кого люблю», – подумала Надя. На прошлой неделе она провела слишком много вечеров на складе инструментов с Майей, слушая ее болтовню о проблемах с Джоном, о том, как во многом ей было лучше с Фрэнком, как она не могла

разобраться в своих чувствах, как ей казалось, что Фрэнк ее ненавидит, и так далее и тому подобное. Надя, чистя инструменты, лишь поддакивала, стараясь скрыть отсутствие интереса к разговору. На самом же деле она устала от проблем Майи и, скорее, предпочла бы поговорить о стройматериалах, чем о чем-либо другом.

Ее работу на бульдозере прервал звонок команды из Чернобыля.

– Надя, а что нам сделать, чтобы цемент застыл на таком холоде?

– Нагрейте его.

– Мы уже.

– Нагрейте еще.

– Ох!

Они там почти закончили, посчитала Надя. Компоненты реактора РикOVERA уже практически собраны, оставалось лишь соединить их, вставив в стальной колпак реактора, наполнить трубы водой (после чего их запасы сократились бы почти до нуля), подключить все это, обложить мешками с грунтом и потянуть ручку управления. Тогда у них сразу появлялось 300 киловатт, что положило бы конец их ночным спорам о том, кому на следующий день достанется большая часть мощности генератора.

Затем позвонил Сакс. У них засорился один из процессоров Сабатье, и им не удавалось его извлечь. Надя оставила работу в траншее Джону и Майе, а сама взяла марсоход и направилась в производственный комплекс.

– Поеду провести алхимиков, – известила она.

Когда она приехала и подошла к процессорам, Сакс встретил ее словами:

– Ты когда-нибудь замечала, как здешняя техника отражает особенности отраслей, в которых она собрана? Если ее построили автопроизводители, она маломощная, но надежная. Если это аэрокосмическая промышленность, то она чересчур мощная, но ломается по два раза в день.

– А у того, что сделали в международном сотрудничестве, отвратительный дизайн.

– Точно.

– А химическое оборудование слишком привередливое, – добавил Спенсер Джексон.

– Не то слово! Особенно в этой пыли.

Для производственного комплекса воздухосборники были только началом. Их газы поступали в большие кубические трейлеры, и там сжимались, расширялись, распадались и собирались вновь посредством таких химических технологий, как: обезвоживание, сжижение, фракционная перегонка, электролиз, электросинтез, процесс Сабатье, процесс Рашига, процесс Освальда... Постепенно они получали все более и более сложные вещества, которые кочевали с одной фабрики на другую, минуя целый лабиринт подразделений, похожих на передвижные дома, попавшие в паутину разноцветных резервуаров, труб и проводов.

Сейчас любимым продуктом Спенсера был магний, в котором недостатка не ощущалось: по его словам, они добывали его по двадцать пять килограмм в каждом кубометре реголита и он был таким легким, что крупная магниевая болванка при марсианской «жэ» по ощущениям казалась кусочком пластика.

– В чистом виде он слишком хрупок, – объяснил Спенсер, – но, если сделать сплав, мы получим *чрезвычайно* легкий и крепкий металл.

– Марсианская сталь, – сказала Надя.

– Лучше!

Настоящая алхимия – только с привередливым оборудованием. Надя разобралась с Сабатье, а затем принялась чинить вакуумный насос. Роль насосов в работе производственного комплекса была достойна изумления – иногда фабрики казались просто безумным скоплением насосов, которые по своей природе постоянно засорялись частицами и выходили из строя.

Через два часа процессор Сабатье уже работал. На обратном пути в парк трейлеров Надя заглянула в первую теплицу. Старые растения расцвели, а недавно засеянные уже начали проглядывать из новой черной почвы. Приятно было видеть сверкающую зелень в этом красном мире. Бамбук, как ей сказали, прибавлял по несколько сантиметров в день и уже вымахал метров на пять вверх. Но нетрудно заметить, что ему не хватает почвы. Алхимики с помощью азота из «Боингов» синтезировали аммиачные удобрения, и это было крайне необходимо для Хироко, поскольку реголит был настоящим кошмаром для земледельцев – слишком соленый, взрывающийся от перекисей, чрезвычайно аридный и совершенно лишенный биомассы. Им приходилось создавать почву так же, как они создавали магниевые болванки.

Надя зашла в жилой отсек в парке трейлеров, чтобы стоя перекусить. Затем отправилась на место строительства постоянного жилища. За время ее отсутствия дно траншеи было почти выровнено. Встав на край ямы, она заглянула вниз. Они собирались строить по проекту, который очень ей нравился и который она уже воплощала в Антарктике и на «Аресе». Это был простой ряд квартир, в форме цилиндрических сводов и соединенных смежными стенами. Их предстояло разместить в траншее наполовину скрытыми под землей, после чего обнести мешками с реголитом высотой в десять метров для защиты от радиации, а также для создания давления в 450 миллибар – чтобы не случился взрыв. Портланд-цемент и кирпичи в отдельных местах покрывал пластик, обеспечивающий непроницаемость шва.

К сожалению, у производителей кирпича не все складывалось как надо, и они позволили Наде. Чувствуя, что терпение подходит к концу, она тяжело вздохнула:

– Мы проделали весь путь до Марса, а вы не можете сделать кирпичи?

– Дело не в том, что мы не можем, – ответил Джин. – А в том, что они просто мне не нравятся.

На кирпичной фабрике смешивали глину с серой, добываемой из реголита, и эта смесь заливалась в кирпичные формы, после чего обжигалась до тех пор, пока сера не начинала полимеризоваться. Затем кирпичи охлаждались и слегка сдавливались с помощью другого оборудования. Получавшиеся в итоге темно-красные кирпичи по прочности на растяжение были пригодны для использования в строительстве цилиндрических сводов, но Джин не был доволен.

– Я просто не хочу рассчитывать тяжелую крышу над нашими головами при минимальных значениях, – сказал он. – Что, если мы положим сверху слишком много мешков или случится небольшое марсотрясение? Не нравится мне это все.

Немного подумав, Надя ответила:

– Добавьте нейлон.

– Что?

– Найдите парашюты от сброшенных грузов, мелко-мелко порежьте и добавьте в смесь. Это увеличит предел прочности.

– В самом деле, – помолчав, согласился Джин. – Хорошая мысль! Как думаешь, парашюты еще можно найти?

– Они должны быть где-то на востоке.

Так они, наконец, нашли для геологов работу, которая оказалась действительно полезной для строительства. Энн, Саймон, Филлис, Саша и Игорь ездили на дальнепробежных марсоходах за горизонт к востоку от базы, далеко за Чернобыль, где искали и проводили наблюдения. Через неделю они нашли почти сорок парашютов, в каждом из которых было по несколько сотен килограммов полезного нейлона.

Однажды, достигнув цепочки Ганга, ряда карстовых воронок в ста километрах на северо-восток, они вернулись возбужденными.

– Так странно, – поделился Игорь. – Их не видно до последнего момента, а потом они появляются, как огромные воронки, по десять километров в диаметре и два в глубину, всего восемь-девять в ряд, и каждая меньше предыдущей по размеру и по глубине. Фантастика! Вероятно, это термокарстовые образования, но они такие крупные, что в это трудно поверить.

– После этого близкого горизонта даже приятно видеть на такое расстояние, – заметила Саша.

– Да, это термокарст, – заключила Энн.

Но, попытавшись его пробурить, воды они не нашли. Это уже явилось поводом для беспокойства: как глубоко они ни бурили, никакой воды в земле не обнаруживалось. Это вынуждало их полагаться лишь на те запасы, которые они получали из воздухохраников.

Надя пожалала плечами. Воздухохраники достаточно надежны. Ей больше хотелось думать о своих сводах. Они уже наладили выпуск новых, улучшенных кирпичей, и роботы начали возводить стены и крыши. Кирпичную фабрику заполнили маленькие роботы-автомобили, которые, словно игрушечные марсоходы, катились по равнинам на стройку, к кранам. Те поднимали кирпичи один за другим и выкладывали их на холодном растворе, размазанном другими роботами. Система работала так слаженно, что весь процесс упирался лишь в производство кирпичей. Надя была бы довольна, если бы действительно верила в роботов. Казалось, все шло нормально, но ее опыт их использования на «Новом мире» не позволял ей быть спокойной. Они работали великолепно, когда все складывалось идеально, но ничто никогда не складывалось идеально, и было трудно прописывать им алгоритмы выбора решений: роботы либо становились такими осторожными, что замерзали каждую минуту, либо такими неуправляемыми, что могли совершать невероятно бестолковые действия, повторяя ошибку тысячу раз и усугубляя мелкий промах до огромного отклонения, как Майя в своей личной жизни. Роботы выдают лишь то, что запрограммировано, даже лучшие из них – безмозглые идиоты.

Однажды вечером Майя влетела к ней на склад с инструментами и попросила переключиться на их личную частоту.

– От Мишеля никакого толку, – пожаловалась она. – Мне сейчас по-настоящему тяжело, а он просто смотрит на меня, как будто хочет облизать мою кожу. Ты единственная, кому я доверяю, Надя. Вчера я сказала Фрэнку: думаю, что Джон пытается подорвать его авторитет перед Хьюстоном. Но предупредила: он никому не должен говорить, что я так думаю. А на следующий день Джон спросил меня, почему я подумала, что его так волнует Фрэнк. Нет никого, кто мог бы просто меня выслушать и никому потом не рассказывать!

Надя кивнула, закатив глаза. А затем наконец сказала:

– Прости, Майя, но мне нужно переговорить с Хироко насчет протечки, которую они не могут найти.

Она стукнулась забралом о скафандр Майи – символ поцелуя в щеку – и, переключившись на общую частоту, отсоединилась. Хватит значит хватит. Общаться с Хироко было бесконечно интереснее – реальный разговор о реальных проблемах в реальном мире. Хироко обращалась к Наде с вопросами почти каждый день, и Наде это нравилось, потому что Хироко была гениальна и после высадки явно повысила свое мнение о ее способностях. Взаимное профессиональное уважение – прекрасный повод для дружбы. И как приятно говорить исключительно о делах! Герметичная заделка, замыкающие механизмы, теплотехника, поляризация стекла, интерфейс между человеком и фермой (Хироко всегда забегала на несколько шагов вперед). Эти разговоры становились огромным облегчением после эмоциональных перешептываний с Майей, нескончаемых бесед о том, кому Майя нравилась, а кому нет, о том, что она по этому поводу чувствовала, о том, кто тронул ее чувства в тот день...

Бах! Хироко никогда не вела себя так странно, не считая случаев, когда говорила о чем-то непонятном. Например, Надя не знала, как относиться к высказываниям типа: «Марс сам скажет нам, чего хочет, и мы будем вынуждены это делать». Что можно было на такое ответить? Но Хироко просто улыбалась своей широкой улыбкой и смеялась, когда Надя пожимала плечами.

Ночью разговоры продолжались тут и там – страстные, увлеченные, раскованные. Дмитрий и Саманта были уверены, что им скоро удастся ввести в реголит генетически модифицированные микроорганизмы, которые будут способны там выжить, но для этого нужно было еще получить согласие ООН. Саму Надю эта мысль встревожила: она-то считала химическую инженерию сравнительно простой, как производство кирпичей, но не такой опасной, как создание жизни, о котором говорила Саманта. Хотя алхимики тоже создавали удивительные вещи. Почти каждый день они приносили в трейлерный парк образцы новых материалов – серную кислоту, цемент Сореля для строительства квартир, аммиачно-нитратные взрывчатые вещества, топливо для марсоходов на основе цианимида кальция, полисульфидную резину, кремниевые сверхкислоты, эмульгированные агенты, набор пробирок с микропримесями, извлеченными из солей и, самое свежее, прозрачное стекло. Последнее было большим успехом, так как при прежних попытках стекло все время получалось черным. Но извлечение силикатного сырья из их железного носителя принесло плоды, и вот в одну из ночей они сидели в трейлере, передавая из рук в руки маленькие волнистые листы стекла, полного пузырей и неровностей, будто оно было изготовлено в семнадцатом веке.

Когда они зарыли и загерметизировали первый отсек, Надя вошла внутрь без скафандра и принялась. Давление здесь повысили до 450 миллибар – как в скафандрах и в трейлерах, – наполнили помещение смесью кислорода, азота и аргона и нагрели до 15 градусов по Цельсию. Ощущения были прекрасными.

Отсек был разделен на два этажа полом из бамбуковых стволов, вставленных в пазы в кирпичной стене на высоте двух с половиной метров. Разбитые на сегменты цилиндры создавали милый зеленый потолок, освещенный неоновыми лампами, свисавшими под ним. Возле одной из стен находилась магниевая-бамбуковая лестница, ведущая на верхний этаж. Надя забралась по ней и осмотрелась. Ряд разрезанных пополам стволов бамбука служил достаточно ровным зеленым полом. Потолок был кирпичный, сводчатый и низкий. Наверху они собирались расположить спальни и ванную, а внизу – гостиную и кухню. Майя и Саймон уже завесили стены нейлоном из парашютов, которые им удалось спасти. Окон не было: единственный свет давали неоновые лампы. Наде это не нравилось, и в более крупных жилищах, которые она уже задумала, окна планировалось разместить почти в каждом помещении. Но всему свое время. Пока эти беззаконные отсеки были лучшим, что они могли построить. И значительным шагом вперед по сравнению с парком трейлеров.

Спустившись по лестнице, она провела пальцами по кирпичам и швам между ними. Они были шероховатыми, но теплыми на ощупь – их грели термоэлементы, располагавшиеся позади них. Такие же элементы находились и под полом. Сняв туфли и носки, она насладилась теплом грубых кирпичей под ногами. Это была чудесная комната, и было приятно думать, что они, проделав весь путь на Марс, построили эти дома из кирпича и бамбука. Она вспомнила своды руин, которые давным-давно видела на Крите, в местечке под названием Аптера – подземные римские цистерны, захороненные на склоне горы, имеющие форму цилиндрических сводов и сложенные из кирпича. Они почти такого же размера, как эти жилища. Точное их назначение неизвестно – некоторые говорили, в них хранилось оливковое масло, но они невероятно велики для этой цели. Эти хранилища оставались невредимыми на протяжении двух тысяч лет после строительства, причем в сейсмическом районе. Снова надев туфли, Надя ухмыльнулась: через две тысячи лет и их потомки могли войти

в эту комнату – несомненно, она к тому времени уже станет музеем, если еще будет существовать, – ведь это первое человеческое жилище, построенное на Марсе! И именно она построила его. Вдруг она ощутила на себе этот взгляд из будущего и содрогнулась. Они были как кроманьонцы, живущие в пещере, – кроманьонцы, чью жизнь вдоль и поперек изучали археологи следующих поколений. Такие люди, как она, вызывали бы любопытство и недоумение – их никогда не смогли бы до конца понять.

Прошло еще время, еще больше работы осталось позади. Для Нади дни проплывали словно в тумане – она постоянно была чем-то занята. Внутренняя отделка сводчатых отсеков представляла определенную сложность, и роботы не могли особо помочь с прокладкой водопроводных труб, отопления, устройством газообмена, установкой замков и кухонной техники. Сотрудники Нади располагали всеми необходимыми инструментами и принадлежностями, и они могли работать лишь в штанах и рубашках, но все равно это отнимало массу времени. И работа так и шла день за днем.

Однажды вечером, перед самым закатом, Надя тащила по рыхлому грунту в сторону парка трейлеров, голодная, измотанная, совершенно расслабленная и спокойная – но даже на исходе дня терять бдительность было нельзя. Она легкомысленно прорвала сантиметровую дырку на перчатке – пусть вечер и не был особенно холодным, всего минус 50 градусов по Цельсию, что было ничем в сравнении с иными зимними днями в Сибири, но из-за низкого давления воздуха мгновенно появился кровоподтек, который тут же начал замерзать – и из-за этого он уменьшался в размерах, но теперь, несомненно, ему дольше придется заживать. Как бы то ни было, следовало вести себя осмотрительно, но в мышцах, утомленных за день, проведенный на стройке, ощущалось что-то приятно легкое. Ржавые лучи низкого солнца косо спускались на каменистую равнину, и она неожиданно для себя осознала, что счастлива. В этот момент позвонил Аркадий с Фобоса, и она весело с ним поздоровалась:

– Я чувствую себя прямо как Луи Армстронг в 1947–м.

– Почему в 47–м? – спросил тот.

– Ну, в том году у него был самый счастливый голос. Большую часть жизни он был резковат по сравнению с 47–м годом, хоть и все равно прекрасен. Но в 47–м он был особенно прекрасен, потому что излучал радость, которую не услышишь ни до, ни после.

– То есть для него это был хороший год, как я понимаю?

– О да! Восхитительный год! После двадцати лет в ужасных больших оркестрах он вернулся в маленькую группу, такую же, как «Горячая пятерка», группа, которую он возглавлял в молодости. И вот все здесь – старые песни и даже несколько старых лиц, – к тому же все стало лучше, чем в первый раз, ну там, технологии записи, гонорары, публика, группа, он сам... Наверное, он чувствовал, будто окунулся в источник молодости.

– Тебе придется прислать мне пару записей, – сказал Аркадий, а затем попытался пропеть: – Я могу предложить тебе лишь любовь, милая!²⁹ – Фобос уже почти поднялся над горизонтом, и он звонил, чтобы поздороваться. – Так вот какой он, твой 1947–й, – сказал он, прежде чем отключиться.

Надя отложила инструменты, чтобы запеть свободнее. И она поняла, что Аркадий был прав: с ней произошло нечто похожее на то, что произошло с Армстронгом в 1947 году. Молодые годы в Сибири, несмотря на тяжелые условия, были самым счастливым временем в ее жизни, это так. Но затем она вынесла двадцать лет больших оркестров – космонавтики, бюрократии, симуляций, затворнической жизни. И все ради того, чтобы попасть сюда. А теперь она вдруг вновь оказалась на воле – строила здания своими руками, управляла тяже-

²⁹ «I Can't Give You Anything but Love, Baby» – популярная джазовая песня Джимми Макхью и Дороти Филдс, записанная Луи Армстронгом в 1929 году.

лыми машинами, решала сотни проблем в день. Точно как в Сибири, только лучше. Точно как возвращение Сачмо!³⁰

Затем к ней подошла Хироко.

– Надя, у меня разводной ключ наглухо замерз и не двигается.

Вместо ответа она пропела:

– Вот о чем я все время думаю... малышка!

И, взяв у нее ключ, стукнула им о стол, будто это был молоток, и прокрутила винт, чтобы показать Хироко, что он теперь мог двигаться, и усмехнулась выражению ее лица.

– Инженерное решение, – пояснила она и, напевая, удалилась, думая о том, какая же Хироко смешная – держала в голове целую экосистему, но не могла ровно прибить гвоздь.

А той ночью она переговорила сначала о текущей работе с Саксом, потом со Спенсером о стекле. И в середине разговора рухнула на свою койку, уткнувшись головой в подушку, ощущая вокруг себя настоящую роскошь. Во сне ее преследовал восхитительный последний куплет «Не хулиганю»³¹.

Но с течением времени все меняется; ничто не живет вечно – ни камни, ни счастье.

– Ты в курсе, что уже эл-эс сто семьдесят? – спросила однажды ночью Филлис. – Мы же примарсилились в эл-эс семь, да?

Это означало, что они пробыли на Марсе уже половину марсианского года. Филлис пользовалась календарем, разработанным астрономами, тогда как среди колонистов более популярной была земная система. Марсианский год длился 668,6 местных дней, и для того чтобы сказать, в какой части этого длинного года они находились, нужен был календарь солнечных долгот (L_s). Согласно этой системе линия между Солнцем и Марсом в ее северновесеннем равноденствии устанавливалась на 0^0 , а год делился на 360 градусов. Тогда $L_s = 0^0 - 90^0$ была северной весной, $90^0 - 180^0$ – северным летом, $180^0 - 270^0$ – осенью, а $270^0 - 360^0$ (или снова 0^0) – зимой.

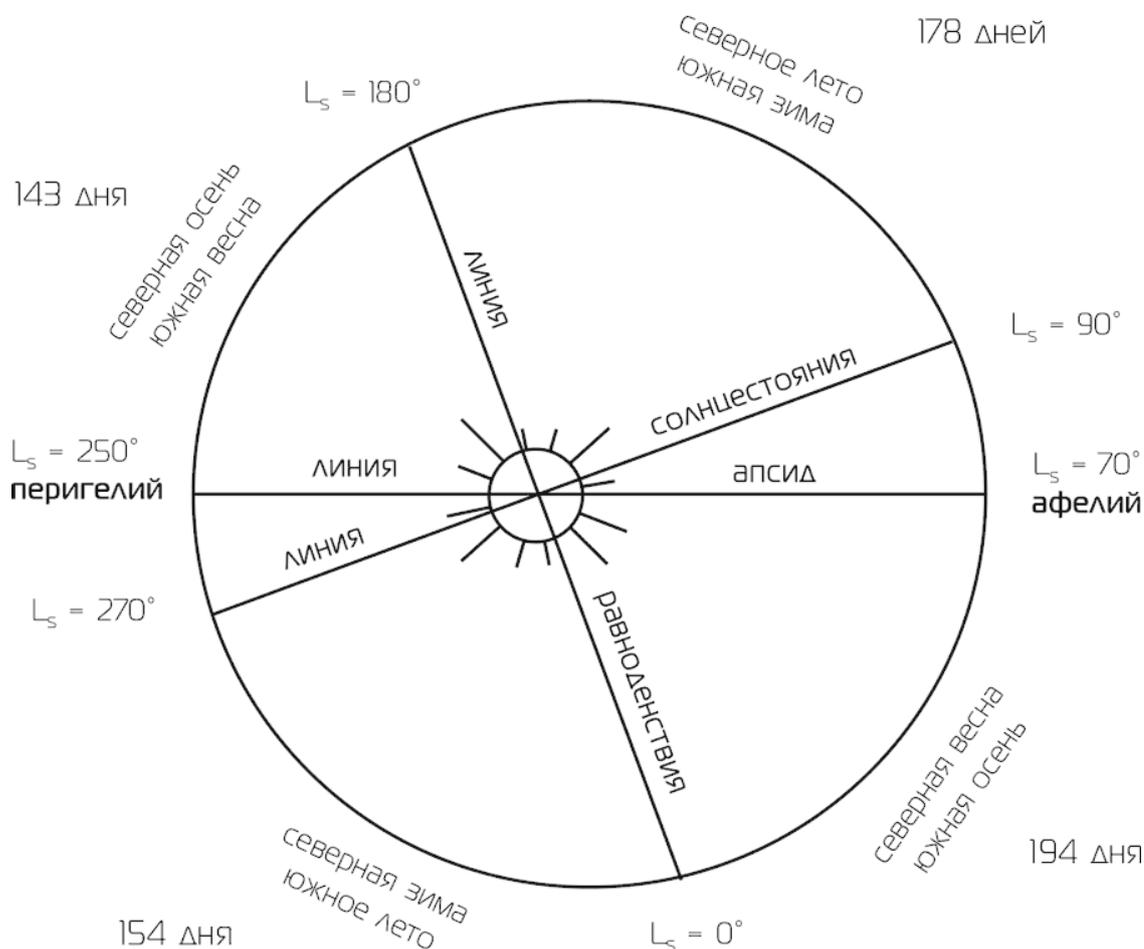
Эту простую систему усложнял эксцентриситет марсианской орбиты – экстремальный по земным меркам: в перигелии Марс находится примерно на сорок три миллиона километров ближе к Солнцу, чем в афелии, в результате чего ему достается на сорок пять процентов больше солнечного света. Из-за этого отклонения северные и южные времена года будут очень неравноценными. Перигелий каждый год выпадает на $L_s = 250^0$, в позднюю южную весну – поэтому южные весны и лета намного жарче северных: разница максимальных температур достигает примерно тридцати градусов. Южные осени и зимы, вместе с тем, холоднее, так как близки к афелию, – настолько холоднее, что южная полярная шапка состоит в основном из углекислого газа, тогда как северная – из водного льда.

Так что выходит, что юг – полушарие крайностей, а север – умеренностей. Но эксцентриситет орбиты приводит к еще одной занимательной особенности. Поскольку планеты движутся быстрее, когда находятся близко к Солнцу, времена года у перигелия короче, чем у афелия. Так, северная осень на Марсе длится 143 дня, тогда как северная весна – 194 дня. Весна на пятьдесят один день длиннее осени! Некоторые утверждали, что одной этой причины уже достаточно, чтобы поселиться на севере.

³⁰ Прозвище Луи Армстронга, образованное от слов *satchel mouth* (англ. «рот-меха»).

³¹ «Ain't Misbehavin'» – песня Фэтса Миллера, Гарри Брукса и Энди Разафа, записанная Луи Армстронгом в 1929 году.

Марсианский календарь Год первый (2027 год н. э.)

669 полных марсианских дней в 1 марсианском году
 24 месяца =
 21 месяц по 28 дней
 3 месяца (каждый восьмой) по 27 дней

Так или иначе, они находились на севере и было лето. Каждый новый день становился чуть-чуть короче предыдущего, а они продолжали свою работу. Территория вокруг базы теперь была более захлавленной, сильнее иссечена дорогами. Они проложили асфальтированную дорогу до Чернобыля, а сама база теперь разрослась до того, что тянулась от трейлерного парка за линию горизонта во все стороны: квартал алхимиков и дорога на Чернобыль – к востоку, постоянные жилища – к северу, склады и ферма – к западу, медико-биологический центр – к югу.

Наконец все переселились в готовые отсеки постоянного жилого комплекса. Там ночные совещания стали более короткими и обыденными, чем в трейлерах, и иногда даже выпадали дни, когда к Наде не обращались за помощью. Кое-кого она вообще видела лишь изредка – команду биомедиков в их лабораториях, исследовательскую группу Филлис и даже Энн. Однажды ночью Энн запрыгнула на соседнюю с Надей кровать и пригласила ее отпра-

виться с ними исследовать каньон Гебы, примерно в 130 километрах к юго-западу. Несомненно, Энн хотела показать ей хоть что-нибудь за пределами базы, но Надя отказалась:

– У меня же много работы, сама знаешь. – И, увидев разочарование Энн, добавила: – Может, в следующей поездке присоединюсь.

А затем она вернулась к работе над внутренней отделкой отсеков и внешней – нового крыла. Аркадий предложил сделать этот ряд первым из четырех, расположенных в форме квадрата, и Надя так и собиралась поступить. Также Аркадий подсказал, что в таком случае над территорией внутри квадрата можно будет устроить крышу.

– Вот где нам пригодятся магниевые балки, – заметила на это Надя. – Еще бы придумать более прочные стеклянные панели...

Когда Энн со своей командой вернулась из Геб, уже было готово две стороны квадрата – то есть двенадцать полностью завершенных отсеков. Тот вечер все посвятили видеозаписям. Они смотрели, как экспедиционные марсоходы катились по каменистым равнинам, как затем перед ними возник огромный обрыв, тянущийся во всю ширину экрана, будто они достигли края света. Доехав до небольших, в метр высотой, странных утесов, марсоходы остановились, и картинка задрожала, когда один из исследователей выбрался наружу и двинулся вперед с включенной на скафандре камерой.

Затем съемка вдруг стала вестись с самого обрыва – камера развернулась на сто восемьдесят градусов, показав каньон, который оказался настолько больше воронок цепочки Ганга, что его размеры было трудно осознать. Стены дальней стороны каньона были едва различимы на горизонте. Вообще же стены можно было видеть со всех сторон вокруг утопленного эллипса, достигавшего примерно двухсот километров в длину и ста поперек – каньон Гебы был почти замкнутым. Группа Энн подобралась к обрыву с севера много после полудня и отчетливо видела восточный изгиб стены, налитый солнечным светом, тогда как на западе же стена чудилась просто низким темным пятном. Дно каньона было более-менее ровным, с углублением по центру.

– Если бы можно было подвесить над каньоном купол, – сказала Энн, – получилось бы забавное и огромное замкнутое пространство.

– Таких куполов не бывает, Энн, – заметил ей Сакс. – Здесь тысяч десять квадратных километров.

– Ну, это было бы действительно классное пространство. Тогда остальную часть планеты можно было бы вообще не трогать.

– Стены каньона обрушились бы под весом такого купола.

– Поэтому-то его надо было бы подвесить.

Сакс лишь покачал головой.

– Это не более странно, чем тот космический лифт, о котором ты все время твердишь.

– Я хочу жить в доме, который будет стоять прямо в том месте, откуда ты это снимал, – перебила их Надя. – Какой вид!

– Подожди еще, пока не проснешься на одном из вулканов на Фарсиде, – раздраженно ответила Энн. – Вот там уж будет тебе вид.

Мелкие перебранки вроде этой случались у них постоянно. Это напоминало Наде неприятные последние месяцы на «Аресе». Другой пример: Аркадий со своей командой прислал видео, снятое на Фобосе, со своим комментарием. «Стикнийский³² удар почти расколол эту скалу на куски, а она, значит, хондритовая, почти на двадцать процентов состоит из воды, и большая часть ее была дегазирована при ударе, заполнила систему трещин, замерзла и превратилась в целую систему ледяных жил». Это был завораживающий процесс, но для них он стал лишь причиной спора между Энн и Филлис, их ведущими геологами, о том,

³² Стикни – крупнейший кратер на Фобосе.

объясняло ли это образование льда или нет. Филлис предполагала, что с Фобоса можно будет поставлять воду, что было глупостью даже при том, что их запасы невелики и требовали пополнения. Много воды расходовал Чернобыль, и фермеры готовы были создать небольшое болото в своей биосфере, а Надя – устроить плавательный комплекс в одном из сводчатых отсеков, который включал бы в себя бассейн, три вихревых ванны и сауну. Каждый вечер Надю спрашивали, как у нее продвигаются дела, потому что всем уже надоело мыться с помощью губок, которые не позволяли полностью очиститься от пыли, все соскучились по настоящему теплу. Люди мечтали о ванне: в своих древних дельфиньих мозгах, глубоко в подсознании, там, где желания первородны и неудержимы, они хотели вернуться в воду.

Поэтому им нужно было больше воды, но сейсмическое сканирование не показывало никаких признаков подземных скоплений льдов. Энн считала, что их вообще нет на планете. Они были вынуждены и дальше полагаться на воздухоборники либо выскребывать реголит и загружать его в установку для перегона почвенной воды. Но Наде не нравилось лишний раз прибегать к этим установкам, потому что они, произведенные совместно Францией, Венгрией и Китаем, непременно пришли бы в негодность, если их слишком сильно нагружать.

Но такова уж была жизнь на Марсе – он был сухим. *Шиката га най*.

– Выбор есть всегда, – ответила на это Филлис. Поэтому она и предложила загрузить грузовые летающие аппараты льдом с Фобоса и отправить их на Марс. Но Энн считала это глупой тратой энергии, и они снова вернулись к тому, с чего начали.

Надю это особенно раздражало потому, что сама она была в хорошем настроении. Она не видела причин ссориться, и ее тревожило, что другие не чувствовали того же. Почему динамика группы так сильно колебалась? Они же были на Марсе, где времена года длились вдвое дольше, чем на Земле, а каждый день был длиннее на сорок минут – почему люди не могли просто расслабиться? У Нади было чувство, будто у нее еще оставалось время на разные дела, хотя она всегда была занята, и эти тридцать девять с половиной минут в сутки были, пожалуй, главной причиной этого ощущения. Циркадные биоритмы формировались у людей на протяжении миллионов лет эволюции, а теперь у них внезапно появились дополнительные минуты дня и ночи, день за днем, ночь за ночью – несомненно, это оказывало свое действие. Надя была в этом уверена, потому что, несмотря на лихорадочный темп работы и полное истощение к концу каждого дня, когда она заваливалась на кровать, она всегда просыпалась отдохнувшей. Эта странная пауза на электронных часах, когда в полночь они доходили до 12:00:00 и внезапно останавливались, после чего начиналось неопределенное время и тянулось, тянулось, иногда слишком медленно, а затем сменялось на 12:00:01 и продолжало свой привычный ход... Да, марсианский временной сброс был чем-то особенным. Часто Надя засыпала в этом промежутке, как и большинство остальных. Но у Хироко была песня, которую та пела в это время, если не спала. Пели и ее фермеры, и многие из остальных – каждую субботнюю ночь они веселились и пели эту песню во время сброса. Песня была на японском – Надя не знала ее наизусть, но иногда тоже бубнила ее себе под нос, радуясь своему своду и своим друзьями.

Но однажды субботней ночью, когда она сидела вместе с друзьями, уже сонная, к ней подошла Майя и села рядом, чтобы поговорить. Майя со своим милым личиком, всегда опрятная, всегда шикарная даже в ежедневном комбинезоне. Казалось, она была в смятении.

– Надя, ты должна сделать мне одолжение! Пожалуйста, пожалуйста!

– Что?

– Мне нужно, чтобы ты сказала кое-что Фрэнку ради меня.

– Почему ты не можешь сказать этого сама?

– Мне нельзя, чтобы Джон увидел, что мы разговариваем. Но нужно передать ему сообщение. Пожалуйста, Надежда Франсин, только ты можешь мне помочь.

Надя фыркнула.

– Пожа-а-алуйста.

Удивительно, как сильно Наде сейчас захотелось скорее поговорить с Энн, Самантой или Аркадием. Вот бы Аркадий сейчас позвонил с Фобоса!

Но Майя была ее подругой. И этот отчаянный взгляд – Надя не могла его вынести.

– Что за сообщение?

– Скажи ему, что я встречу с ним сегодня вечером на складах, – властно произнесла Майя. – В полночь. Чтоб поговорить.

Надя вздохнула. Но позже подошла к Фрэнку и передала ему сообщение. Он кивнул, не встречаясь с ней взглядом, смущенный, угрюмый и грустный.

Несколько дней спустя они с Майей чистили кирпичный пол новейшего отсека, где предстояло повысить давление, и Надю одолело любопытство. Она нарушила привычное молчание и спросила у Майи, в чем у них было дело.

– Ну, это из-за Джона и Фрэнка, – жалобно ответила Майя. – Они во всем соперничают друг с другом. Они как братья, но очень завистливы. Джон первым оказался на Марсе и получил разрешение вернуться, а Фрэнк считает, что это нечестно. Фрэнк проделал большую работу в Вашингтоне, чтобы добиться основания колонии, и теперь думает, что Джон присвоил его заслуги. И вот теперь. Нам с Джоном хорошо вместе, он мне нравится. С ним легко. Легко, но, может быть, слегка... Не знаю. Не скучно. Но и не волнующе. Ему нравится гулять, развлекаться с фермерами. Но он так не любит разговаривать! А с Фрэнком мы могли говорить целую вечность. Может, мы и спорили до посинения, но это хотя бы было общение! И, как знаешь, у нас были очень непродолжительные отношения на «Аресе», еще в самом начале, но не срослось, хотя он до сих пор считает, что все могло бы получиться.

«С чего бы ему так считать?» – подумала Надя.

– И он все уговаривает меня бросить Джона ради него, а Джон его как раз в этом подзревает, и потому между ними такое сильное соперничество. Я лишь пытаюсь сдержать их, чтобы они друг друга не передушили, вот и все.

Надя решила больше об этом не спрашивать, но теперь была вовлечена в их дела против своей воли. Майя продолжала приходить к ней, чтобы выговориться, и каждый раз просила передавать сообщения для Фрэнка. «Я вам не посредница!» – по-прежнему возражала Надя, но все равно делала это, а раз или два у нее даже завязывались продолжительные беседы с Фрэнком – конечно, о Майе, о том, кто она такая, почему она такая, почему вела себя так, как вела.

– Слушай, – сказала ему Надя, – за Майю я говорить не могу. Я не знаю, почему она так поступает, это тебе нужно спросить у нее самой. Но могу сказать, что она выросла в советской Москве, прошла через университет и программы сразу за своих маму и бабушку. А для ее бабушки мужчины были врагами, и для матери тоже – по принципу матрешки. Мама говорила Майе: «Женщины – корни, а мужчины – просто листья». Целое общество выросло на недоверии, манипуляциях и страхе. Вот откуда происходит Майя. Еще у нас есть традиция *амикошонства*. Это такая крепкая дружба, когда ты узнаешь все до мельчайших подробностей о своем друге, и вы в некотором смысле овладеваете жизнями друг друга. Что, конечно, само по себе невозможно, рано или поздно заканчивается и, как правило, плохо.

Фрэнк кивал, слушая ее пояснение и находя в нем что-то знакомое. Надя, вздохнув, продолжила:

– Такая дружба ведет к любви, а у любви потом возникают те же проблемы, только более сложные, особенно когда в основе ее лежит страх.

И Фрэнк – высокий, в некотором смысле красивый, полный энергии, вращающейся в его внутреннем генераторе, американский политик, попавший под каблук русской краса-

вицы, – Фрэнк смиренно кивнул и со смущенным видом поблагодарил ее. Ему было нечего ответить.

Надя изо всех сил старалась не обращать на все это внимания. Но проблемы, казалось, теперь возникали на каждом шагу. Влад не одобрял того, сколько времени они проводили на поверхности в дневное время, и говорил:

– Большую часть времени нам следует проводить под холмом, необходимо закопать все лаборатории. Работы на открытой местности необходимо сократить до часа ранним утром и часа вечером, когда опустится солнце.

– Черта с два я просижу целый день взаперти, – возразила Энн, и многие с ней согласились.

– У нас еще много работы, – указал Фрэнк.

– Но большую ее часть можно выполнять в режиме дистанционного управления, – отметил Влад. – И так и нужно ее выполнять. А сейчас мы все равно что гуляем в десятке километров от ядерного взрыва...

– И что? – сказала Энн. – Солдаты так и делали...

– ...Раз в полгода, – закончил Влад и посмотрел на нее. – А ты бы стала это делать?

Даже Энн выглядела побежденной. Ни озонового слоя, ни нормального магнитного поля – они поджаривались радиацией почти так же сильно, как если бы находились в межпланетном пространстве при десяти бэр в год.

Итак, Фрэнк и Майя приказали им нормировать время, которое они проводили снаружи. Внутри, под холмом хватало внутренних работ – они заканчивали последний ряд отсеков. К тому же можно было вырыть еще несколько подвалов, чтобы у них появилось больше места, где можно было бы защититься от радиации. Многими тракторами можно было управлять дистанционно из закрытых станций. Оператор-человек наблюдал за экранами из-под земли, а машины работали согласно своим алгоритмам выбора решений. Технически это было возможно, но никому не нравился образ жизни, который им пришлось бы при этом вести. Даже Сакс Расселл, который большую часть времени довольствовался работой в помещении, казалось, был растерян. По вечерам некоторые заводили споры о необходимости скорейшего терраформирования, и теперь они разгорались с новой силой.

– Это не нам решать, – резко оборвал их Фрэнк. – Это должна сделать ООН. Тем более такое решение ведет к крупным последствиям, которые растянутся по меньшей мере на столетия. Не тратьте время на пустые разговоры!

– Это все так, – сказала Энн, – но я не хочу тратить время на то, чтобы сидеть в этих пещерах. Мы должны прожить свои жизни, как сами того хотим. Мы слишком стары, чтобы беспокоиться о радиации.

Снова споры. Из-за них Надя чувствовала, будто улетела с твердой почвы своей планеты обратно в напряженную невесомую действительность «Ареса». Брюзжания, пререкания, жалобы – и так до тех пор, пока им не наскучит или они не устанут и не уйдут спать. Теперь Надя выходила из комнаты, когда это начиналось, и искала Хироко, чтобы обсудить с ней что-нибудь конкретное. Но избежать этого совсем, перестать об этом думать было невозможно.

Однажды ночью Майя явилась к ней в слезах. В постоянном жилище оставили комнату для частных бесед, и Надя вышла с подругой в северо-восточный угол сводов, где внутренняя отделка еще не была закончена, и они сели рядом. Надя взволнованно слушала Майю, изредка накрывая ее плечо рукой и обнимая ее.

– Так почему бы тебе просто не решить раз и навсегда? – наконец спросила она. – Почему вы не перестанете играть в кошки-мышки?

– Я уже решила! Я люблю Джона, я всегда любила только Джона. Но теперь он видит меня с Фрэнком и думает, будто я его предала. Это так низко с его стороны! Они как братья и во всем соперничают, но сейчас это просто ошибка!

Надя не слушала подробностей – ей не хотелось этого знать. Но она продолжала с ней сидеть.

А затем перед ними возник Джон. Надя поднялась, чтобы уйти, но он не подал виду, что заметил ее.

– Слушай, – сказал он Майе, – прости, но я ничего не могу с этим поделать. Все кончено.

– Нет, не кончено, – ответила Майя, мгновенно успокоившись. – Я люблю тебя.

Джон горестно улыбнулся.

– Да. Я тоже тебя люблю. Но я хочу, чтобы все было просто.

– Все и так просто!

– Нет, не просто. То есть ты можешь любить нескольких человек одновременно. Кто угодно может, мы просто так устроены. Но ты можешь быть верной лишь одному. А я хочу... Я хочу быть верным. Той, кто будет верна мне. Это просто, но...

Он покачал головой, не в силах подобрать нужного слова. Он прошел обратно в восточный ряд отсеков и исчез за дверью.

– Американцы, – зло проговорила Майя. – Чертовы дети!

Затем она встала и вышла вслед за ним.

Но вскоре вернулась. Он присоединился к группе в одной из гостиных и не хотел уходить оттуда.

– Я устала, – попыталась сказать Надя, но Майя не желала слушать – лишь расстраивалась все сильнее и сильнее. Они обсуждали это больше часа, снова и снова. Наконец, Надя согласилась сходить к Джону, чтобы попросить его прийти к Майе и поговорить. Угрюмая, она пошла по отсеку, не обращая внимания ни на кирпичи, ни на нейлоновые обои. Посредница, которая ничего не замечала. Неужели для этого нельзя было использовать роботов? Она нашла Джона, и тот извинился, что проигнорировал ее ранее.

– Прости, я был расстроен. Я подумал, что ты в любом случае все узнала бы.

Надя пожала плечами.

– Ничего страшного. Но слушай, тебе нужно с ней поговорить. С Майей нельзя иначе. Мы говорим, говорим, говорим. Если ты вступил в отношения, тебе нужно все время говорить, все время. Если не будешь этого делать, то в будущем тебе самому будет от этого хуже, уж поверь.

Это подействовало на него. Придя в себя, он ушел искать Майю. А Надя отправилась спать.

Вечером следующего дня она работала снаружи на траншеекопателе. Это у нее уже был третий вид работ за день и второй, доставивший неприятности. До этого Саманта попыталась провезти груз на повернутом плоской стороной вверх лезвии землеройной машины, и та накренилась вперед, отчего подъемники отвала вылезли из своих креплений. При этом на землю выплеснулась гидросмесь и застыла, не успев как следует пролиться. Им пришлось установить домкраты под заднюю часть трактора, отсоединить все крепление лезвия и с помощью домкрата опустить машину. Каждое из действий проходило в муках.

Затем Надю позвали помочь с бурильной машиной «Сэндвик Тубекс». Так они проделывали скважины в крупных валунах, по которым вода должна была поступать от квартала алхимиков к постоянным жилищам. Погружной пневмоударник предположительно замерз в состоянии полного выдвигания, будто стрела, попавшая в дерево. Теперь Надя стояла, глядя на его вал.

– Есть какие-нибудь предложения, как можно освободить молот, не сломав его? – спросил Спенсер.

– Разломать камень, – устало ответила Надя и, отойдя, забралась в трактор, к которому уже была прикреплена обратная лопата. Подъехав на нем, она подняла лопату к верхней части валуна, после чего вылезла, чтобы прикрепить к ней небольшой ударный гидравлический молот «Эллейд». Как только она установила его, погружной пневмударник внезапно дернулся назад, потянув валун за собой, и прижал ее левую руку нижней частью «Эллейд Хай-Рэм».

Она инстинктивно отпрянула назад, и боль, пробежав по предплечью, поднялась до самой груди. Левую половину тела заполнило пламя, зрение помутнело. Она слышала крики:

– Что такое? Что случилось?

Должно быть, она закричала.

– Помогите, – с трудом протянула она.

Она смогла сесть, но сдавленная рука все еще была зажата между камнем и молотом. Она со всей силы толкнула ногой переднее колесо трактора и почувствовала, как молот растирает ее кости по камню. Затем шлепнулась на землю – рука была свободна. От боли ей отказывало зрение, живот крутило, она думала, что вот-вот лишится сознания. Поднявшись на колени, помогая себе здоровой рукой, она увидела, что раздавленная рука обильно истекала кровью, перчатку разорвало на куски, от мизинца почти ничего не осталось. Она застонала и наклонилась вперед, прижав руку к себе, а затем уткнувшись в землю, не обращая внимания на резкую боль. Даже при таком кровотечении рука должна была примерзнуть... но сколько нужно ждать?

– Мерзни, чтоб тебя, мерзни! – кричала она.

Смахнув слезы с лица, она заставила себя взглянуть на руку. Отовсюду сочилась кровь. Она вдавила ее в землю так сильно, как только могла. Болело уже меньше. Вскоре она должна онеметь – теперь ей нужно было быть осторожной, чтобы не отморозить руку целиком! Испуганная, она уже приготовилась оторвать ее от земли, встав на колени. Тут подбежали люди, подняли ее, и она лишилась чувств.

После этого случая она стала калекой. Надей Десятипалой, как назвал ее Аркадий в телефонном разговоре. Он отправил ей слова Евтушенко, посвященные памяти Луи Армстронга: «Тряхни стариной и сыграй».

– Где ты это нашёл? – спросила его Надя. – Не могу себе представить, чтобы ты читал Евтушенко!

– Конечно, читал. Он получше Макгонаголла!³³ А это было в книге об Армстронге. Я внял твоему совету и слушал его во время работы, а в последнее время стал читать книги о нем по вечерам.

– Хотела бы я, чтобы ты спустился к нам, – сказала Надя.

Операцию проводил Влад. Он заверил ее, что все будет хорошо.

– Все прошло чисто. Безымянный палец немного поврежден, но он, вероятно, будет теперь работать так, как раньше работал мизинец. Но от безымянных пальцев все равно никогда не было большой пользы. Большой и указательный останутся такими же сильными, как были всегда.

Все приходили ее навещать. Однако больше она общалась с Аркадием, в ночные часы, когда была одна, в те четыре с половиной часа между тем, как Фобос поднимался на западе и опускался на востоке. Сначала он звонил ей почти каждую ночь, а потом немного реже.

³³ Уильям Макгонаголл (1825–1902) – шотландский ткач, вошедший в историю как один из худших поэтов в истории британской литературы.

Довольно скоро она уже опять была на ногах, а на кисть наложили гипс, который казался подозрительно тонким. Она снова вышла наружу, чтобы давать советы или помогать решать проблемы, надеясь чем-то занять голову.

Мишель Дюваль к ней ни разу не зашел, и она находила это странным. Разве не для таких случаев нужны психологи? Она не могла не впасть в уныние: для работы ей нужны были руки – ведь она занималась ручным трудом. Гипс ей мешал, и она срезала его часть вокруг запястья, воспользовавшись ножницами из своего набора инструментов. Теперь, когда она выходила наружу, ей приходилось держать и руку, и гипс в футляре, и от нее было немного пользы в работе. Это сильно удручало ее.

Наступила ночь субботы, и она сидела в свеженаполненной вихревой ванне, потягивая плохое вино и оглядывая своих спутников, плещущихся в купальных костюмах. Она вовсе не единственная получила травму – сейчас они все были слегка побиты, спустя столько месяцев физического труда. Почти у каждого – следы обморожений, участки почерневшей кожи, которая в итоге отшелушивалась, оставляя новую, розовую, яркую и безобразную в жаре бассейна. Еще несколько человек носили гипс – на руках, запястьях, предплечьях, даже на ногах, у одних были переломы, у других вывихи. Вообще говоря, им просто повезло, что до сих пор никого не убило.

Столько тел – и ни одного для нее. Они знали друг друга, будто были одной семьей, думала она. Они были друг другу врачами, спали в одних комнатах, хранили вещи в общих шкафах, вместе принимали ванны. Обыкновенная группа животных, тем не менее примечательная в безжизненном мире, который заняла, но ее вид скорее успокаивал, чем волновал, – по крайней мере, большую часть времени. Немолодые тела. Надя сама была налитая, как тыква, пухлая, с крепкими мышцами женщина, квадратная и в то же время круглая. И одинокая. В эти дни ее ближайший друг – голос в ухе, лицо на экране. Когда он прибудет с Фобоса... ну, трудно сказать. На «Аресе» у него было полно женщин, а на Фобосе работала Джанет Блайлевен – только ради того, чтобы быть с ним...

Люди снова спорили, прямо в этом неглубоком бассейне. Энн, высокая и нескладная, наклонилась, чтобы язвительно ответить Саксу Расселлу, коротко и негромко. Он, как обычно, делал вид, будто не слышит. Когда-нибудь она стукнет его, если он будет неосторожно себя вести. Странно, как группа снова менялась, как менялась в ней обстановка. Ей никогда не удавалось этого уловить: истинная природа группы существовала отдельно от жизни их коллектива, каким-то образом обособленная от качеств индивидов, из которых состояла. Работа Мишеля как их психолога от этого, наверное, была почти невозможной. Не потому, что никто не мог раскрываться в его присутствии – он был самым тихим и ненавязчивым психологом из всех, какие ей когда-либо встречались. Несомненным сокровищем в этом обществе не верящих в мозгоправов. Но она по-прежнему считала странным, что он ни разу не зашел к ней после несчастного случая.

Однажды вечером она вышла из отсека, где располагалась столовая, и направилась к тоннелю, который они прокладывали от сводчатых жилищ к комплексу ферм. Там она встретила Майю и Фрэнка. Те яростно спорили, и по разносившимся крикам можно было понять не значение, но эмоции, которые они в них вкладывали. Лицо Фрэнка исказилось от гнева, Майя, отвернувшись от него, выглядела смятенной, она плакала. Обернувшись к нему, она крикнула:

– Это *никогда* не было так, как ты говоришь! – и вслепую, скривив рот узелком, бросилась в сторону Нади.

Лицо Фрэнка превратилось в маску боли.

Майя увидела застывшую на месте Надю, но пробежала мимо.

Надя, пораженная, повернулась и ушла обратно в жилые отсеки. Поднялась по магнито-лестнице в гостиную во втором отсеке и включила телевизор, чтобы посмотреть круглосуточный канал новостей с Земли – она делала это крайне редко. Чуть позже приглушила звук и стала рассматривать кирпичи, из которых был выложен сводчатый потолок у нее над головой. Тут вошла Майя и принялась объясняться: между ней и Фрэнком ничего не было, все было только у Фрэнка в голове, а он не хотел сдаваться, даже не имея никаких на то оснований, а ей-то нужен только Джон, и не ее вина в том, что Джон с Фрэнком находятся в плохих отношениях, все случилось из-за бессмысленного желания Фрэнка, но она, хоть это и не ее вина, все же чувствовала себя виноватой оттого, что эти двое когда-то были близкими друзьями, почти братьями.

Надя вежливо слушала, приговаривая: «да-да», «понятно» и все в таком духе, пока Майя не легла на пол и не заплакала. А Надя просто сидела на краю своего кресла, смотрела на нее и размышляла о том, сколько из сказанного было правдой. И о каком споре на самом деле шла речь. И нужно ли считать ее, Надю, плохой подругой из-за того, что она не верила в рассказанную Майей историю полностью. Но почему-то ей казалось, что Майя лишь путала следы, занимаясь очередной манипуляцией. Вот как все было: те два смятенных лица, которые она увидела в туннеле, – самое что ни на есть веское свидетельство ссоры между близкими. Значит, объяснение Майи – совершенная ложь. Надя сказала ей что-то утешающее и ушла спать, думая: «Ты уже и так отняла у меня слишком много времени, сил и внимания своими играми, ты мне за это пальцем ответишь, сучка этакая!!»

Наступил новый год, долгая северная весна подходила к концу, а они все еще не запаслись водой. Поэтому Энн предложила отправить экспедицию к полярной шапке и запустить автоматическую перегонную установку, попутно проложив путь, по которому марсоходы могли бы ездить на автопилоте.

– Поехали с нами, – позвала она Надю. – Ты же до сих пор ничего толком не видела на этой планете. Только кусочек между базой и Чернобылем – а это, считай, ничего. Ты пропустила Гебы и Ганг, а сейчас ничем новым ты здесь не занимаешься. В самом деле, Надя, даже не верится, какой труженицей ты тут стала. Ну вот зачем ты вообще полетела на Марс, а?

– Зачем?

– Да, зачем? Ну, здесь существует два рода деятельности – исследование Марса и жизнеобеспечение, необходимое для этих исследований. А ты сразу с головой ушла в жизнеобеспечение и не проявила ни малейшего внимания к тому, ради чего мы вообще здесь оказались!

– Ну, мне нравится этим заниматься, – смущенно ответила Надя.

– Ладно, но попробуй взглянуть на это по-другому! Какого черта ты не осталась на Земле, чтобы работать где-нибудь на стройке? Тебе не обязательно было проделывать весь этот путь, чтобы просто водить чертов бульдозер! Сколько еще ты собираешься здесь пахать, устанавливая туалеты и программируя тракторы?

– Ладно, ладно, – сказала Надя, подумав о Майе и всех остальных. Все равно квадрат сводов был почти завершен. – Я возьму отпуск.

Они поехали на трех дальнотрассовых марсоходах, Надя и пятеро геологов – Энн, Саймон Фрейзер, Джордж Беркович, Филлис Бойл и Эдвард Перрин. Джордж и Эдвард были друзьями Филлис со времен работы в НАСА и поддерживали ее, выступая в защиту «прикладных геологических изысканий», то есть поиска редких металлов. С другой стороны, Саймон был тихим союзником Энн, приверженцем чистых исследований и позиции невмешательства. Надя знала обо всем этом, даже несмотря на то что провела совсем немного

времени наедине с любым из этих людей – не считая Энн. Но разговоры есть разговоры: она могла бы сказать, кто за кого у них на базе, если бы это было ей нужно.

Каждый из экспедиционных марсоходов представлял собой четырехколесный модуль с гибкой рамой, из-за которой они напоминали гигантских муравьев. Их собрала компания «Роллс-Ройс» совместно с мультинациональным аэрокосмическим объединением, и у них было красивое, цвета морской волны наружное покрытие. В передних модулях располагались жилые помещения, их окна были тонированы со всех четырех сторон. В хвостовой части находились топливные резервуары и несколько черных вращающихся солнечных панелей. Восемь широких колес со спицевыми дисками достигали двух с половиной метров в высоту.

Двигаясь на север через плато Луна, они отмечали свой путь с помощью маленьких зеленых ретрансляторов, расставляя их через каждые несколько километров. Им также приходилось расчищать дорогу от камней, которые могли привести в негодность автоматические марсоходы – те использовали снегоуборочные устройства или небольшие подъемные механизмы, прикрепленные к переднему концу идущего впереди марсохода. Таким образом, они, по сути, строили дорогу. Хотя на плато им редко приходилось использовать оборудование для расчистки камней, и они двигались на северо-восток почти с максимальной своей скоростью – тридцать километров в час, несколько дней подряд. На северо-восток – потому что требовалось обогнуть систему каньонов Темпе и Мареотис. Этот путь вел их по плато Луна к длинному склону равнины Хриса. Оба эти региона во многом походили на местность, окружающую их основной лагерь, – ухабистые и усеянные мелкими камнями. Но поскольку они двигались вниз по склону, им открывалось непривычно много разных видов. Для Нади это было новым удовольствием – ехать вперед и вперед, видя перед собой новые земли, постепенно открывающиеся из-за горизонта: холмы, провалы, огромные изолированные валуны, редкие круглые останцы, высившиеся за пределами кратеров.

Спустившись в низменности северного полушария, они двинулись прямо на север по просторной Ацидалийской равнине и снова несколько дней ехали по ровной поверхности. Следы колес тянулись позади, будто после первого прохода газонокосилки по траве, а ретрансляторы ярко мерцали и казались неуместными среди скал. Филлис, Эдвард и Джордж хотели совершить несколько второстепенных поездок, чтобы исследовать некоторые объекты, замеченные на фотографиях со спутников, – например, необычные обнажения минеральных пород возле кратера Перепёлкина. Энн раздраженно напоминала им о цели миссии. Надя с грустью замечала, что здесь Энн выглядела почти такой же отстраненной и напряженной, как тогда, на базе. Где бы марсоходы ни останавливались, она выходила наружу одна, а когда они ели в первом марсоходе, замыкалась в себе. Изредка Надя пыталась разговаривать ее:

– Энн, почему все эти камни повсюду разбросаны?

– Метеориты.

– А где же кратеры?

– Большинство на юге.

– А как тогда сюда попали камни?

– Прилетели. Поэтому они такие маленькие. Только маленькие камни залетели так далеко.

– Но ты же вроде говорила мне, что эти северные равнины относительно новые, а большие кратеры – относительно старые.

– Так и есть. Камни, которые ты тут видишь, появились при падениях метеоритов, произошедших не очень давно. Всего камней, отколовшихся от метеоритов, скопилось гораздо больше, чем можно увидеть. Из них также образовался реголит. А он залегает до километровой глубины.

– Даже поверить трудно, – сказала Надя. – Ну в том смысле, что так много метеоритов. Энн кивнула.

– Прошли миллиарды лет. Этим Марс отличается от Земли: возраст пород колеблется от миллионов до миллиардов лет. Это такая значительная разница, что ее даже трудно вообразить. Но если все это увидеть, понять становится легче.

На середине Ацидалийской равнины им встретились длинные прямые ущелья с крутыми стенами и плоским дном. Как неоднократно заметил Джордж, ущелья походили на сухие русла легендарных каналов. Геологи называли такие образования *бороздами*, и они встречались целыми скоплениями. Даже самые небольшие из этих ущелий непроходимы для марсоходов, и, когда они поехали было по одному из них, им пришлось развернуться назад и выбрать путь по его краю – потому что у самого ущелья то возвышалось дно, то смыкались стены, а по краю можно было продолжить путь на север по ровной поверхности.

До горизонта впереди иногда было двадцать километров, иногда – всего три. Кратеры стали попадаться редко, а те, что попадались, были окружены невысокими холмами, которые расходились лучами от его краев, – это были всплесковые кратеры, образовавшиеся при падении метеоритов в вечномерзлый грунт, который от удара превратился в горячую грязь. Спутники Нади провели целый день, жадно изучая скошенные холмы вокруг одного из таких кратеров. Округлые склоны, как объяснила Филлис, свидетельствовали о том, что здесь когда-то давно была вода – так же несомненно, как окаменевшая древесина указала бы на то, что здесь росло дерево. По тому, как она это говорила, Надя поняла, что это было предметом очередного ее разногласия с Энн. Филлис придерживалась модели долгого водного периода, Энн – короткого. Или что-то в этом роде. Ученые могут спорить друг с другом из-за чего угодно, подумала Надя.

Севернее, в районе широты 54° , они въехали на причудливого вида территорию термокастов – бугристую местность, усеянную множеством обрывистых овальных ям, называемых *аласами*. Марсианские аласы в сотни раз больше своих земных аналогов: многие из них достигали двух-трех километров в ширину и порядка шестидесяти метров в глубину. Это явный признак вечной мерзлоты – здесь геологи были единодушны. Сезонные промерзания и оттаивания почвы приводили к тому, что грунт проваливался в такой форме, какую они видели сейчас. Ямы такого объема, по мнению Филлис, говорили о том, что содержание воды в почве высокое. Но Энн добавила: если только это не было просто очередным показателем временных масштабов Марса. Слегка ледяная почва, чрезвычайно мелко обваливающаяся на протяжении эонов.

Филлис с раздражением предложила собрать воду из грунта, и Энн с раздражением согласилась. Они нашли гладкий склон между лощинами, чтобы установить там водосборник для работы с вечномерзлыми породами. Надя возглавила процесс с чувством облегчения: отсутствие работы во время поездки начинало плохо на нее действовать. Это была приятная работа, на которую ушел целый день: Надя вырыла десятиметровую траншею с помощью небольшой обратной лопатки, которой был оснащен марсоход, устроила поперечную галерею в виде перфорированной трубы из нержавеющей стали, проверила электронагреватели, расположенные вдоль трубы и фильтров, и, наконец, засыпала траншею вырытыми ранее землей и камнями.

Над нижним концом галереи находились дренажный насос и отдельная линия транспортировки, ведущая к небольшому резервуару. Электронагреватели работали на батареях, которые заряжались с помощью солнечных панелей. Когда резервуар наполнялся – если воды оказывалось достаточно, чтобы его заполнить, – насос должен был отключаться, и открывался соленоидный клапан, по которому вода попадала на линию транспортировки, а оттуда просачивалась в галерею, после чего отключались и электронагреватели.

– Почти готово, – объявила Надя в конце дня, когда начала прикручивать транспортную трубу к последнему креплению. Ее пальцы сильно замерзли, а изувеченную руку уже трясло.

– Думаю, можно приступать к ужину, – сказала она. – Я почти всё.

Транспортную трубу нужно было покрыть белой пенополиуретановой пеной, а затем поместить ее в более крупную защитную трубу. Удивительно, как сильно изоляция усложняла простую водопроводную систему.

Шестигранная гайка, шайба, шпонка, сильный рывок ключа. Надя прошла вдоль трубы, проверяя стяжные хомуты на стыках. Все держалось. Она затащила инструменты в первый марсоход, оглянулась на результат своей работы: резервуар, короткая труба на опорах, ящик на земле, длинная невысокая насыпь потревоженного грунта, поднимающаяся в гору и кажущаяся сырой, но все же достаточно неприметная в этой холмистой местности.

– На обратном пути напьемся тут свежей воды, – сказала она.

Проехав на север более двух тысяч километров, они, наконец, достигли Великой северной равнины, древней вулканической низменности, опоясывающей северное полушарие между широтами 60° и 70° . Энн вместе с другими геологами каждое утро проводила здесь по паре часов меж темных голых камней, собирая образцы. Остальную часть дня они ехали дальше на север, обсуждая находки. Энн теперь казалась более погруженной в работу, более счастливой.

Однажды вечером Саймон объявил, что Фобос шел очень низко, прямо над холмами на юг, и, проехав следующий день, они должны были оставить его за горизонтом. Это наглядно показывало, насколько мала орбита этой луны – при том, что они находились лишь на широте 69° . Но Фобос плыл всего в пяти тысячах километров над экватором планеты. Надя, улыбувшись, помахала луне рукой, зная, что все равно сможет разговаривать с Аркадием с помощью недавно прибывших аэросинхронных радиоспутников.

Три дня спустя голые скалы закончились, скрывшись под волнами темного песка. Они словно вышли на морской берег. Достигли просторных дюн, опоясывавших планету между Великой северной равниной и полярной шапкой. Чтобы их пересечь, нужно было преодолеть около восьмисот километров. Песок здесь был угольного цвета с примесями фиолетового и розового и после красных валунов на юге казался отрадой для глаз. Дюны тянулись на север и на юг параллельными гребнями, которые лишь изредка прерывались или исчезали. Ехать по ним легко: песок плотно утрамбован, и от исследователей требовалось лишь выбрать крупную дюну и двигаться по ее горбатой западной стороне.

Так прошло несколько дней, дюны стали больше – такими, какие Энн называла бархатными. Они походили на огромные ледяные волны по сто метров в высоту, по километру в ширину и простирались вдаль на несколько километров. Как и многие другие особенности марсианского ландшафта, они были в сотни раз крупнее своих земных аналогов в Сахаре и Гоби. Экспедиция горизонтально двигалась по хребтам этих огромных волн, переходя от одной к другой. Марсоходы напоминали маленькие лодочки, которые гребли по черному морю, замерзшему на пике титанического шторма.

В один из дней, когда они одолевали это окаменевшее море, второй марсоход встал. Красный огонек на панели управления указывал на проблему, возникшую в гибкой раме между модулями. Оказалось, что задний модуль накренился влево, вдавив колеса с левой стороны в песок. Надя влезла в костюм и вышла посмотреть. Она смела пыль с того места, где рама соединялась с шасси модуля, и увидела, что все болты разломаны.

– Это займет какое-то время, – сказала Надя. – Вы, ребята, можете пока что тут как следует осмотреться.

Вскоре из модулей появились Филлис и Джордж в костюмах, а за ними – Саймон, Энн и Эдвард. Филлис и Джордж взяли из третьего марсохода ретранслятор и установили его

в трех метрах справа от «дороги». Надя вернулась к сломанной раме, стараясь как можно меньше касаться деталей руками: день был холодный – около семидесяти ниже нуля, – и она уже продрогла до самых костей.

Куски болтов не желали выходить, и она взяла дрель, чтобы просверлить новые дыры. Она начала напевать себе под нос «Шейха Аравии»³⁴. Энн, Эдвард и Саймон изучали песок. «Как приятно видеть, – думала Надя, – что земля не красная. Что Энн увлечена работой. И как приятно заниматься своей работой!»

Они почти добрались до арктического круга. $L_s = 84^0$, и до северного летнего солнцестояния оставалось всего две недели, поэтому дни становились длиннее. Как-то вечером Надя и Джордж работали, а Филлис грела ужин, и после еды Надя снова вышла наружу, чтобы закончить дела. Солнце проглядывало красным из коричневой дымки, маленькое и круглое, даже когда садилось; атмосфера была слишком мала, чтобы оно казалось крупным и плоским. Надя закончила, отложила инструменты и открыла наружную дверь в первый марсоход, когда голос Энн зазвучал у нее в ухе:

– Ой, Надя, ты уже заходишь?

Надя подняла взгляд. Энн стояла на краю западной дюны и махала ей. Она представляла собой черный силуэт на фоне кроваво-красного неба.

– Ну, как бы да, – ответила Надя.

– Подойди сюда на минутку. Я хочу, чтобы ты увидела этот закат, он должен выйти красивым. Давай, всего минутку, не пожалеешь. На западе собрались облака.

Надя вздохнула и закрыла дверь.

С восточной стороны дюны круто обрывалась. Надя осторожно подошла по следам, оставленным Энн. Песок был плотный и в основном твердый. Ближе к гребню уклон был сильнее, и она нагнулась вперед, чтобы зарыться пальцами в землю. Затем вскарабкалась на широкий закругленный выступ и только тогда смогла выпрямиться и осмотреться.

Солнечный свет обливал лишь гребни самых высоких дюн – остальное оставалось черной поверхностью, изувеченной короткими серо-голубыми извилинами. До горизонта было километров пять. Энн сидела скорчившись, в руке у нее был совок с песком.

– Из чего он состоит? – спросила Надя.

– Из темных твердых частиц.

Надя фыркнула.

– Это я и сама могла сказать.

– До тех пор, как мы попали сюда, не могла. Это могли быть и соединения этих частиц с солью. Но оказалось, что это осколки камней.

– А почему такие темные?

– Потому что они вулканического происхождения. На Земле песок состоит в основном из кварца, потому что в нем много гранита. Но на Марсе гранита меньше. Эти песчинки, вероятно, не что иное, как вулканические силикаты. Обсидиан, кремний, немного граната. Красиво, правда?

Она протянула Наде горсть песка. Конечно, она была совершенно серьезна. Надя сквозь гермошлем всмотрелась в черные крупинки.

– Красиво, – согласилась она.

Они стояли и смотрели закат. Их тени накладывались прямо на восточный горизонт. Небо на западе, над солнцем, было темно-красным, пасмурным и непрозрачным. Облака, о которых говорила Энн, – яркими с желтыми прожилками, высоко-высоко в небе. Что-то в песке блестело на свету, и дюны приняли ясный фиолетовый оттенок. Солнце казалось маленькой золотой пуговицей, а над ним сияли две вечерние звезды – Венера и Земля.

³⁴ Известная джазовая песня, написанная композитором Тедом Снайдером в 1921 году.

– В последнее время, с каждой ночью, они все сильнее сближаются, – тихо проговорила Энн. – Совпадение должно стать по-настоящему великолепным.

Солнце коснулось горизонта, и гребни дюн погрузились в тень. Золотая пуговка опустилась за черную линию на западе. Небесный свод стал темно-бордовым, облака в вышине – розовыми, как цветы смолевки. Повсюду вспыхивали звезды, и темно-бордовое небо окрасилось в яркий темно-лиловый электрический цвет, который тут же переняли и гребни дюн – и теперь казалось, будто по черной равнине разливались жидкие сумерки. Вдруг Надя почувяла, как ее нервную систему вскружил легкий ветерок, поднявшись по позвоночнику и разойдясь по всей коже, щеки защипало, и она словно ощутила дрожь в своем спинном мозгу. Красота способна приводить в дрожь! Для нее это чувство физической реакции на красоту перетекло в потрясение, волнение, которое можно было сравнить с сексом. И красота эта была такой странной, такой *чужой*. Надя никогда не замечала ее по-настоящему или никогда не ощущала – сейчас она это поняла. Она наслаждалась жизнью в Сибири, когда у нее все было хорошо, и потом жила в огромной аналогии, оценивая все в сравнении со своим прошлым. Но теперь она стояла под высоким лиловым небом на поверхности окаменевшего черного океана, и все было новым, странным, совершенно не сравнимым с чем-либо из виденного ею прежде. И вдруг прошлое убралось из ее головы, и она стала бездумно кружиться на месте, точно маленькая девочка, пытавшаяся вызвать у себя головокружение. Вес перемещался из кожи вовнутрь, и она больше не чувствовала себя полрой. Наоборот – твердой, собранной, уравновешенной. Как маленький разумный валун, кружащийся волчком.

Они соскользнули с крутого склона дюны. Оказавшись на дне, Надя возбужденно обняла Энн:

– О, Энн, не знаю, как тебя и благодарить за это.

Даже сквозь затемненный гермошлем было видно, как Энн улыбнулась. Это редко можно было увидеть.

С тех пор все казалось Наде другим. Да, она знала, что дело было в ней самой, что теперь она по-новому все замечала, по-новому смотрела. И пейзаж этому лишь способствовал: уже на следующий день они покинули черные дюны и очутились на такой местности, которую ее товарищи называли слоистой или напластованной землей. Это был район, где ровный песок зимой скрывала полярная шапка из двуокиси углерода. Сейчас, в середине лета он был виден, и вся местность складывалась лишь из криволинейных узоров. Они въехали на широкий ровный песок, ограниченный длинными извилистыми плато с плоскими вершинами. Края плато были крутыми и ступенчатыми, с крупными и мелкими слоями, напоминая дерево, которое спилили и отшлифовали, чтобы показать красивое зерно. Никто из них никогда не видел земли, такой удаленной, как эта, и по утрам они собирали образцы, скитались по ней, будто танцуя в марсианском балете, и наперебой перебрасывались словами. Причем Надя была возбуждена не меньше остальных. Энн объяснила ей, что каждую зиму мороз оставлял на поверхности новый слой. Затем ветровая эрозия разрушала стены арройо³⁵, оголяя их по бокам, и каждый слой оказывался оголен дальше того, что лежал ниже, и, таким образом, стены арройо составляли многие сотни узких террас.

– Это место похоже на собственную карту горизонталей, – заметил Саймон.

Так они ехали несколько дней и каждый вечер выходили к лиловым закатам, которые тянулись почти до полуночи. Они сверлили песчаные и ледяные породы, и те слоились вглубь настолько, насколько они могли сверлить. Однажды вечером Надя поднималась с Энн

³⁵ Сухое русло в пустынной долине.

по ряду параллельных террас, вполуха слушая ее объяснение прецессии афелия и перигелия, когда посмотрела назад на арройо и увидела, как тот сиял, будто лимоны и абрикосы в вечернем свете, а над ним висели бледно-зеленые чечевицевидные облака, идеально имитирующие чертежные лекала.

– Смотри! – воскликнула она.

Энн обернулась, увидела и тоже замерла. Они стояли и смотрели, как низкая полоса облаков парит над их головами.

Когда звонок к ужину, наконец, вернул их к реальности и они спускались по извилистым террасам, Надя *знала*, что теперь все для нее стало другим – или просто планета становилась еще причудливее и красивее по мере их приближения к северу. А может, дело было и в том, и в другом.

Они катились по плоским насыпям желтого песка, такого мелкого, твердого и чистого, что могли двигаться на полной скорости, замедляясь лишь для того, чтобы перейти вверх или вниз на другую террасу. Лишь изредка закругленные склоны между террасами доставляли им некоторые хлопоты, а один-два раза в день им даже приходилось отступать назад, чтобы найти путь. Но чаще всего дорогу на север удавалось отыскать без труда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.